

ИЗВЕСТИЯ

**САРАТОВСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ**

**САРАТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА
КРАСИЗНАМЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 2(2), 2021

**ИЗДАТЕЛЬ: Федеральное государственное
казенное военное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации»**

Лицензионный договор
с ООО «Научная электронная библиотека»
№ 398-09/2020 от 19 сентября 2020 г.

Издается с декабря 2020 года.
Периодичность 4 раза в год.

В журнале публикуются проблемные и обзорные статьи
по военным и техническим, гуманитарным и юридиче-
ским, социально-экономическим и общественным наукам.

Главный редактор БОЙКО С. В. (канд. пед. наук)
тел.: (8452) 66-91-22, доб. 4-40

Редакционная коллегия:

АБЛИЗИН В. А. (канд. ист. наук, доцент),
БАЛАНДИНА Т. М. (д-р социол. наук, профессор),
БЫЧЕНКО Ю. Г. (д-р социол. наук, профессор),
ГЕРМАН А. А. (д-р истор. наук, профессор),
ЕВДОКИМОВА Ю. Н. (канд. пед. наук, доцент),
ЖИВЛАКОВА А. Е. (канд. социол. наук),
КАРДАШ И. Л. (д-р воен. наук, профессор),
МАЙТОВА А. В. (канд. пед. наук) – литературный редактор,
ОВСЯННИКОВ С. Ю. (канд. пед. наук),
ОРЕХОВ А. В. (канд. воен. наук),
ПИХТЕЛЕВ А. М. – ответственный секретарь,
ПОПЛАВСКАЯ Н. Н. (канд. юрид. наук),
РАХИМБАЕВА И. Э. (д-р пед. наук, профессор),
ФРАНЦИФОРОВ Ю. В. (д-р юрид. наук, профессор),
ЧОЛАХЯН В. А. (д-р ист. наук, профессор),
ШЕВЧЕНКО Т. В. (канд. пед. наук, доцент) – зам. главного
редактора,
ШНЫРОВ А. Е. (канд. юрид. наук).

Дизайн и верстка КОРЫТИНОЙ Т. В.

Литературная редакция и корректура МАЙТОВА А. В.

Адрес редакции: 410023, Саратов, Московская, 158.
Телефон для справок: (8452) 66-91-22, доб. 4-81
E-mail: svivng@yandex.ru
www: svki.rosgvard.ru

Сдано в набор 17.03.2021.
Подписано в печать 05.04.2021
Формат бумаги 60×90 1/8. Тираж издания 100.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 16,0. Заказ № 505.

Отпечатано в типографии военного института

© Саратовский военный ордена Жукова
Краснознамённый институт
войск национальной гвардии, 2021

№ 2 (2) 2021

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

За достоверность информации,
точность фактов, имен собственных,
цифр и цитат, а также за то, что в
материалах нет данных, не
подлежащих открытой публикации,
отвечают авторы публикаций.

Позиция редакции может не
совпадать с точкой зрения авторов.

При перепечатывании материалов
ссылка на наш журнал обязательна.

В соответствии с Законом РФ
«О средствах массовой информации»
редакция имеет право не вступать в
переписку с авторами.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Корсаков А. С., Леонтьев В. В., Луняка А. Н. Человеческий фактор как основа безопасности дорожного движения.....	5
Можаев Н. М., Ганялин Н. В., Фомин А. Н. Совершенствование действий специального моторизованного полка по охране общественного порядка, посредством несения патрульно-постовой службы в населённых пунктах при обеспечении режимно-карантинных мероприятий в районе эпидемии.....	8
Пискунов Д. А. Современные приборы радиационной, химической разведки войск национальной гвардии Российской Федерации.....	12
Савельев В. В. Особенности банно-прачечного обслуживания подразделений Росгвардии при выполнении задач в отрыве от постоянного пункта дислокации.....	19
Семенченко С. О., Григорьев И. В. Особенности применения бронетанкового вооружения и техники войск правопорядка на территории Северного Кавказа, порядок их применения при выполнении служебно-боевых задач.....	23
Шатилов А. Г. Анализ перспективных беспилотных летательных аппаратов в системе вооружения.....	27

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богданов Д. А. Интеграционные процессы в образовании как часть цифровизации общества.....	32
Богомолов А. Н. Формирование у курсантов военных вузов умений коммуникативно-речевого взаимодействия с подчиненными.....	35
Ворожейкин С. А. Теоретические подходы и прикладные исследования в области восприятия лица другого.....	38
Дмитриев И. Н., Дмитриев Н. М. Система как способ самоорганизации и принцип существования материи.....	47
Заскалькин Е. Б., Мироманов Д. В., Треногин В. В. Организация педагогического эксперимента в оценке эффективности процесса формирования ИТ-компетентности выпускников военных образовательных организаций высшего образования Росгвардии.....	52
Муфаздалов С. И., Пронин К. В. Критерии определения убедительности заключения эксперта в процессе доказывания по уголовным делам.....	56
Новиков И. Н. Историческое осмысление сущности морально-психологического состояния военнослужащих.....	61
Петрунин М. В., Феофилактов И. А. Формирование системы воспитания военнослужащих в России.....	65

Поляков О. А. Реализация технологии модульного обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции у будущих офицеров.....	68
Сороков С. П., Грибанов Я. Е. Военные реформы в Российской империи начала XX века.....	71
Сороков С. П., Чекурков Н. А. Использование интерактивных форм обучения курсантов в процессе преподавания юридических дисциплин.....	79
Фомин В. И., Шестаков А. С. Военный преподаватель в современной образовательной деятельности.....	83
Чукин Д. С. Субъективная ошибка и ее влияние на уголовную ответственность военнослужащих.....	87
Шакин Д. А., Барбакарь А. Г. Некоторые аспекты формирования информационно-правового мировоззрения курсантов институтов войск национальной гвардии Российской Федерации на занятиях по криминологии.....	93
Шакин Д. А., Ценцера С. В. Метод кейсов в организации учебных занятий по военной педагогике в институтах войск национальной гвардии России.....	97
Шишкина Е. В., Дорогин Р. В. Лицензионно-разрешительная система в Российской Федерации: история создания и перспектива развития.....	100

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Болдырев А. Н. Организационная культура в предметном поле теоретической социологии.....	107
Быченко Ю. Г. Механизм как система, приводящая в движение процесс инновационного развития человеческого потенциала.....	109
Ворожейкин С. А. Анализ проблематики саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности.....	114
Егоров А. В. Семья военнослужащего в представлениях военной социологии.....	119
Курдюков Д. Н. Модели культуры здорового образа жизни в контексте теорий военной социологии.....	122
Передумов М. А. Военнослужащий войск национальной гвардии как предмет социологического исследования.....	126
Пронин К. В. Смысл «значения» или значение «смысла».....	131
Рогодникова Р. А., Плешивцев А. Ю. Принципы воспитания социальности как нравственного качества личности у учащихся «Класса Росгвардии».....	136

УДК 656.1

КОРСАКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники
(Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии, г. Новосибирск)

ЛЕОНТЬЕВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ

доцент
преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники
(Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии, г. Новосибирск)

ЛУНЯКА АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

старший преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрыты этапы изучения человеческого фактора в дорожном движении и его роль в обеспечении безопасности движения.

Ключевые слова: водитель, дорога, дорожно-транспортные происшествия, человеческий фактор, скорость.

Водитель, как оператор системы «водитель – автомобиль – дорога – среда» (ВАДС), большую часть информации получает от следующих элементов: подвижных и неподвижных объектов на дороге, дорожных знаков, светофоров, а также состояния дорожного покрытия и среды движения.

Обстановка на дороге быстро меняется и все действия водителя являются его ответными реакциями на невероятное многообразие дорожных ситуаций, нередко совершенно неожиданных и трудно предсказуемых. Работа водителя трудна тем, что он в своих действиях должен учитывать не только дорожную ситуацию, но и следить за работой исполнительных органов и контрольных приборов автомобиля. Руководствуясь поступающей информацией, водитель выбирает наиболее оптимальный для данной конкретной обстановки способ реагирования и осуществляет постоянный контроль за результатами выполненных им управляющих действий. В обеспечении безопасности дорожного движения человеческий фактор играет важную роль. Безопасность дорожного движения достигается при помо-

щи хорошей организации дорожного движения, что приводит к резкому снижению количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП). В странах с большим количеством автотранспорта ДТП приводят не только к значительному материальному урону, но и к гибели большого количества людей.

Плотность транспортных потоков тесно связана с количеством автотранспорта. Поэтому возникает необходимость повышения требований к квалификации водителя. Совершенствование умений и навыков водителей является ключевой задачей, выполнив которую, возможно существенно снизить количество ДТП и повысить безопасность движения. Постепенное решение вопроса качественной подготовки водителя, как одного из основных факторов безопасности движения, сможет существенно уменьшить число ДТП и улучшить безопасность на дорогах.

Большое количество людей работает на автотрассах. В связи с этим к данным сооружениям должны задаваться требования, обеспечивающие и безопасность, и удобство одновременно. Для выполнения этой задачи

необходимы данные, которые получают с участием водителей в ходе экспериментов, необходимых для выработки четких требований к объектам.

Созданию благоприятных условий работы человека, управляющего автомобилем, способствует принятие во внимание возможностей водителя при проектировании дорог и автомобилей. Из-за интенсивности движения на дорогах и увеличения в транспортном потоке легковых автомобилей проблема обеспечения безопасности движения стала особенно острой, а именно усложнился процесс движения смешанного транспортного потока.

Изменение скорости и траектории движения замыкает сложный процесс восприятия водителем окружающей его обстановки. Эмоциональная напряженность усиливается при ответных действиях водителя на какой-либо элемент дорожной обстановки и при этом скорость движения не снижается, вследствие чего, ошибки допускаются не сразу в момент аварийной ситуации, а спустя некоторое время после благополучного ее разрешения. Именно поэтому, большее количество ДТП происходит после прохождения опасного участка дороги.

Существует три крупных этапа для исследования роли человеческого фактора в обеспечении безопасности дорожного движения.

Увеличение скорости и интенсивности движения привело к необходимости учёта способностей водителя по обнаружению опасности и скорости принятия им ответных действий при создании автодорог. На этом этапе зародился принцип «необходимого расстояния видимости», заключающийся в том, что необходимо учитывать не только тормозной путь транспортного средства, но и расстояние, преодолеваемое за время реакции водителя.

Период ответа водителя на опасность стал учитываться для обеспечения безопасности движения после выявления данной закономерности. Вследствие этого, стали применяться методы устранения возможности неожиданного появления во время движения на дороге опасных факторов таких, как разрушение или ремонт дорожного покрытия, дорожно-транспортное происшествие и предоставление водителю времени на оценку ситуации, принятие и реализацию решения. Для восприятия водителем изменившейся обстановки было взято время в 1 се-

кунду, взятое из психофизиологических исследований, но без проведения дорожных исследований. Данное время надолго осталось единственным параметром, оценивающим водителя, а остальные расчёты были направлены на обеспечение устойчивости автомобиля.

Введенный позднее коэффициент поперечной силы смог численно отобразить восприятие человеком нагрузок при перемещении транспортного средства по радиусу. В 1939 г. А. В. Макаров разработал математическое выражение, позволявшее определить минимальный радиус кривой дороги, учитывая безопасность и комфорт человека. Данная формула используется и в наши дни.

В 50-е годы 20 века начался новый этап изучения степени воздействия различных условий на аварийность и комфортность вождения. Опыт показал, что соблюдение технических условий при постройке дорог недостаточно для поддержания необходимого уровня безопасности дорожного движения. При эксплуатации транспортных средств на новых дорогах выявлялись отрезки с большим числом аварий и неравномерной скоростью движения. Это было вызвано тем, что при расчёте дорог во внимание не были приняты особенности восприятия водителем дорожной обстановки.

В проведенных исследованиях водитель выступал еще в неявной форме: в качестве критерия степени влияния дорожных условий на безопасность движения использовались данные статистики дорожно-транспортных происшествий и изменения скорости или траектории движения.

В это время велись работы по исследованию необходимого времени для реакции человека, параметров удобства движения, параметров проезжей части, разрабатывались методы конструирования автотрасс с учётом необходимого обзора.

В. Ф. Бабков обратил внимание на элементы трассы и их взаимосвязи, рассмотрев работы по психофизиологии человека и причин ДТП. Было выявлено, что необходимо сохранение внимания водителя в процессе движения на одном уровне и не допущение мест, где возможно снижение или повышение уровня внимания. При этом возникли трудности, так как подобные явления крайне трудно просчитать математически [1].

На третьем этапе началось прямое изучение водителя как объекта дорожного

движения. Это было вызвано массовым появлением автомобилей.

Ученые пришли к выводу, что человек является ключевым звеном. На человеке лежит ответственность за оценку ситуации на дороге, контроль движения автомобиля. Вся сенсорная система, все психические реакции формировались под воздействием скорости поступления к водителю информации и необходимой быстроты ответной реакции, которые характерны для естественного движения с помощью собственных конечностей. Но система восприятия человеком информации, его психические реакции были сформированы для движения со скоростью свойственной его естественному перемещению. Моторные и сенсорные возможности человека превышают практически необходимые, давая определенный запас в скорости получения информации и быстроте реагирования, необходимых для действий в критической ситуации. Стало ясно, что моторные и сенсорные возможности человека имеют свои пределы, и хотя и имеется запас необходимый для экстремальных условий. В ходе экспериментов было выявлено, что время реакции человека становится критичным при скоростях движения порядка 60–70 км/ч.

Дорога должна «подсказывать» водителю необходимый порядок действий при управлении автомобилем и помогать ему оценивать дорожные условия.

С течением времени напряженность работы водителя стала превышать оптимальные пределы. Это было вызвано быстрым ростом скоростей и плотностей движения. Вследствие этого применяемые методы исследований, учитывающие только базовые принципы психологии человека стали неэффективны.

Для получения большего объема данных и определения эмоционального состояния водителя стала применяться электрокардиограмма. Стали проводиться опыты устанавливающие связь между различиями в ЭКГ и повышением сложности дорожных ситуаций. Опыты привели к изменению организации и времени рабочего дня водителя.

С появлением компактной аппаратуры, фиксирующей движения глаз человека,

начался ряд исследований, направленных на решение вопросов организации движения (выявление факторов, влияющих на точность оценки водителем скорости движения, определение оптимальных мест расположения дорожных знаков), распределения внимания на дороге и утомляемости водителей.

Появление передвижных лабораторий, появившихся благодаря потребности в широком спектре исследований состояния водителя, позволило фиксировать движение автомобиля и ряд психофизиологических показателей: электроэнцефалограмму, электроокулограмму, кожно-гальваническую реакцию, миограмму [2].

С появлением подобных установок появилась возможность изучения взаимосвязи между утомлением и способностями водителя, изучались динамическое изменение работоспособности водителя в течение дня, связь дорожных условий и восприятия их водителем.

Следовательно, в обеспечении безопасности дорожного движения проблема человеческого фактора заключается в установлении влияния дорожных условий на продуктивность и надежность деятельности водителя и разработке показателей и методов, позволяющих учитывать психофизиологические возможности водителя при проектировании дорог и организации движения, необходимости выяснения механизмов и количественных характеристик восприятия и переработки водителем информации о дорожной обстановке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полтев, К. М. Физиология и психология водителя и безопасность движения / К. М. Полтев, М. К. Полтев, А. З. Бровко. – Москва: Всесоюзный заочный политехнический институт, 1980. – 19 с.
2. Проектирование и изыскание пересечений автомобильных дорог / Е. М. Лобанов, В. М. Визгалов [и др.]. – Москва: Транспорт, 1996. – 232 с.
3. Самойлов, Д. С. Организация и безопасность городского движения / Д. С. Самойлов, В. А. Юдин, П. В. Рупевский. – Москва: Высшая школа, 1991. – 256 с.

* * *

KORSAKOV ALEXEY SERGEEVICH

Lecturer of the Department of cars, armored weapons and equipment
(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops, Novosibirsk)

LEONTEV VLADIMIR VIKTOROVICH

Associate Professor

Lecturer of the Department of cars, armored weapons and equipment

(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops, Novosibirsk)

LUNYAKA ANATOLY NIKOLAEVICH

Senior Lecturer of the Department of cars, armored weapons and equipment

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

THE HUMAN FACTOR AS THE BASIS OF ROAD SAFETY

Abstract. The article reveals the stages of studying the human factor in road traffic and its role in ensuring traffic safety.

Keywords: driver, road, traffic accidents, human factor, speed.

* * *

УДК 331:316

МОЖАЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

кандидат педагогических наук

старший преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

ГАНЯЛИН НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

старший преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

ФОМИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО МОТОРИЗОВАННОГО ПОЛКА ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ПОСРЕДСТВОМ НЕСЕНИЯ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ В НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМНО-КАРАНТИННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАЙОНЕ ЭПИДЕМИИ

Аннотация. В статье предлагается порядок совершенствования действий специального моторизованного полка по охране общественного порядка, посредством несения патрульно-постовой службы в населённых пунктах при обеспечении режимно-карантинных мероприятий в районе эпидемии.

Ключевые слова: специальный моторизованный полк, охрана общественного порядка, режимно-карантинные мероприятия, эпидемия, патруль, патрульная группа.

В современных условиях среди многих социально-биологических проблем, затрагивающих интересы всего человечества, проблема предупреждения и

ликвидации последствий эпидемий инфекционных болезней занимает особое место.

Войска, предназначенные для несения режимно-карантинной службы, выполня-

ют в основном две задачи: восстанавливают контроль над ситуацией на территории, на которой введен карантин и обеспечивают стабилизацию в нем обстановки [1, с. 6]. Сущность режимно-карантинной службы заключается в создании особых условий и порядка функционирования и жизнедеятельности людей, предприятий, организаций и т. п., а также в ведении надзора за выполнением установленных в карантинном районе правил поведения граждан в быту и общественных местах.

Анализ сущности режимно-карантинной службы позволяет кроме оцепления выделить ещё ряд задач, выполнение которых осуществляется в её пределах.

Служба по ООП и ООБ – вид служебных действий войск национальной гвардии, заключающихся в проведении войсками мероприятий в целях предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений на улицах и в иных общественных местах, в том числе в районах (местах) проведения публичных и массовых мероприятий [2, с. 5]. Усиление охраны общественного порядка в карантинном районе заключается в совместных действиях сил и средств системы правопорядка по установлению и поддержанию особых правил поведения граждан на улицах и других общественных местах осуществляется группой патрулирования, численность и состав которой будет зависеть от оперативной обстановки в этом районе, а также наличия сил и средств, привлекаемых для обеспечения режимно-карантинных мероприятий.

То есть, необходимость усиления охраны общественного порядка подразумевает под собой наличие существующей системы охраны общественного порядка, которая в определенных условиях не выполняет возложенные на нее задачи [3, с. 15]. Тогда возникает необходимость повысить возможности системы охраны общественного порядка до уровня, обеспечивающего:

- создание условий для нейтрализации причины ухудшения оперативной обстановки;

- соразмерную реакцию на возникающие угрозы общественному порядку и общественной безопасности;

- надежную защиту прав и свобод граждан от преступных и иных противоправных посягательств;

- обеспечение неотвратимости правовой

реакции на совершенные противоправные действия;

- выполнение других, продиктованных обстановкой задач.

Для усиления охраны общественного порядка выделяются подразделения, которые несут службу по охране общественного порядка в наиболее крупных населенных пунктах района эпидемии.

Из опыта действий войск к мерам по усилению охраны общественного порядка относятся:

- повышение возможностей войскового наряда за счет вооружения личного состава табельным оружием и экипировкой средствами индивидуальной защиты и активной обороны;

- создание мобильного резерва и размещение его в центре маршрутов войсковых нарядов, обеспечение резерва экипировкой для различных способов действий;

- увеличение численности войсковых нарядов и плотности расстановки войсковых нарядов.

Но конкретный перечень мер, которые необходимо предпринять для усиления охраны общественного порядка отсутствует.

Специфика действий при обеспечении режимно-карантинных мероприятий в районе эпидемии вносит свои особенности в усиление охраны общественного порядка, ограничение свободы передвижения, поэтому предлагаю рассмотреть данный вопрос по нескольким направлениям:

1. Территориальное направление. Усиление достигается путем увеличения плотности войсковых нарядов. Нормативно-правовым основанием для расстановки войсковых нарядов на маршруты является план комплексного использования сил и средств, в котором возможно заранее предусмотреть соответствующую расстановку войсковых нарядов с учетом усиления, что действующей нормативно-правовой базой не предусмотрено. Возможно и целесообразно разбить существующие маршруты на 2–3 менее продолжительных участка (в зависимости от характеристик маршрутов), с оставлением соответствующего номера, но с присвоением литер «а», «б», «в». Таким образом, командир полка получит правовое основание для выставления на один маршрут патрулирования двух-трех войсковых нарядов, чем достигнет увеличения количества нарядов на одной площади.

Также увеличение плотности возможно путем объединения войсковых нарядов в

патрульные группы. Патрульная группа – совокупность двух и более войсковых нарядов с патрулем на автомобиле в качестве основы. В определение заложено следующее несоответствие: патруль на автомобиле имеет свой маршрут, протяженностью 6–8 км. Для того чтобы автопатруль снялся с маршрута и убыл к пешему наряду, ему необходимо правовое основание. На это время маршрут автопатруля остается оголенным. Предлагаю на время усиления охраны общественного порядка ограничить максимальное количество нарядов в патрульной группе четырьмя, а рекомендовать – не более трех. На автомобиле должен передвигаться не патруль, а начальник патрульной группы, который не будет привязан к определенному маршруту движения, а в пределах территории пеших нарядов своей патрульной группы сможет свободно передвигаться. Таким образом, будет решено несколько вопросов:

- увеличена плотность войсковых нарядов (начальник патрульной группы сам является начальником войскового наряда с повышенной маневренностью в пределах территории маршрутов подчиненных ему нарядов);

- повышена эффективность управления и оповещения войсковых нарядов, скорость принимаемых решений (часть решений НППГ может принимать самостоятельно с последующим докладом ДВН);

- уменьшение времени отсутствия войскового наряда на маршруте в случае доставления задержанного в органы внутренних дел (поскольку оформление и доставление задержанного в органы внутренних дел может осуществлять НППГ);

- возможность своевременного маневра войсковыми нарядами в пределах одной патрульной группы для оказания взаимопомощи.

2. Временное направление. Переход на двух, трех или четырех сменное несение службы, в зависимости от возможностей смп и складывающейся обстановки.

Временные и численные показатели смен могут отличаться. В ночное время, когда ожидается наименьшая активность населения, возможно выставлять службу с низкими плотностями, с содержанием мобильного резерва и проведением демонстрационных действий.

Время несения службы двух смен может пересекаться (например, одна смена несет службу с 09.00 до 15.00, следующая –

с 13.00 до 19.00) для создания более высоких плотностей войсковых нарядов в периоды с самым высоким ожиданием противоправных действий. Соответственно, четырех-сменная служба может планироваться в следующее время: 1-я смена: с 06.00 до 12.00; 2-я смена: с 10.00 до 16.00; 3-я смена: с 14.00 до 20.00, 4-я смена: с 18.00 до 24.00. Такая организация службы по ООП максимально затруднит подготовку к массовым беспорядкам, позволит оперативно реагировать на противоправные действия и даст максимальный профилактический эффект.

3. Качественное направление. Повышение возможностей каждого военнослужащего отдельно и войскового наряда в целом. Возможно достичь:

- созданием из числа резерва (не более 20 %) таких войсковых нарядов, как передвижных групп быстрого реагирования, с задачей нахождения на технике в географическом центре патрульной группы (патрульных групп) для своевременного оказания помощи войсковым нарядам. В передвижные группы быстрого реагирования возможно включать сотрудника полиции, но при этом не военнослужащие будут придаваться полицейскому, а не наоборот;

- проведением демонстрационных действий (проведение показательных разводов на службу по охране общественного порядка в местах массового пребывания граждан, маневр резервом, освещение действий воинских частей в средствах массовой информации, в том числе в интернет-ресурсах).

Для действий в составе поста охраны порядка целесообразно расширить данное понятие. Пост охраны порядка – войсковой наряд в составе двух и более военнослужащих, предназначенный для выполнения возложенных на него обязанностей путем непрерывного наблюдения за определенным участком местности (объектом) в радиусе до 300 метров. Предлагаю ввести понятие подвижный пост охраны порядка. Принципиальное отличие – несение службы на посту с периодическим обходом местности (территории объекта, территории прилегающей к объекту) в радиусе до 300 метров. Периодичность обхода для каждого поста устанавливать в зависимости от условий местности и обстановки (20 мин, 30 мин, 40 мин, и т. д.). Введением подвижного поста охраны общественно-

го порядка решится ряд проблемных вопросов:

- протяженность маршрута пешего патруля – от 1 до 1,5 км (может быть увеличена или уменьшена). Подвижным постом охраны порядка возможно перекрыть не просматриваемые участки местности протяженностью от 200 м до 600 м и более на участках, где выставлять патруль не целесообразно;

- при выполнении задач по наблюдению за объектом, периодический обход позволит осуществлять профилактические действия по недопущению правонарушений со всех сторон объекта.

Таким образом, совершенствование действий специального моторизованного полка по охране общественного порядка, посредством несения патрульно-постовой службы в населённых пунктах при обеспечении режимно-карантинных мероприятий в районе эпидемии необходимо осуществлять по территориальному, временному и качественному направлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от

30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

2. Формы применения и способы действий войск национальной гвардии Российской Федерации при выполнении служебно-боевых задач: учебное пособие: альбом. – Москва: Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации Научный центр стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии, 2019. – 98 с.: ил.

3. Можяев, М. Н. Обеспечение соединениями, воинскими частями и подразделениями внутренних войск МВД России режимно-карантинных мероприятий в очагах эпидемий и эпизоотий: учебное пособие / М. Н. Можяев. – Саратов: Саратовский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел России, 2007. – 51 с.

4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 277. – Ст. 4159.

* * *

MOGAEV NIKOLAY MIKHAYLOVICH

Candidate of Pedagogical Sciences

Senior Lecturer of the Department of Day-to-Day Management

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

GANYALIN NICOLAY VLADIMIROVICH

Senior Lecturer of the Department of Day-to-Day Management

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

FOMIN ANDREI NIKOLAYEVICH

Lecturer of the Department of Day-to-Day Management

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

IMPROVEMENT OF THE ACTIONS OF A SPECIAL MOTORIZED REGIMENT FOR THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER, BY CARRYING OUT PATROL AND POST SERVICE IN LOCALITIES WHILE ENSURING ROUTINE QUARANTINE MEASURES IN THE AREA OF THE EPIDEMIC

Abstract. The article proposes a procedure for improving the actions of a special motorized regiment for the protection of public order, by carrying out patrol and post service in localities while ensuring regime-quarantine measures in the area of the epidemic.

Keywords. special motorized regiment, public order protection, quarantine measures, epidemic, patrol, patrol group.

* * *

УДК 623.454.86

ПИСКУНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

преподаватель кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРИБОРЫ РАДИАЦИОННОЙ, ХИМИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается развитие и современные образцы приборов позволяющих выполнить одну из задач РХБ защиты, возложенных на войска национальной гвардии Российской Федерации: «Выявление и оценка радиационной, химической и биологической обстановки». Автором выделяется, что радиационная, химическая разведка организуется и проводится для получения данных о факте заражения и выявления сложившейся (фактической) радиационной, химической обстановки.

Определено, что рассматриваемые современные средства радиационной и химической разведки войск национальной гвардии полностью отвечают современным требованиям, не уступают, а во многом преобладают по своим тактико-техническим характеристикам над зарубежными аналогами.

Ключевые слова: технические средства разведки, излучение, отравляющие вещества.

Современные военные действия характеризуются высокой скоростью изменения обстановки, в том числе радиационной, химической, биологической (далее – РХБ) обстановки. Поэтому своевременное ее выявление является приоритетной задачей подразделений радиационной, химической и биологической защиты. За организацию выявления РХБ обстановки несут ответственность командиры воинских формирований (начальники учреждений). Наиболее сложные и масштабные задачи по выявлению РХБ обстановки выполняются подразделениями РХБ разведки.

Боевое применение ядерного оружия армией США в конце Второй мировой войны обусловило необходимость создания войсковых средств, приборов радиационной разведки и дозиметрического контроля.

Исходной базой для разработки войсковой дозиметрической аппаратуры в 1948–1950 годы являлись приборы геологоразведки и аппаратура дозиметрического обеспечения ядерной энергетики испытаний и производства ядерного оружия [1, с. 4].

К началу 1952 года были разработаны и приняты на снабжение первые войсковые приборы: рентгенметр ДП-1, радиометр ДП-11, индикатор радиоактивности ДП-62 и комплект индивидуальных («слепых») дозиметров ДП-21.

В 1961–1963 годы много внимания уделялось метрологическому обеспечению. Был найден и обоснован принцип сокращенных расстояний между детектором поверяемого прибора и источником гамма-излучения, позволивший решить проблему оснащения войсковых ремонтных органов малогабаритными поверочными установками.

В последующие годы проводятся исследования по разработке принципов и методов регистрации доз гамма нейтронного излучения протекающей радиации ядерных взрывов с целью создания войсковых и индивидуальных гамма-нейтронных дозиметров.

Проводятся испытания и принимаются на снабжение дозиметрические приборы: радиометр-рентгенометр ДП-5, комплект дозиметров ДП-22В, индикатора сигнализатора ДП-63, радиометрическая установка ДП-100, РУ-1 [2, с. 27].

На смену приборов аналогового типа поступают на снабжение современные цифровые приборы: ИМД-1, ИМД-2, ИМД-5, ИМД-12, ИМД-13, ИМД-21, ИМД-22 и ИМД-23; СР-01С. Каждый новый образец разрабатывался с целью улучшения технических, эксплуатационных характеристик, обеспечения более высокой технологичности в производстве.

Кроме того, велись интенсивные исследова-

дования по поиску методов регистрации гамма-нейтронного излучения ядерного взрыва. Завершилось создание войскового прямопоказывающего гамма-нейтронного дозиметра ИД-1, принятого на снабжение в 1974 году. Одновременно, разработан индивидуальный гамма-нейтронный дозиметр ИД-11 (1976 год).

Для ранней диагностики степени лучевых поражений, медицинской сортировки раненых (пораженных), а также для контроля облучения личного состава разработан измеритель поглощенной дозы гамма-излучения ИД-14 (2002 год).

С появлением нейтронных боеприпасов проблема регистрации доз быстрых нейтронов вышла на первое место. Разработки в этом направлении завершились принятием на снабжение химических дозиметров Д-12 (1990 год) и Д-13 (1994 год), которые обеспечивают регистрацию доз гамма-нейтронного излучения во всем спектре.

В начале 80-х годов, с введением в состав химических войск частей ликвидации последствий аварий на радиационно опасных объектах были созданы специализированные подразделения радиационной разведки и контроля имеющих на снабжении следующую аппаратуру наземного гамма-поиска (НГП-81), воздушного гамма-поиска (АГП-81, ИМД-35, КРП-41), а также комплекса подвижного робототехнического (КПР) [2, с. 11].

История создания образцов технических средств химической разведки (далее – ТСХР) и химического контроля начинается с 1928 г.

В 1928–1941 гг. были разработаны методы определения отравляющих веществ (далее – ОВ), положенные в основу первых отечественных образцов ТСХР. В этот период на вооружение Красной Армии были приняты сумки химика-разведчика типа СХР-1, СХР-2, СХР-3, СХР-4, газоопределятель ПГТ-1.

Первые образцы ТСХР основывались на использовании химических методов индикации ОВ на твердых носителях (сорбентах). С их использованием изготовлены индикаторные бумажки (ИБ), до конца 30-х годов являвшихся основными средствами индикации ОВ во всех армиях мира. К числу первых известных индикаторных бумажек относятся ИБ на фосген, хлорциан, иприт, синильную кислоту, гидриды мышьяка и фосфора.

В годы Великой Отечественной войны были разработаны первые образцы индикаторных трубок и приборов химической разведки типа ПХР-43. После окончания войны и в 50-е годы создаются комплекты индикаторных трубок для обнаружения в воздухе всех известных к тому времени ОВ (ИТ-15, ИТ-22, ИТ-24, ИТ-32, ИТ-36, ИТ-37, ИТ-13-37, ИТ-15-30, ИТ-45 и др.), а также полевая химическая лаборатория типа ПХЛ-54.

Для разработки средств индикации высокотоксичных ОВ типа фосфорно-органических веществ в конце 50-х годов получил развитие биохимический метод, реализованный в ГСП-11, а впоследствии в индикаторных трубках (ИТ-44, ИТ-51) и автоматических газосигнализаторах (ГСА-11, ГСА-12, ГСА-13).

В 70–80-е годы проводился интенсивный поиск новых методов индикации токсичных веществ (физических, физико-химических, биохимических), пригодных для использования в разработках автоматических газосигнализаторов ОВ. В этот период были созданы: полуавтоматический газоопределятель ПГО-11; автоматические газосигнализаторы ПРХР, АГС, ГСА-1, ПКУЗ-1-2, основанные на ионизационном принципе индикации; ленточные ферментативные электрофотокolorометрические газосигнализаторы ГСА-12, ГСА-13.

Для определения выседающих аэрозолей VX был разработан и в 1973 г. принят на снабжение комплект индикаторных пленок АП-1.

В 90-е годы проводились исследования по разработке комплексных приборов химической разведки КПХР-2Б, КПХР-2С.

К 1995 году в России разработаны образцы спектрометров ионной подвижности (СИП), позволяющие обнаруживать и идентифицировать основные ОВ и СДЯВ с высокой чувствительностью и быстродействием.

В конце 90-х годов была завершена работа по созданию сигнализатора ИМС-97, предназначенного для автоматического контроля окружающего воздуха с целью обнаружения и идентификации паров ОВ и сильнодействующих ядовитых веществ. Разработаны и приняты на снабжение комплект химического контроля КХК-2, войсковой индивидуальный комплект химического контроля ВИКХК и индивидуальное средство химического контроля

ИСХЖ, а также газосигнализатор автоматический ГСА-14 (взамен прибора ГСА-13) и комплексный прибор химической разведки КПХР-3.

Начало отечественных исследований по созданию дистанционных средств обнаружения ОВ в приземном слое атмосферы приходится на конец 60–70-х годов.

Дистанционные методы контроля и разведки рассматривались как одни из наиболее перспективных в плане обеспечения не только оперативной количественной информацией об источниках и масштабах загрязнений, но и в плане выявления динамики распространения загрязняющих компонентов.

В 1989 году был принят на снабжение комплекс дистанционной химической разведки КДХР-1Н.

Основные усилия в 90-х годах сосредотачиваются на разработке перспективных методов пассивной многочастотной ИК-локации.

В 1998 году был принят на снабжение прибор химической разведки дистанционного действия ПХРДД-1, размещенный на комплексе КДХР-1Н для расширения функциональных возможностей последнего.

Продолжающиеся в настоящее время исследования в области дальнейшего развития ТСХР, предусматривают создание высокочувствительных, специфичных датчиков как локального, так и дистанционного действия, обеспечивающих своевременное получение информации для целенаправленного проведения всего комплекса мероприятий РХБ защиты войск и населения [1, с. 39].

Основные направления совершенствования существующих и разработки новых средств радиационной и химической (далее – РХ) разведки, методов и средств обеспечения радиационной, химической безопасности состоят в создании многофункциональных унифицированных комплексов с элементами искусственного интеллекта, обеспечивающих выявление, первичную обработку и оценку радиационной, химической обстановки по всему спектру параметров поражающих радиационных факторов в военное время и обеспечение радиационной безопасности в мирное время. На основе внедрения в средства элементов искусственного интеллекта и микросистемотехники [3, с. 21].

Решение всех задач РХ разведки с помощью какого-либо одного средства невозможно даже на самом современном уровне

развития науки и техники. Поэтому в целях успешного решения задач РХ разведки на вооружение принято большое разнообразие технических средств.

Современные технические средства радиационной разведки включают:

Измеритель мощности дозы ИМД-2НМ (рис. 1) предназначен для ведения радиационной разведки пешим порядком, а также для измерения степени радиоактивного загрязнения объектов военной техники по бета-излучению.

Рисунок 1 – Измеритель мощности дозы ИМД-2НМ: 1 – футляр батарейный; 2 – ремень; 3 – пульт измерительный; 4 – ящик для переноски; 5 – ЗИП; 6 – документация; 7 – штанга удлинительная; 8 – блок детектирования

Прибор применяется для:

- определения мощности поглощенной дозы гамма-излучения;
- определения степени загрязненности поверхностей бета-активными веществами;
- накопления и сброса измеряемой информации при ручном воздействии оператора на оперативно-запоминающем устройстве прибора;
- последовательного вывода ранее записанных результатов измерений из оперативно-запоминающего устройства прибора на табло прибора.

Основные тактико-технические характеристики:

Прибор обеспечивает измерение:

Мощность поглощенной дозы гамма-излучения – от 10 мкрад/ч до 999 рад/ч;

Пороговые значения мощности поглощенной дозы гамма-излучения – 0,1 мрад/ч и 0,1 рад/ч.

Порог чувствительности:

- по гамма-излучению в диапазоне энергий, МэВ – от 0,08 до 3,0;
- по бета-излучению в диапазоне энергий, МэВ – от 0,3 до 3,0.

Пределы допускаемой основной погрешности, % ± 25 .

Время установления рабочего режима прибора не превышает, мин – 1.

Время непрерывной работы, ч – 50.

Электропитание прибора – $4 \times A 343$.

Масса прибора, кг – 9,76.

Состав: пульт измерительный УИ-177С, блок детектирования БДЗС-10С, футляр батарейный, жгут, ремень, штанга, ключ-отвертка, руководство по эксплуатации, формуляр, паспорт на источники бета-излучения, источник 1СО-134, паспорт.

Принцип действия прибора основан на преобразовании энергии ионизирующего излучения в энергию электрических сигналов с дальнейшим их преобразованием, измерением и регистрацией в виде, удобном для снятия показаний обслуживающим персоналом.

Измерительный пульт УИ-177С обеспечивает:

- измерение мощности поглощенной дозы гамма-излучения в диапазоне от 10 мРад/ч до 999 Рад/ч с помощью расположенного в нем счетчика Гейгера-Мюллера СИ-38Г;
- подачу и переключение электропитания на счетчики блока детектирования БДЗС-10С;
- прием и обработку электрических сигналов, поступающих с блока детектирования БДЗС-10С;
- автоматическое вычитание гамма-фона при установке переключателя на блоке детектирования БДЗС-10С в положение «β»;
- индикацию результатов измерений в цифровом и аналоговом виде с помощью светодиодных индикаторов;
- выдачу звукового сигнала при превышении пороговых значений мощности поглощенной дозы гамма-излучения 0,1 мрад/ч и 0,1 рад/ч [4, с. 9].

Измеритель мощности дозы ИМД-7Н (рис. 2) предназначен для измерения мощности амбиентного эквивалента дозы и амбиентного эквивалента дозы фотонного ионизирующего излучения (рентгеновского и гамма излучения), плотности потока альфа-, бета-частиц, в качестве носимо-

го прибора с целью оперативного дозиметрического контроля радиационной обстановки и для обнаружения радиоактивного загрязнения различных военных объектов, продуктов питания и различных поверхностей.

Рисунок 2 – Измеритель мощности дозы ИМД-7Н: 1 – измерительный блок; 2 – (пульт) блок детектирования БДПА-07; 3 – укладочный футляр; 4 – руководство по эксплуатации, формуляр; 5 – штанга телескопическая; 6 – адаптер внешний сетевой; 7 – блок детектирования БДКС-07; 8 – батарейный отсек

Основные тактико-технические характеристики:

Измеряемые величины:

- мощность амбиентного эквивалента дозы гамма-излучения;
- амбиентный эквивалент дозы гамма-излучения.

Диапазоны измерений:

- плотности потока бета-частиц, c^{-1}/cm^{-2} – 0,1–1500;
- мощность дозы гамма-излучения, Зв/ч – 10^{-7} –10;
- дозы гамма-излучения, Зв – 10^{-6} –999;
- мощность дозы гамма-излучения в поисковом режиме, Зв/ч – 10^{-5} –10.

Пределы допускаемой основной относительной погрешности измерения:

- плотности потока бета-частиц, % – не более 20;
- мощность дозы гамма-излучения, % – не более 15;
- дозы гамма-излучения, % – не более 15.

Рабочий диапазон температур, °С –40–+50.

Время установления рабочего режима, мин – не более 1.

Электропитание прибора (элементы питания) – 4 × 343.

Масса прибора, кг – 6,35.

Состав: измерительный блок (пульт), блок детектирования БДПА-07, блок детектирования БДПБ-07, блок детектирования БДБГ-07, блок детектирования БДКС-07, адаптер внешней сетевой, батарейный отсек, штанга телескопическая, кабель бортового питания, кабель Н, ремень, укладочный футляр, 4 аккумуляторных батареи R-14, ЗИП-О, руководство по эксплуатации, формуляр.

Принцип действия прибора основан на подсчете импульсов, вырабатываемых газоразрядными счетчиками под воздействием ионизирующих излучений и дальнейшей математической обработки их числа с учетом калибровочных данных. В приборе заложены функции диагностики и индикации неисправностей составных частей. Прибор имеет 4 основных режима работы: измерения, параметры, запись, калибровка.

Измерительный блок (пульт) выполнен в герметичном корпусе с батарейным отсеком и имеет разъем для подключения внешних блоков детектирования, разъем внешнего блока питания.

На лицевой панели пульта расположены жидкокристаллический индикатор, светодиод «Тревога», семь кнопок: включения/выключения прибора, входа в специальные режимы, включения/выключения подсветки индикатора, записи результата измерения в память прибора, отключения/включения звука, перезапуска измерения, переключения каналов измерения.

Светодиод «Тревога» загорается в случаях: превышения одного из установленных порогов мощности экспозиционной дозы, автоматического перезапуска измерений, при работе с блоком БДКС-07 [5, с. 7].

Наличие отравляющих веществ в различных средах (воздухе, воде, грунте) и пробах с различных объектов (вооружение и техника, растительность, продовольствие, фураж и др.) определяется с помощью технических средств химической разведки, к которым относятся приборы химической разведки (ВПХР,

ППХР), газосигнализаторы ГСА-12, ГСА-13, ГСА-14 и ГСА-3.

Приборы химической разведки (ВПХР и ППХР) являются приборами периодического действия. Газосигнализаторы ГСА-12, ГСА-13, ГСА-14 и ГСА-3 являются автоматическими приборами непрерывного действия, работающими в разных режимах.

Современные технические средства химической разведки включают:

Газосигнализатор войсковой автоматический ГСА-3 (рис. 3) предназначен для обнаружения в воздухе паров отравляющих веществ типа зарин, зоман, Ви-экс, люизита, хлора, аммиака и автоматического светового и звукового оповещения об опасности.

Рисунок 3 – Газосигнализатор войсковой автоматический ГСА-3: 1 – комплект ЗИП-О; 2 – колпаки; 3 – ремни; 4 – блок индикации

Основные тактико-технические характеристики:

Режим работы – непрерывный.

Порог чувствительности – малоопасные концентрации.

Быстродействие по парам ФОВ, с – 5.

Быстродействие по парам АХОВ, мин – 2.

Последствие при пороговых концентрациях ФОВ, с – 30.

Последствие при пороговых концентрациях АХОВ, мин. – 5.

Время подготовки прибора к работе, мин – не более 10.

Время непрерывной работы, ч – 24.

Время работы с одной заправкой УИ, ч – 6.

Напряжение источников питания, В – 12, 27.

Масса прибора, кг – 0,9.

Состав: блок индикации, соединительный кабель, ремни, колпаки, комплект ЗИП-О, комплект ЗИП-Г, устройство зарядное УЗ-01Л, инструмент и принадлежности.

Принцип действия: блок индикации (рис. 4) состоит из ионизационного преобразователя концентраций на основе четырехэлектродной ионизационной камеры, работающей на переменном напряжении, предназначенной для обнаружения фосфоорганических отравляющих веществ и электрохимического детектора для обнаружения люизита и аварийно химически опасных веществ типа аммиак и хлор. Источник ионизации ИПК на основе Pu^{238} [6, с. 7].

Рисунок 4 – Блок индикации: 1 – преобразователь концентрации ионизационный; 2 – преобразователь концентрации; 3, 4, 5, 6 – светодиоды «Опасно» (А – о наличии паров аммиака, Х – о наличии паров хлора, Ф и Л – о наличии отравляющих веществ); 7 – светодиод «Готов» сигнализации готовности блока индикации; 8 – светодиод «Контр» сигнализации проверки блока индикации; 9 – светодиод «Разряд» сигнализации о разряде аккумулятора; 10 – кнопка включения-выключения блока индикации; 11 – крышка блока питания

Прибор химической разведки дистанционного действия ПХРДД-3 (рис. 5) предназначен для: обнаружения паров отравляющих веществ, аварийно химически опасных веществ, в том числе их смесей, в приземном слое воздуха в полевых условиях; выдачи световой и звуковой сигнализации о результатах распознавания; передачи информации о результатах обра-

ботки измерительной информации на аппаратуру передачи данных.

Основные тактико-технические характеристики:

Дальность обнаружения токсичных веществ, км – не менее 3.

Вероятность обнаружения заданных веществ – не более 0,9.

Вероятность пропуска цели – не более 0,01.

Время обнаружения при нахождении объекта индикации в поле зрения прибора, с – не более 1.

Пороговая чувствительность по МОВ-1, $мг/м^3$ – не более 150.

Рисунок 5 – Прибор химической разведки дистанционного действия ПХРДД-3

Диапазон пороговых чувствительностей к парам токсичных веществ, $мг/м^3$ – 15–150.

Мгновенное поле зрения измерительного ИК-канала, град – $3,5 \times 3,5$.

Время выхода прибора в установившийся режим работы, с – не более 10.

Мгновенное поле зрения оптического визира, град – 7.

Время непрерывной работы от аккумулятора, мин – не менее 40.

Время непрерывной работы при питании от вторичных источников электропитания, ч – не менее 8.

Минимальный перерыв в работе после длительной работы (8 ч), мин – не менее 15.

Диапазон температур, °С:

- рабочих –20 – +40;

- предельных –50 – +60.

Поскольку угроза применения токсичных веществ в паровой фазе может возникнуть только при положительных температурах окружающей среды, применение приборов серии ПХРДД-3 целесообразно в диапазоне температур воздушной среды от 0 до +40 °С.

Прибор ПХРДД-3 обеспечивает световую и звуковую сигнализацию при обнаружении заданного вещества.

Результаты работы прибора ПХРДД-3 могут передаваться на внешнюю аппаратуру передачи данных.

Состав: блок оптико-механический (БОМ), источник вторичного питания (ИВП), устройство зарядное (УЗР), комплект кабелей, техническая документация.

Принцип действия прибора основан на регистрации спектров излучения или поглощения веществ, попадающих в поле зрения измерительного инфракрасного канала блока БОМ, сравнении зарегистрированных спектров со спектрами, составляющими рабочую базу спектральных данных прибора ПХРДД-3 и выдачи световой и звуковой сигнализации о результатах обнаружения и распознавания. В качестве фотоприемного устройства в изделии применен неохлаждаемый пироэлектрический фотоприемник МГ-32.

Таким образом, знание задач радиационной и химической разведки, основных требований к ней, умелое использование технических средств радиационной, химической разведки и правильное понимание факторов влияющих на достоверность полученных результатов, существенно повышает эффективность и качество выполне-

ния задач радиационной и химической разведки, позволяет проводить оптимизацию мероприятий РХБ защиты как по подготовке так и по непосредственному их проведению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Технические средства радиационной, химической, биологической разведки и засечки ядерных взрывов: практикум / А. Н. Петухов, М. С. Молчанов [и др.]. – Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты, 2012. – 346 с.

2. Эксплуатация вооружения и средств радиационной, химической и биологической защиты. – Москва: Воениздат Министерства обороны Российской Федерации, 1993. – 246 с.

3. Руководство по эксплуатации войсковых средств измерений. – Часть 1. – Москва: Воениздат Министерства обороны Российской Федерации, 1988. – 29 с.

4. Измеритель мощности дозы ИМД-2НМ: руководство по эксплуатации ГКПС 15.00.000-02 РЭ. – Москва, 2015. – 44 с.

5. Измеритель мощности дозы ИМД-7Н: руководство по эксплуатации ГКПС 45.00.000-03 РЭ. – Москва, 2017. – 32 с.

6. Газосигнализатор ГСА-3: руководство по эксплуатации НЛПК/413445/004 РЭ. – Москва, 2011. – 51 с.

* * *

PISKUNOV DENIS ALEKSANDROVICH

Lecturer of the Department of Ensuring service and combat activities
for the National Guard Troops

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

MODERN RADIATION AND CHEMICAL INTELLIGENCE DEVICES OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the development and modern samples of devices that allow one of the tasks of the RCB protection assigned to the troops of the National Guard of the Russian Federation: Assessment of the radnational, chemical and biological situation. The author emphasizes that radiation, chemical reconnaissance is organized and carried out to obtain data on the fact of contamination and the current (actual) radnational, chemical revealing the identification of the situation. It has been determined that the modern means of radnational, chemical reconnaissance of the National Guard troops under consideration fully meet modern requirements, are not inferior, and in many respects prevail in their tactical and technical characteristics over foreign counterparts.

Keywords: technical means of reconnaissance, radiation, poisonous substances.

* * *

УДК 331:316

САВЕЛЬЕВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

преподаватель кафедры управления повседневной деятельностью
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ОСОБЕННОСТИ БАННО-ПРАЧЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РОСТВАРДИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ В ОТРЫВЕ ОТ ПОСТОЯННОГО ПУНКТА ДИСЛОКАЦИИ

Аннотация. В условиях выполнения служебно-боевых задач подразделениями войск национальной гвардии особую роль играет банно-прачечное обслуживание личного состава. Данная статья посвящена особенностям организации банно-прачечного обслуживания личного состава при выполнении служебно-боевых задач в отрыве от пункта постоянной дислокации.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, служебно-боевые задачи, банно-прачечное обслуживание, помывка, стирка.

В настоящее время войска национальной гвардии Российской Федерации выполняют служебно-боевые задачи в любых условиях обстановки.

В том случае, когда военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации привлекаются к выполнению возложенных на них задач за пределами пунктов их постоянной дислокации немаловажным и сложным мероприятием материально-технического обеспечения является банно-прачечное обслуживание личного состава [1, с. 3]. Исторические примеры свидетельствуют, что недостаточное внимание к решению вопросов банно-прачечного обслуживания личного состава может привести к осложнению санитарно-эпидемиологической обстановки, возникновению педикулёза и других инфекционных заболеваний. Судя по архивным документам, уже в самом начале Великой Отечественной войны санитарно-эпидемиологическая обстановка в рядах Красной Армии была почти катастрофической. Как в тылу, так и на фронте люди страдали от дизентерии, тифа, малярии и других инфекционных заболеваний. Так, например, к сентябрю 1941 года в частях Западного фронта «завшивленность» личного состава превышала 85 %, на Калининском фронте – 96 %. Не хватало мыла, бань и прачечных.

Поэтому, только строгое выполнение мероприятий по банно-прачечному обслуживанию и дезинфекции белья и обмунди-

рования, содержание в войсках достаточного количества бань, прачечных и химических чисток могут полностью обеспечить санитарно-эпидемиологическое благополучие войск в районах выполнения служебно-боевых задач.

На организацию банно-прачечного обслуживания будут оказывать влияние различные условия и факторы, основными из которых являются:

- объем служебно-боевых задач;
- продолжительность выполнения служебно-боевых задач;
- численность личного состава воинских частей войск национальной гвардии;
- укомплектованность воинских частей техническими средствами помывки личного состава и стирки белья;
- санитарно-эпидемиологическое состояние района выполнения служебно-боевых задач;
- природно-климатические условия в районе выполнения служебно-боевых задач.

Банно-прачечное обслуживание личного состава соединения (воинской части) организуется в соответствии с установленными нормами, в порядке, определенном Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ответственность за организацию банно-прачечного обслуживания личного состава несет заместитель командира воинской части по тылу.

Непосредственная организация банно-

прачечного обслуживания личного состава возлагается на начальника вещевого службы воинской части.

Банно-прачечное обслуживание личного состава включает помывку в бане, стирку белья, химическую чистку и обеззараживание обмундирования и специальной одежды.

Банно-прачечное обслуживание осуществляется штатными силами и средствами подразделений материального (материально-технического) обеспечения воинских частей.

Банно-прачечное обслуживание военнослужащих в районах выполнения ими служебно-боевых задач имеет те же цели и задачи, что и в пунктах постоянной дислокации, однако в связи с нахождением подразделений в районе выполнения служебно-боевых задач имеет ряд особенностей.

Организация банно-прачечного обслуживания в районах выполнения служебно-боевых задач может осуществляться тремя основными способами [2, с. 2].

Первый способ – при расположении подразделений Росгвардии в населенных пунктах либо вблизи них, а также при наличии в них действующих банно-прачечных комбинатов, помывка личного состава части или подразделения и стирка белья может производиться в них на договорной основе с оплатой услуг.

Условия пользования гарнизонными коммунальными и ведомственными банями и прачечными для банно-прачечного обслуживания в районе выполнения служебно-боевых задач определяет заместитель командира (начальника) по тылу.

Подробные условия и обязательства сторон устанавливаются договорами, которые заключаются воинской частью с местными органами коммунального хозяйства или непосредственно с банно-прачечным предприятием.

В договоре должны быть согласованы следующие вопросы:

- наименование, количество, объем работ и услуг;
- цена предмета или вида работ и общая стоимость всех видов работ, предусмотренных в договоре;
- сроки, порядок пользования, приёма, замены предметов и исправление работ, выполненных с низким качеством;
- порядок денежных расчётов за услуги;
- санкции за нарушение условий договора, порядок разрешения споров сторон.

В договоре должны быть также указаны дата и место его заключения, полное и сокращённое наименование сторон, их адреса, дата вступления договора в силу и условия его расторжения.

Оплата расходов за услуги, оказываемые коммунальными и ведомственными банно-прачечными предприятиями, производится за счёт сметы войск национальной гвардии на банно-прачечные расходы, по ценам, установленным местными органами.

В сметах, выписываемых за помывку личного состава, запрещается указывать численность моющихся. Счета оформляются из расчета почасовой оплаты бани, но так, чтобы стоимость услуг не превышала существующих цен на эти цели.

Необходимо учитывать, что в особых условиях обстановка может развиваться таким образом, когда вероятнее всего деятельность и работа местных коммунально-бытовых учреждений будет нарушена или приостановлена.

В таких условиях возникает необходимость обеспечения полной автономности работы сил и средств тыла по организации банно-прачечного обслуживания за счет собственных сил и средств с использованием мобильных полевых средств.

Второй способ – при невозможности организации банно-прачечного обслуживания через гражданские комбинаты, помывка личного состава и стирка белья производится силами подразделений войск национальной гвардии, с применением полевых технических средств.

Для этой цели используются имеющиеся штатные полевые средства помывки личного состава и стирки белья:

- 1) полевая баня на базе ДДА-66 (ДДА-2);
- 2) механизированная полевая прачечная МПП-9;
- 3) передвижной помывочный комплекс БПО-32;
- 4) пункт банно-прачечного обслуживания ПБПО-10;
- 5) комплекс помывочный КП (контейнер баня);
- 6) переносной душ.

Полевая баня предназначена для организации помывки личного состава в полевых условиях. Основными техническими средствами для помывки личного состава в полевых условиях являются дезинфекционно-душевые установки ДДА-66 (ДДА-2) и переносной душ.

Дезинфекционно-душевая установка

ДДА-66 (ДДА-2) смонтирована на шасси автомобиля ГАЗ-66 (ЗИЛ-131), ее оборудование закрыто металлическим кузовом. Установка имеет котел РИ-5М, одну дезинфекционную камеру, электроагрегат мощностью 0,5 кВт и мотопомпу. Кроме того, установка укомплектовывается двумя палатками (УСТ-56) и чугунными армейскими печами для обогрева палаток в холодную погоду.

В палатках, где производится раздевание, помывка и одевание личного состава, необходимо после каждой смены производить тщательную уборку. Температура в моечном отделении должна быть не ниже + 25 °С.

Комбинированная санитарная обработка военнослужащих производится группами (сменами) по команде. На раздевание группы (смены) военнослужащих отводится 5 мин, на загрузку обмундирования в камеру не менее 5 мин, на выгрузку обмундирования – 5 мин. Окончание мытья смены фиксируется выключением душевых сеток (на 5 мин), если запас холодной воды ограничен или снизилось рабочее давление пара в котле с 4 до 3 кг/см³. При комбинированной санитарной обработке в раздевальном отделении снятое обмундирование вешают на плечики и переносят в дезинфекционную камеру, не дожидаясь, пока разденется вся смена. Предметы, не подлежащие дезинфекции, переносят в одевальное помещение и укладывают в таком же порядке, как они были расположены при раздевании. На эти же места кладут обмундирование, выгруженное из камеры, и чистое нательное белье.

Порядок помывки личного состава и дезинфекции определяется приказанием командира воинской части.

В подразделениях, где нет возможности организовать помывку личного состава в бане или с применением ДДА-66, оборудуется баня с использованием лагерьной палатки, блиндажа.

Третий способ – комбинированный, применяется в зависимости от условий размещения.

Как особенность банно-прачечного обслуживания, можно рассматривать применение личным составом частей и подразделений различных приспособлений для нагрева воды и помывки личного состава, а также сооружение самодельных бань и душей. Для малочисленных подразделений, находящихся в отрыве от основных

сил и не имеющих возможность проводить дезинфекцию и дезинсекцию белья и его стирку, силами подразделения войск национальной гвардии, в пунктах постоянной дислокации, изготавливаются: бочка для дезинсекции (дезинфекции) – БД-20 и стиральная машина с ручным приводом – СМ-20Р.

Так, в период восстановления конституционного порядка на территории Чеченской Республики помывка личного состава была организована, как правило, в полевых условиях с развёртыванием штатных ДДА-66, а также с использованием возможностей действующих бань в районах временной дислокации войск и подразделений органов внутренних дел и самостоятельно оборудованных бань [2, с. 4].

Условия, в которых войска выполняли задачи, позволяли осуществлять качественную помывку личного состава лишь в районах отдыха или при нахождении в резерве. Помывка личного состава частей, действовавших в Грозном, производилась зачастую один раз в 10–15 дней. Поскольку значительной проблемой при организации банно-прачечного обслуживания являлось обеспечение частей водой, особенно в Грозном, некоторые части Сибирского округа внутренних войск МВД России, выполняющие служебно-боевые задачи на автодороге Червленная – Шелковская – Кизляр, штатные ДДА-66 на время помывки разворачивали рядом с имеющимися источниками.

Стирка постельных принадлежностей и нательного белья осуществлялась в близко расположенных от районов дислокации войск коммунально-бытовых предприятиях: Владикавказа – ТГ-1; Моздока и Прохладного – ТГ-2; Кизляра – ТГ-6 и ТГ-7. Стирка белья частей тактических групп № 4 и 5 производилась собственными силами с использованием 33-х штатных бытовых стиральных машин. Части непосредственного подчинения командующему объединенной группировки войск (сил) стирку белья производили в банно-прачечных комбинатах Моздока. Малая мощность комбината не позволяла производить стирку всего объёма белья, поэтому в конце февраля 1995 года тылом группировки внутренних войск был заключён договор на стирку белья в банно-прачечном предприятии Прохладного. Однако, из-за нестабильного и неполного финансирования стирка белья в банно-прачечных комбинатах Владикавказа и Прохладного проводилась с перебоями.

Сводные специальные моторизованные полки Уральского округа внутренних войск МВД России, выполнявшие задачи по охране объектов и несению комендантской службы на автодороге Моздок – Виноградное – Червленная, стирку белья частично производили с привлечением местного населения. Из женщин-добровольцев администрация станицы Знаменское скомплектовала бригаду прачек, которые стирали белье с использованием собственных стиральных машин. Стиральный порошок и мыло им выдавались тылом воинских частей.

Стирка основной части белья ОДОН производилась в соответствии со сложившейся обстановкой: силами личного состава – в бытовых стиральных машинках, в дивизионной прачечной на базе 1 пон, централизованно переправлялось в пункт постоянной дислокации воздушным транспортом для стирки в гарнизонной прачечной; в банно-прачечных комбинатах Моздока, а в последующем – Кизляра.

Таким образом, важнейшей задачей вещевого службы при выполнении задач в отрыве от пункта постоянной дислокации является правильная организация банно-прачечного обслуживания войск. В современных условиях есть все возможности проведения своевременной гигиенической помывки личного состава, стирки, химической чистки, дезинфекции и дезинсекции обмундирования, а также смены нательного и постельного белья. В настоящее время в Росгвардии введены в эксплуатацию и широко используются на практике технические средства вещевого службы, обеспечивающие как помывку личного состава, так и стирку нательного и постельного белья (пункт банно-прачечного

обслуживания ПБПО-10, полевая баня БПО-32, мобильный прачечный комплекс МПП-9, баня-контейнер БПП-К и т. д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О материально-техническом обеспечении войск национальной гвардии Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 января 2017 г. № 41 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 5. – Ст. 790.

2. Особенности тылового обеспечения соединений и воинских частей внутренних войск МВД России: аналитический обзор. – Москва: Главное командование внутренних войск Министерства внутренних дел России, 2015. – 101 с.

3. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.

4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 277. – Ст. 4159.

5. Одинцов, В. А. Проблемы тылового обеспечения войск и сил в современных локальных войнах и пути их решения: диссертация на соискание ученой степени доктора военных наук / В. А. Одинцов. – Ленинград: ВАТТ, 1979. – 359 с.

SAVELYEV VALERY VLADIMIROVICH

Lecturer of the Department of Day-to-Day Management

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

FEATURES OF THE BATH AND LAUNDRY SERVICE OF THE RUSSIAN GUARD UNITS WHEN PERFORMING TASKS IN ISOLATION FROM A PERMANENT POINT OF DEPLOYMENT

Abstract. In the conditions of performing combat missions by units of the National Guard troops, bathhouse personnel service plays a special role. This article is devoted to the peculiarities of organizing a bathhouse for staff laundry when performing combat missions in isolation from a permanent deployment point.

Keywords: National Guard troops, combat missions, bath and laundry service, wash, washing.

УДК 355/359

СЕМЕНЧЕНКО СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ

преподаватель кафедры тактики служебно-боевого применения
войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ГРИГОРЬЕВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ

преподаватель кафедры тактики служебно-боевого применения
войск национальной гвардии Российской Федерации
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БРОНЕТАНКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ ВОЙСК ПРАВОПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ПОРЯДОК ИХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. В статье рассматривается порядок ведения боевых действий подразделений внутренних войск МВД России во внутреннем вооруженном конфликте, с использованием бронетанкового вооружения и боевой техники против незаконных вооруженных формирований на территории Северного Кавказа.

Ключевые слова: бронетанковое вооружение, служебно-боевые задачи, контактная динамическая защита, войсковые операции, внутренний вооруженный конфликт.

Служебно-боевая деятельность войск национальной гвардии в обеспечении правовых режимов всегда направлена на предотвращение и пресечение угроз жизни, безопасности граждан и конституционному строю Российской Федерации, пресечение террористических актов, минимизации их последствий, а также создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Она направлена, прежде всего, на обеспечение высокого уровня боевой готовности подразделений и воинских частей, т. е. способности войск в любых условиях обстановки начать военные действия в установленные сроки.

Воинские части и подразделения войск национальной гвардии регулярно совершенствуют способы войсковых действий в зависимости от развития средств вооруженной борьбы, а также от условий и специфики выполняемых служебно-боевых задач, тактики действий бандформирований (НВФ). Обеспечение наиболее эффективного применения сил и средств является главной целью этих изменений [1].

Внутренними войсками были сделаны определенные выводы по порядку применения бронетанкового вооружения и техники в

населённых пунктах, исходя из тактики действий войск при ведении боевых действий на территории Чеченской республики.

В 1994 году события, которые произошли в стране, поставили перед внутренними войсками определенные проблемы.

Войска, выполняя в Чеченской Республике поставленные перед ними задачи по восстановлению конституционной строя и разоружению незаконных вооруженных формирований, столкнулись с качественно новыми обстоятельствами, принципиально нетипичной для них оперативной обстановкой, которая может быть охарактеризована как широкомасштабный внутренний вооруженный конфликт, имеющий все признаки локальной войны. Характер и масштабы вооруженного конфликта способствовали привлечению в район боевых действий не только подразделений внутренних войск и органов внутренних дел, но и других силовых структур и ведомств, а также использования техники, бронетанкового вооружения, авиации и артиллерии при проведении специальных операций [2].

На протяжении не менее двух лет группировка наших войск вела борьбу с бандформированиями.

Внутренний вооруженный конфликт можно прекратить мирными, силовыми и другими методами. Если причины конфликта невозможно устранить, то они будут повторяться в различных (других) формах.

Именно такой периодически повторяющийся в разных формах конфликт характерен для Северного Кавказа. С момента присоединения Северного Кавказа в состав Российской империи до сегодняшнего дня сохраняется беспокойная обстановка, которая иногда переходит в вооруженные конфликты между бандформированиями и войсками.

Интенсивное использование частями внутренних войск танков, а также бронетранспортёров и боевых машин пехоты в городских условиях стало ещё одной особенностью ведения боевых действий на территории Чечни [3].

Колонны внутренних войск пытались сходу пробиться к своим подразделениям, которые вели бой на узких улицах. Исходя из этого, танки стали применяться для сопровождения колонн и прикрытия их своей броней.

Подразделения внутренних войск использовали танки в качестве стационарных огневых точек до полного израсходования боекомплекта или повреждения танка, заняв при этом круговую оборону [4].

Танки сразу же подвергались обстрелу из нескольких ручных противотанковых гранатометов с различных направлений, как только производили первый выстрел (рис. 1).

Рисунок 1 – Попадание гранаты РПГ в командирскую башенку Т-72Б1 пробило броню и поразило командира танка. Грозный. Январь 1995 г.

Поражение агрегатов и экипажа танка при попадании нескольких гранат из ручных противотанковых гранатометов с близких расстояний явилось следствием отсутствия на них защиты (рис. 2).

Неоднозначность данных обстоятельств заключается в том, что советские войска в свое время получили богатый опыт ведения боевых действий в городских условиях, где применялась бронетанковая техника и вооружение.

Как именно надо было действовать в подобных случаях, показали такие города, как Кенигсберг, Браслав и Берлин.

Рисунок 2 – Отсутствие защиты кормы башни в виде ящика ЗИП привело к пробитию брони и гибели командира танка в бою за Грозный. Январь 1995 г.

Практически не применялся и оказался абсолютно забыт и этот опыт ведения боев. Совершенно необоснованно российские войска отдали инициативу незаконным вооружённым формированиям. Внутренние войска перешли к обороне вместо того, чтобы постоянно осуществлять зачистки в городе, используя превосходство в огневой мощи своих штурмовых групп (рис. 3).

Рисунок 3 – Т-72Б1 2-й танковой роты 276 мсп перед выходом на поддержку своих подразделений

Стоит отметить, что танки нового поколения (Т-72 и Т-80) показывали заметно лучшую живучесть, чем танки, воевавшие

на Ближнем Востоке в 1973 году. Теперь, чтобы вывести танк из строя было недостаточно попадания снаряда противотанковой управляемой ракеты или ручного противотанкового гранатомёта. Было необходимо более шести попаданий [1].

Также были случаи, когда танк выдерживал около 20 попаданий снарядов (рис. 4).

Рисунок 4 – Наличие ящиков ЗИП спасло Т-72Б1 от попадания кумулятивной струи в моторное отделение и соответствующих последствий

Бронетанковое вооружение и техника постоянно имели ряд технических неисправностей. Это было связано с тяжелыми условиями эксплуатации, сложными климатическими условиями и резкими сменами температур в районе ведения боевых действий. Из-за ошибок в применении танков в городе без должной их подготовки и обеспечения во время боевых действий на территории Чечни, части внутренних войск несли большие потери [5].

К примеру, чеченские боевики в количестве 15 человек состояли в боевой группе, которая делилась на огневые ячейки по 4 человека. Снайпер, пулеметчик и гранатометчик, который вооружался РПГ-7 или РПГ-18, входили в состав такой ячейки. Оставшаяся часть людей занималась доставкой боеприпасов, то есть помогали гранатометчикам. Боевые группы разворачивали так называемые ячейки «охотники за танками». Гранатометчик поражал бронеебъект, а снайпер и пулеметчик, в свою очередь, отсекали пехоту. Обычно боевые группы бандформирований располагались на первом, втором, третьем этажах зданий, а также могли размещаться в подвальных помещениях. Приблизительно пять огневых ячеек одновременно атаковали один танк. Огонь осуществлялся по крыше, бортам и задней ча-

сти бронеебъекта. Бутылки с напалмом и бензином бросали на крышу машины. Боевые группы боевиков (так называемые ячейки «охотников за танками») устраивали колоннам внутренних войск ловушку на городских улицах, подрывая первую и последнюю машины, а затем целенаправленно уничтожали всю колонну полностью [6].

У танков подразделений внутренних войск вертикальные углы обстрела пушек не позволяли бороться боевыми ячейками боевиков «охотников за танками», так как они располагались либо в подвальных помещениях, либо на верхних этажах домов. Поэтому для борьбы с боевыми группами чеченцев в состав колонн подразделений внутренних войск стали включать самоходные зенитные установки.

Танки и бронетранспортёры, входящие в состав колонны внутренних войск, как правило, двигались с минимальным пешим прикрытием или вообще без него и имели смешанный характер. Это явилось следствием нехватки личного состава. Как показали дальнейшие боевые действия, эти колонны были полностью уничтожены (рис. 5).

Рисунок 5 – Т-72Б (М) 74 гв. омсбр, пораженный выстрелом из РПГ

Численность пехоты была увеличена в результате перегруппировки, которую провело командование внутренних войск. Результатом смены тактики явилось последующее освобождение города дом за домом, квартал за кварталом. Значительно сократились потери в бронетанковой технике благодаря изменению способов войсковых действий. Военнослужащие внутренних войск двигались вровень с боевыми машинами для их поддержки и прикрытия. Некоторые из машин были оснащены проволочной сеткой, смонтированной в 30 см от корпуса для отражения кумулятивных и противотанковых гранат, бутылок с зажигательной смесью и связок взрывчатки. Чтобы уничтожить

«охотников за танками», стали устраивать засады на путях их подхода [3].

Подводя итог хотелось бы обратить внимание на то, что основное количество танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров внутренних войск было уничтожено с использованием гранатометов и противотанковых гранат. У каждого подбитого танка или бронетранспортера обнаруживали в среднем 5–6 поражающих попаданий. В основном чеченские боевики поражали двигатели и топливные баки. На них приходилось 90 % поражающих попаданий. К примеру, у боевой машины пехоты слабо бронирована крыша, а баки с топливом находятся в задних дверях, также легко уязвим сам водитель. Бронетранспортер уязвим в тех же местах, что и боевая машина пехоты. В ходе боев в Грозном, в первый месяц боевых действий было уничтожено 62 танка подразделений внутренних войск. Было уничтожено попаданиями в незащищенный корпус бронетехники, где отсутствовала динамическая защита, свыше 98 % (то есть 61 танк). У танков Т-72 и Т-80, которые применялись в Чечне, лобовая проекция хорошо бронирована и прикрыта динамической защитой, поэтому они были неуязвимы для фронтальных попаданий. Но их все же можно было уничтожить попаданиями в крышу, борта, заднюю часть, в люк механика-водителя. В начальной стадии конфликта большинство танков, участвовавших в боях, не имело никакой защиты. Поэтому они были особенно уязвимы для фронтальных попаданий (рис. 6).

Рисунок 6 – Сгоревший в боях за Грозный танк Т-80Б и КШМ Р-145. Январь 1995 г.

Чеченским бандформированиям удалось в Грозном создать эффективные способы уничтожения танков и бронетранспортеров, а также боевых машин пехоты частей внутренних войск в городских условиях [6]:

- были созданы боевые ячейки «охотники за танками», которые состояли из пулеметчика и снайпера, прикрывавшего стрельбу гранатометчика от личного состава внутренних войск;

- боевики специально выбирали узкие улицы города (участки города), которые ограничивали передвижение и маневренность танков и устраивали на них противотанковые засады;

- боевики, выставляя засаду, устраивались таким образом, чтобы отрезать пути отхода и запереть танки на улицах, где в дальнейшем их уничтожали;

- использовались одновременно несколько боевых ячеек «охотников за танками», размещая их на разных уровнях – в подвалах, на первых-третьих этажах зданий;

- обычно все танки, боевые машины пехоты и бронетранспортеры обстреливались сверху, с тыла и флангов, потому что выстрелы по лобовой части брони не приносили никакого эффекта, а лишь демаскировали противника;

- боевики первыми всегда стремились уничтожить зенитные артиллерийские установки, которые придавались подразделениям внутренних войск.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что первые большие потери танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров внутренних войск связаны полностью несоответствием тактики действий, недостаточной боевой готовностью, а также недооценкой противника.

В ходе первого месяца боевых действий в Грозном командованием внутренних войск было списано 200 единиц бронетанковой техники, как невозвратные боевые потери, что составило 10 % от всей техники принимавшей участие в боях за Грозный. Часть этой техники была вывезена на полигон в Кубинку для изучения и анализа [6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постсоветский Кавказ в военно-силовой политике НАТО: от стратегии «нового американского века» до глобальной антитеррористической войны: военно-теоретический труд. – Москва: Главное командование внутренних войск Министерства внутренних дел России, 2007. – 341 с.

2. Невский, С. А. Обеспечение безопасности населения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: монография / С. А. Невский, А. Л. Ситков-

ский. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел России, 2008. – 124 с.

3. Башков, А. В. Основы организации и порядок проведения специальных операций против незаконных вооруженных формирований в горно-лесистой местности: учебное пособие / А. В. Башков, Г. В. Четырешников, М. Ш. Шайдаев. – Москва: Центральное окружное управление материально-технического снабжения Министерства внутренних дел России, 2008. – 112 с.

4. Воробьев, И. Н. Боевые действия в особых условиях (в горах, пустынях, север-

ных районах) / И. Н. Воробьев, З. Е. Гудым, Г. Е. Шубин. – Москва: Воениздат Министерства обороны Российской Федерации, 1967. – 176 с.

5. Особенности эксплуатации и восстановления бронетанковой техники в горных условиях / Министерство обороны СССР. – Москва: Воениздат Министерства обороны Российской Федерации, 1985. – 72 с.

6. Исторический опыт разрешения внутренних вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в XIX–XXI вв.: военно-исторический труд / Ю. А. Марценюк, В. И. Молтенский. – Москва: На боевом посту, 2011. – 416 с.

* * *

SEMENCHENKO SERGEY OLEGOVICH

Lecturer of the Department of Tactics of Service-Combat Use of Units of the National Guard Troops of the Russian Federation (Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

GRIGORIEV IVAN VLADIMIROVICH

Lecturer of the Department of Tactics of Service-Combat Use of Units of the National Guard Troops of the Russian Federation (Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

FEATURES OF THE USE OF ARMORED WEAPONS AND EQUIPMENT OF LAW ENFORCEMENT TROOPS IN THE NORTH CAUCASUS, THE ORDER OF THEIR USE IN THE PERFORMANCE OF SERVICE AND COMBAT TASKS

Abstract. The article examines the procedure for conducting combat operations of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the internal armed conflict, using armored weapons and military equipment against illegal armed groups in the North Caucasus.

Keywords: armored weapons, service and combat tasks, contact dynamic protection, military operations, internal armed conflict.

* * *

УДК 355

ШАТИЛОВ АЛЕКСЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ

преподаватель кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии (Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В СИСТЕМЕ ВООРУЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены перспективные образцы и проекты беспилотных летательных аппаратов и комплексов. Проведен анализ беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, беспилотные летательные аппараты, винтомоторный самолет, гирокopter, квадрокоптер.

Оснащение вооруженных сил комплексами с беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) различного назначения принимает сегодня характер устойчивой тенденции.

Развитие беспилотной авиации в мире свидетельствует, что уже через десять лет они смогут выполнять большинство задач, решаемых сегодня пилотируемой авиацией [1].

Повышается интерес к беспилотным авиационным комплексам и системам (БАК, БАС) и в нашей стране. Однако сегодня в этой сфере ситуация осложняется тем, что практически вся база соответствующих систем военного назначения закупается за рубежом и требует импортозамещения [2].

Войска национальной гвардии Российской Федерации выполняют большой спектр задач: участвуют в борьбе с терроризмом и обеспечении правового режима контртеррористической операции, в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения, осуществляют охрану важных государственных объектов и специальных грузов. При решении каждой из вышеназванных задач находят свое место БПЛА. Так, в настоящее время БПЛА успешно применяются подразделениями специального назначения войск, где они показали свою высокую эффективность при ведении разведки.

В данной статье проведен всесторонний анализ перспективных БПЛА, их систем и комплексов, затронуты вопросы практического применения БПЛА, а также сделано обобщение, с целью выработки дальнейших подходов к применению БПЛА в служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации.

Определение БПЛА как класса летательных аппаратов по Е. В. Мясникову: «Летательный аппарат без экипажа на борту, оснащенный двигателем и поднимающийся в воздух за счет действия аэродинамических сил, управляемый автономно или дистанционно, способный нести боевую нагрузку летального или нелетального воздействия» [3].

По принципу управления БПЛА подразделяются на дистанционно-пилотируемые летательные аппараты и беспилотные автоматические летательные аппараты. В современных БПЛА эти возможности могут совмещаться [1].

Единой классификации БПЛА до настоящего времени в мире не существует. В

странах НАТО и ведущей международной неправительственной организацией «UVS International», формирующей концепции сертификации, стандартизации и регулирования полетов беспилотной техники, предложена следующая классификация БПЛА: стратегические, тактические и специального назначения [4].

На вооружении в странах НАТО находятся следующие типы, как БПЛА аэростат, БПЛА вертолетного типа (геликоптер), БПЛА типа винтомоторный самолет, БПЛА типа самолет с турбовинтовым, турбореактивным двигателем, БПЛА типа ракета, с реактивным двигателем, БПЛА типа автожир (гирокоптер), БПЛА типа квадрокоптер.

Проведенный анализ классификации беспилотных летательных аппаратов показывает, что в настоящее время наиболее развивающимися типами БПЛА, представляющими особый интерес для использования в силовых структурах НАТО являются моторные БПЛА самолетного и вертолетного типа.

Отечественная классификация БПЛА отличается от международной по ряду параметров – некоторые классы зарубежной классификации такие, как БПЛА аэростат, БПЛА типа самолет с турбовинтовым, турбореактивным двигателем, БПЛА типа ракета, отсутствуют в нашей стране, легкие БПЛА в России имеют значительно большее применение.

Анализ мирового парка БПЛА показывает, что основная его доля приходится на микро-, малые и легкие БАК.

Это свидетельствует о том, что развитие и миниатюризация радиоэлектронной техники позволили делать БАК более легкими и компактными. Развитие радио- и микроэлектроники, миниатюризация и реализация на новых принципах исполнительных устройств и силовых установок привели к существенному росту предложений на рынке беспилотной техники. Стандартизация интерфейсов обмена данными позволяет создавать БПЛА в очень короткие сроки [3].

Создание высокоэффективного БПЛА является сложной организационно-технической задачей, решение которой требует привлечения как специалистов, так и технологий из разных областей науки и техники.

Специалистами отмечается, что разработать и изготовить несколько БПЛА можно «кустарным способом» и без привлечения серьезного производства. Но при таком подходе не возможно создать крупную партию

или серию. Анализ показывает, что не менее жесткие требования к БПЛА предъявляются такими факторами, как погодноклиматические условия региона предполагаемой эксплуатации, создаются всепогодные и круглосуточные (ночные) БПЛА.

Важным параметром, характеризующим БПЛА и БАС на его основе, является максимальная скорость полета, его взлетная энерговооруженность, величина относительной полезной нагрузки.

В целом, сегодня БПЛА представляют собой достаточно дорогостоящие объекты – в разы выше, чем для пилотируемых летательных аппаратов, в создание которых ведущие мировые страны вкладывают немалые средства [5]. Это означает чрезвычайную важность комплексного и согласованного подхода к их созданию, к интеграции усилий всех заинтересованных сторон – и тех, кто эксплуатирует, и разработчиков радиоэлектронного оборудования, бортовых систем, а также авиационных комплексов.

Анализ мирового парка беспилотных летательных аппаратов показывает, что сегодня основная доля мирового парка БПЛА приходится на микро-, малые и легкие БАС. В качестве основной характеристики БАС используется эксплуатационный диапазон высот и скоростей БПЛА. Важность эксплуатационного диапазона высот и скоростей БПЛА в том, что эта характеристика определяет условия его применения и диапазон решаемых задач. Стремление постоянно иметь на борту полный комплект оборудования, вне зависимости от реальной потребности конкретного полета, влечет заметное снижение функционально-экономической эффективности БПЛА. Анализ статистики по мировому парку БПЛА показывает, что диапазон относительных масс полезной нагрузки с уменьшением размерности БПЛА по стартовой массе существенно увеличивается.

В настоящее время разработкой и производством более чем 250 БПЛА различных типов и назначения занимаются 49 государств, вооруженные силы 41 государства эксплуатируют около 80 типов аппаратов, в основном для решения разведывательных задач. Рынок БПЛА на 2020 год оценивался в 9 млрд. долларов, и в ближайшие 10 лет планируется его рост до 67,3 млрд. долларов [4].

Признанным лидером мирового авиастроения являются США, имеющие богатый опыт и традиции также в производстве БПЛА.

По сообщению журнала «Aviation Weekend Space Tehnology», малоразмерные беспилотные летательные аппараты находят все более широкое применение при решении военных задач [5].

Управление перспективных исследований Министерства обороны США (DARPA) возобновило интерес к разработке БПЛА, которые имеют большие размеры и обладают более высокой эффективностью, чем аппараты класса «микро».

Европейский аэрокосмический и оборонный концерн EADS увеличивает инвестиции в разработку беспилотных летательных аппаратов, в том числе малоразмерных беспилотных вертолетов с поршневыми двигателями.

БПЛА на современном этапе развития являются незаменимым средством для командования при решении различных оперативно-тактических задач [5].

С 1980-х годов, США для ВМС и морской пехоты, разрабатывали БПЛА «Outrider», который предназначался для длительного нахождения в воздухе с целью сбора информации, необходимой для управления артиллерией, ударными самолетами и маневренными подразделениями сухопутных войск. По неизвестным причинам в 1999 году программа создания комплекса БПЛА «Outrider» была аннулирована.

БПЛА BQM-147 «Exdrone», FQM-151 «Pointer» производятся для постановки помех и визуальной разведки. БПЛА стоят на вооружении диверсионно-разведывательных формирований сил специальных операций США, которые в угрожаемый период могут забрасываться в глубокий тыл вероятного противника.

БПЛА «Shadow-200» используются для выполнения задач в бригадном звене. Модифицированный БПЛА «Shadow-400», далее БПЛА «Shadow-600».

В 2000-е годы МО США перешли к разработке мини-беспилотных летательных аппаратов для отдельных военнослужащих. Один из таких БПЛА «Dragon Eye» был создан для подразделений морской пехоты США.

В 1990-е годы в США началась разработка противорадиолокационных БПЛА. Отличительной особенностью данных БПЛА является их одноразовость [5].

Для NASA и Министерства энергетики был создан БПЛА «ALTUS» [5].

В составе американских вооруженных сил имеется целая гамма беспилотных

средств, предназначенных для ведения воздушной разведки в интересах всех звеньев управления – от высшего командования до командира батальона, роты. Многие БПЛА могут нести управляемое оружие (бомбы, ракеты), приборы целеуказания и корректировки огня. Наиболее известными являются БПЛА многократного применения «Predator» и «Reaper», самый большой в мире высотный БПЛА «Global Hawk», маловысотный аппарат «Shadow-200», малоразмерные беспилотные самолеты «Raven», «Dragon Eye», «Scan Eagle», беспилотные вертолеты «Fire Scout». Комплексы с БПЛА строятся как разведывательно-боевые системы наземного и морского (корабельного) базирования.

Общепризнанным лидером, создающим и успешно применяющим БПЛА, является Израиль.

Опыт боевых действий израильской армии показывает, что в скоротечной обстановке боя БПЛА могут более эффективно, чем пилотируемые самолеты, решать задачи ведения стратегической и тактической воздушной разведки в интересах всех звеньев управления. БПЛА стали ключевым элементом в информационной войне, обеспечивающим командование информацией с поля боя в реальном времени и способным атаковать наземные и воздушные цели [4].

Основу парка беспилотной авиации Израиля (включая перспективные разработки) составляет широкий спектр летательных аппаратов различного назначения – от крошечных, типа «Skylark», до крупнейшего в мире беспилотника «Eitan», чей размах крыльев достигает 26 метров, а вес 4 тонн.

Разработкой БПЛА в Израиле сейчас занимаются десятки фирм, одна из них «Malat». Среди разработок «Malat» следует выделить такие, как «Pioneer», «Harpy», «Heron», «Hunter», которые поставляются во Францию и Бельгию, используются войсками НАТО [5].

Среди разработок «Silver Arrow» можно выделить БПЛА «Hermes 180», «Hermes 450» и «Hermes 1500» (Гермес), предназначенные для дальней и тактической разведки.

Израильской армией приняты на вооружение малые БПЛА «Skylark» и «Seagull» фирмы «Silver Arrow», предназначенные для выполнения задач на уровне взвода. БПЛА оборудован всеми системами спутниковой навигации, аппаратурой слежения и обнаружения целей в оптическом, инфракрасном и радиодиапазонах.

Все большее число БПЛА разрабатывается двойного назначения. Так, американские таможенные и пограничные службы используют израильские боевые аппараты «Hermes» для охраны рубежей США. Израиль станет первой страной в мире, которая использует БПЛА для спасения человеческих жизней [6].

БПЛА, работающий на солнечной энергии, созданный совместно со специалистами Хайфского Техниона новый самолет, весящий 5 кг, может нести груз того же веса и находиться в воздухе столько, сколько нужно, поскольку солнечной энергии, аккумулируемой в течение дня, хватает на полет в течение ночи. Для аккумуляции энергии на крыльях самолета расположены 4,5 метра солнечных батарей [5].

Общепризнанным мировым лидером в создании и боевом применении беспилотных комплексов является Израиль. Основу парка беспилотной авиации Израиля составляет широкий спектр летательных аппаратов различного назначения – от крошечных, типа «Skylark», способных запускаться с руки и стоящих на вооружении разведки и пехотных рот, до крупнейшего в мире беспилотника «Эйтан». В настоящее время разработкой дронов в Израиле занимаются десятки фирм, среди которых стоит отметить лидеров – предприятие «Malat», в составе крупнейшей авиастроительной корпорации «Israel Aircraft Industries», подразделение «Silver Arrow» в составе корпорации «Elbit Systems», корпорацию «RAFAEL», фирмы «Aeronautics», «E.M.I.T». Помимо военных задач, израильские БПЛА решают ряд мирных задач таких, как патрулирование и спасение (эвакуация) людей в труднодоступной местности.

Среди основных производителей БПЛА места на рынке в 2015–2025 годах распределяются следующим образом: «Nortrop Grumman» с БПЛА «Global Hawk» – 18,2 %, «General Atomics» с БПЛА «Predator» – 15,5 %, компания «AAI» с БПЛА «Shadow» – 2,2 %, компания «Israel Aerospace Industries» с БПЛА «Heron» – 1,9 %, компания «Boeing» с БПЛА «Scan Eagle» – 1,6 %. На все другие мировые компании, производителей БПЛА, приходится 60,6 %.

В настоящее время применение БПЛА в ВНГ РФ осуществляется воинскими частями специального назначения и разведки [6].

На вооружении в войсках находятся следующие БПЛА российских разработчиков:

- БПЛА конвертопланового типа «Supercam SX350», разработчик – ГК «Беспилотные системы» (г. Ижевск);

- БПЛА «Элерон-3 (7)», разработчик – АО «Эникс» (г. Казань);

- мониторинговый комплекс с беспилотными вертолетами МБПВ-37, разработчик – АО «НПП «Радар ММС» (г. Санкт-Петербург);

- БПЛА вертолетного типа «Supercam X6M2», разработчик – ГК «Беспилотные системы» (г. Ижевск);

- беспилотный авиационный комплекс «Гриф-К», разработчик – ОАО «558 Авиационный ремонтный завод» (Барановичи, Республика Беларусь);

- квадрокоптер «ORION-DRONE», разработчик – Холдинг «Швабе» (АО «НПО «Орион», г. Москва) [3].

БПЛА в интересах войск национальной гвардии Российской Федерации должны обеспечивать решение следующих основных задач: разведывательных, ударных (огневых), транспортных, специальных [6].

Главное достоинство БПЛА – отсутствие на борту человека, благодаря чему, независимо от сложности и трудности выполняемой БПЛА задачи, жизни военнослужащих не угрожает опасность. БПЛА способен действовать в зонах радиационного и химического заражения, ему не нужны сложные системы жизнеобеспечения экипажа, в кризисной ситуации им в любую минуту можно пожертвовать, особенно тогда, когда их производство будет поставлено на поток.

Анализ тенденций развития беспилотной авиации показывает, что особое внимание в России (в войсках) уделяется вопросу придания БАС ударных функций, создание и выработка тактики применения специализированных боевых БПЛА, предназначенных для нанесения ударов по наземным целям. Также внимание уделяется и миниатюризации БПЛА, входящих в БАК и

БАС, снижению их заметности, их унификации и стандартизации [2].

В настоящее время ведутся активные разработки единой системы управления БАС и БАК, встроенной в общую систему управления войсками и оружием. Серьезных результатов в этом направлении добился Израиль [6].

Благодаря своим преимуществам БПЛА постепенно осваивают многие функции пилотируемой авиации. По оценкам многих экспертов, к 2025 году до трети мирового авиапарка военной авиации в передовых странах станет беспилотным. БПЛА смогут выполнять абсолютное большинство задач, решаемых сегодня пилотируемой авиацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Зинковский, В. Применение беспилотных летательных аппаратов в системе управления войск / В. Зинковский // Военской вестник. – 2019. – № 3. – С. 11–18.

1. Чистяков, Н. В. Что такое ДПЛА? (Рассуждения) / Н. В. Чистяков. – Москва: Полиграфист, 2017. – 270 с.

3. Мясников, Е. В. Угроза терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов: технические аспекты проблемы / Е. В. Мясников. – Долгопрудный, 2004. – 29 с.

4. Вооруженные силы зарубежных государств. – Москва: Воениздат, 2009. – 527 с.

5. Военная литература. – URL: [https:// militera.lib.ru](https://militera.lib.ru) (дата обращения: 07.03.2021).

6. Павлушенко, М. Беспилотные летательные аппараты, история применения / М. Павлушенко. – Москва: Права человека, 2005. – 612 с.

7. Зинченко, О. Н. Беспилотный летательный аппарат: применение в целях аэрофото съемки для картографирования / О. Н. Зинченко. – Москва: Ракурс, 2011. – 12 с.

SHATILOV ALEKSEY GENNADIEVICH

Lecturer of the Department of Ensuring service and combat activities for the National Guard Troops

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

ANALYSIS OF PROMISING MILITARY AIRCRAFT IN THE WEAPONS SYSTEM

Abstract. The article considers promising models and projects of unmanned aerial vehicles and complexes. The analysis of unmanned aerial vehicles is carried out.

Keywords: national Guard troops, unmanned aerial vehicles, propeller-driven aircraft, gyrocopter, quadcopter.

БОГДАНОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ЧАСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются национальные цифровые стандарты, применяемые в системе образования Соединённых Штатов Америки и технологии, обеспечивающие эффективность образовательного процесса, совершенствования лингвистических компетенций и навыков работы с иноязычным научным текстом.

Ключевые слова: образование, интеграция, образовательный стандарт, цифровые технологии, бихевиоризм, конструктивизм, таксономия Блума, образовательный процесс, педагогические ресурсы.

В образовательном процессе «интеграция» является относительно новым явлением и становится все более популярным в современном образовательном процессе. Для лучшего усвоения учебного материала целесообразно представить информацию в виде блоков. Также ведутся активные поиски в области инновационных интеграционных педагогических технологий: сформулирована концепция интеграции в образовании, разработаны образовательные стандарты.

Интеграция в образовании – это процесс установления связей между структурными компонентами контента в конкретной системе образования с целью формирования целостного взгляда на мир, ориентированного на развитие и саморазвитие личности обучаемого. Интеграция в образовании основана на теориях бихевиоризма, конструктивизма, технологии таксономии Блума [1].

На основе теорий бихевиоризма, конструктивизма и таксономии Блума были разработаны обновленные образовательные стандарты для применения цифровых технологий в образовании, и установлено, что обучаемые должны знать и уметь для лучшего ориентирования в современном цифровом мире.

Бихевиоризм, как психолого-педагогическая концепция, заключается в том, что поведение обучающихся является контролируемым процессом. Основная идея теории бихевиоризма заключа-

ется в передаче учебного материала обучаемым в форме блоков, считая, что именно так вся информация воспринимается легче, и можно проконтролировать, освоили ли они этот блок информации путем опроса и определить, следует ли двигаться дальше.

Интегрируя в учебный процесс различные педагогические технологии, преподаватель организует индивидуальную работу с обучаемыми. Применение теории бихевиоризма делает процесс обучения более динамичным, захватывающим и позволяет преподавателю успешно организовать мониторинг образовательной деятельности.

Как и в случае с бихевиоризмом, конструктивизм известен под другими терминами: ориентированный на преподавателя или на обучаемого, транзакционный или нетрадиционный. Теория конструктивизма подразумевает, что обучаемые учатся посредством активного участия в приобретении знаний, социальных взаимодействий и связи новой информации с тем, что они уже знают. Их генерация знаний будет определяться социальными взаимодействиями.

Таксономия Блума подразумевает классификацию образовательных целей в области образования. Она различает шесть основных категорий: знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценка [1].

Знание является самым низким уровнем таксономии, запоминания и относится

к отзыву, перечислению, описанию, местоположению, распознаванию или названию. Многие из этих задач включают запоминание и показывают базовые знания. При использовании технологии задачи на уровне запоминания могут включать в себя проведение простого интернет поиска, составление маркированного списка, написание фактов или перечисление основных событий.

Понимание является уровнем, на котором обучаемые объясняют, сравнивают, обсуждают, интерпретируют, пересчитывают, обобщают, сортируют и делают выводы. Технологические задачи, которые демонстрируют понимание, включают в себя проведение расширенного поиска, изображения события, создание блок-схемы событий, выделение или обобщение текста, ведение журнала или комментария в блоге.

Уровень применения требует от обучаемых использовать то, что они понимают в новых ситуациях. Последний позволяет обучаемым создавать или выбирать рисунки, редактировать письменные документы, разрабатывать план, загружать документы на сайты, создавать шаблоны и презентации.

На уровне анализа подразумевается работа с инструментарием, позволяющий написать объявление, разработать анкету, написать блог, провести опрос или разработать электронную таблицу.

Уровень оценки подразумевает оценивание обучаемых с использованием навыков мышления. Обучаемые решают, что они могут выбирать, обосновывать, обсуждать, рекомендовать, оценивать или представлять какие-то приоритеты на этом уровне.

Синтез является одним из самых высоких уровней таксономии Блума, он описывает, что происходит, когда обучаемые используют свои знания для создания чего-то нового. Участвуя в синтезе, они самостоятельно принимают решения о том, как продемонстрировать то, что они знают. С помощью технологий обучаемые могут создавать видеоролики, создавать логотипы или обложки.

Таксономия Блума предполагает направление мыслительного процесса на синтез информации, развитие умения сочетать ее элементы в соответствии с коммуникативной задачей. Способность оценивать полученную информацию, опреде-

лять ценность явления (например, данные исследования) подразумевает достижение успеха на всех предыдущих уровнях. Обсуждаемые выше основные теории бихевиоризма и конструктивизма, а также технологии таксономии Блума определяют характерные цели в процессе обучения и упрощают работу преподавателя. Если принимать во внимание эти теории, можно выстроить образовательный процесс как последовательность разработки его элементов [2].

Международная ведущая организация образовательных технологий в США (ISTE) представила обновленную версию национального стандарта для применения цифровых технологий в образовании. Национальный стандарт применения цифровых технологий в образовании определяет, что обучаемый должен знать и уметь делать, чтобы эффективно приобретать определенные знания и продуктивно жить в расширяющемся цифровом мире. Стандарты ISTE структурированы таким образом, чтобы увидеть, как проявляются их ключевые компоненты (гражданин цифрового общества, критическое знание реальности, открытость новым знаниям, передовое алгоритмическое и инженерное мышление, творческое взаимодействие с другими людьми, способность к сотрудничеству и командной работе, внутренняя мотивация). Сферы деятельности преподавателей различных предметов в дальнейшем реализуются в учебной деятельности студентов [3].

Внутренняя мотивация к обучению основана на активном использовании технологий с осознанным выбором собственных целей обучения и способов их достижения. Подразумевается, что обучаемые, четко и ясно формулируя личные цели обучения, способны их достигать с использованием технологий, постоянно анализируют образовательный процесс с целью улучшения конечных результатов; они используют технологии, которые позволяют им продемонстрировать свои знания, навыки и умения, а также понимать и совершенствовать процесс обучения посредством практических результатов.

Гражданин цифрового общества основывается на понимании своих прав, обязанностей и возможностей; содействии безопасному использованию информации и технологий. Подразумевается, что обучаемые несут ответственность за свои пер-

сональные данные, которые используются для идентификации в сети. Они должны знать о технологии сбора данных, которая используется для отслеживания навигации пользователя в Интернете.

Критическое познание деятельности основано на построении собственных знаний в творческой работе, в сознательной самостоятельной и совместной образовательной практике. Подразумевается, что обучающиеся применяют эффективные способы поиска информационных и образовательных ресурсов для удовлетворения своих познавательных и творческих потребностей: находить, анализировать и собирать информацию из различных источников, используя различные инструменты и методы для создания цифровых коллекций.

Открытость к новым знаниям основана на использовании различных технологий на всех этапах проектирования и решении задач от их формулирования до получения результата, предлагая оригинальные, нестандартные и эффективные решения. Подразумевается, что обучающиеся знают специфику процесса проектирования для решения проблемы и тщательно планируют ее в процессе генерации идей, проверки теоретических положений на практике.

Развитое алгоритмическое и инженерное мышление основывается на решении задач использования стратегии критического мышления. Подразумевается, что обучающиеся формулируют задачи в виде, подходящем для решения с помощью современных технологий; разбираются в процессах автоматизации и используют алгоритмические подходы, чтобы разработать последовательность шагов по созданию и тестированию автоматизированных решений.

Творческое взаимодействие с другими людьми основано на выражении их мыслей и мнений, творческом подходе к представлению информации, использовании наиболее подходящих цифровых платформ, инструментов и медиа-ресурсов для достижения целей. Подразумевается, что обучающиеся выбирают платформы и средства коммуникации, которые наиболее подходят для достижения образовательной цели.

Способность к сотрудничеству и командной работе основана на использовании цифровых инструментов для расши-

рения диапазона их образовательных целей и обогащения их опыта благодаря сотрудничеству со сверстниками дома и за рубежом. Подразумевается, что обучаемые используют цифровые инструменты для общения со сверстниками из различных социальных и культурных групп в диалоге, который расширяет границы взаимопонимания и обучения; они используют технологию сотрудничества во взаимодействии с другими людьми, включая сверстников и экспертов для изучения проблемных вопросов с разных точек зрения [3].

Стандарты ISTE закрепляют новое понимание роли цифровых технологий в образовании. Если раньше это было обычным пониманием технологий как средства оптимизации передачи учебного материала, то сегодня их роль заключается в открытии новых возможностей, которые помогают преподавателю создавать персонализированную развивающую среду. Современный студент становится гораздо более независимым в поиске информации и ее разумного восприятия, принятии решений, командной работе и решений нестандартных, творческих задач. От пассивного потребителя образовательной информации он становится активным строителем своих собственных знаний. Цифровые технологии являются одним из вспомогательных компонентов этой новой образовательной ситуации, что должным образом отражено в стандартах ISTE.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Учебные цели согласно таксономии Блума: сборник заданий и упражнений. – URL: <https://kst.nis.edu.kz/wp-content/> (дата обращения: 17.01.2021).
2. Work Programme 2018–2020 «Horizon 2020» // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/research/participants/> (дата обращения: 17.01.2021).
3. Klein-Collins, R. (2012). Competency-based degree programs in the US.: Postsecondary credentials for measurable student performance. Chicago. Council for Adult and Experimental Learning. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/> (дата обращения: 17.01.2021).

* * *

BOGDANOV DENIS ALEKSANDROVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

INTEGRATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The article examines the national digital standards used in the US education system, and technologies that ensure the effectiveness of the educational process, improving linguistic competencies and skills when working with a foreign language scientific text.

Keywords: education, integration, educational standard, digital technologies, constructivism, blume theory, teaching and learning process, teaching resources.

* * *

УДК 37.04:372.09

БОГОМОЛОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ФОРМИРОВАНИЕ У КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ УМЕНИЙ
КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОДЧИНЕННЫМИ

Аннотация. В статье приводится пример возможных способов формирования у курсантов умения коммуникативно-речевого взаимодействия с подчиненными, в процессе проведения учебных занятий по дисциплине «Военная психология и педагогика» с применением активных и интерактивных методов обучения (проблемная лекция, лекция-дискуссия, решение ситуационных задач, тренинг, деловые и ролевые игры). Выдвигается предположение, что, офицер-выпускник, являющийся непосредственным преподавателем для своих подчиненных, наделенный навыками коммуникативно-речевого взаимодействия с подчиненными, способен более эффективно обучать их военному делу.

Ключевые слова: курсанты, подчиненные, подчиненный личный состав, коммуникативно-речевое взаимодействие, обучение подчиненных, офицер-выпускник, служебно-боевая деятельность.

Задача современного военного образования – подготовка специалиста высокого класса, которая предполагает не только развитие его профессиональных качеств и навыков, но и эволюцию личностных коммуникативных характеристик и умений, в целях эффективного взаимодействия с подчиненными, главным образом, в аспекте организации и проведения с ними учебных занятий по боевой подготовке.

Офицер, после окончания военного учебного заведения, при прохождении дальнейшей воинской службы в подразделениях и воинских частях войск национальной гвардии Российской Федерации,

регулярно выполняет служебные задачи по обучению и воспитанию своих подчиненных. Процесс обучения и воспитания подчиненного личного состава можно представить в виде непрерывного взаимодействия, которое характеризуется общением между обучающим и личным составом учебной группы. Приведем пример трактовки термина «общение», которую интерпретировал Б. Д. Парыгин. С точки зрения ученого, общение между людьми – это сложный и многогранный процесс, возникающий в определенное время, и в определенной группе, социуме, порождаемый как естественной, так и вынужденной необходимостью [1]. По мнению Б.

Д. Парыгина процесс общения интегрирует информационную, управленческую и регулятивную функции. Также отметим слова Дейла Карнеги, который еще в 1936 году писал: «Успехи того или иного человека в его делах процентов на пятнадцать зависят от его профессиональных знаний и процентов на восемьдесят пять от его умения общаться с людьми» [2].

В контексте служебного общения офицера-выпускника с обучаемыми-подчиненными, рассмотрим коммуникативно-речевое взаимодействие как фактор повышения качества учебных занятий по боевой подготовке с подчиненными, и реализации воспитательной функции в воинском коллективе [3].

Умение разбираться в людях, устанавливать с ними коммуникативно-речевое взаимодействие – важные качества успешного руководителя – командира, начальника. Особенно это актуально при проведении занятий с подчиненным личным составом. Личный служебный опыт, мнения других старших офицеров говорят о том, что в большинстве внутриведомственных документов, регламентирующих организацию и проведение занятий, отсутствуют толкования особенностей индивидуального подхода при проведении занятий с подчиненными. А как известно, в подразделениях войск национальной гвардии Российской Федерации, комплектуемых военнослужащими по контракту, зачастую преобладает яркий контраст между разновозрастными подчиненными военнослужащими различных национальностей. Этот факт ставит перед нами задачу наделить курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации – будущих преподавателей для своих подчиненных, знаниями и умениями коммуникативно-речевого взаимодействия с подчиненным личным составом, в целях эффективного проведения занятий и максимального усвоения учебного материала обучаемыми.

Опыт показывает, что нестандартные упражнения и методы обучения вызывают заинтересованную реакцию у обучаемых информативной новизной, образующимися возможностями перемены лидерских ролей. Это очень важный фактор, восходящий к идее о том, что при проведении занятий, при изложении учебного материала необходимо осознанно использовать и тело, и эмоции, вовлекая курсантов в психо-

соматическое реагирование (минидискуссии внутри творческого процесса) [4].

Формирование умений коммуникативно-речевого взаимодействия курсантов военного института происходит в процессе преподавания дисциплин: философия, социология, политология, социальная психология, военная психология и педагогика. Процесс преподавания курсов этих дисциплин способен трансформировать сознание курсантов до качественно нового уровня, при условии применения в процессе преподавания курсов этих дисциплин активных и интерактивных методов обучения. В процессе таких занятий курсанты работают в минигруппах, учебные задания структурируются таким образом, что все члены группы оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми и при этом достаточно самостоятельными в овладении материалом и решении задач. Также в целях развития ораторского искусства курсантов, целесообразно включать их в роль преподавателя со своей учебной группой в проведении вступительной части занятия, одного из учебных вопросов занятия, заключительной части занятия.

Все это имеет отношение к образовательному процессу Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации в аспекте формирования умений у курсантов коммуникативно-речевого взаимодействия с подчиненными, в целях повышения качества процесса обучения личного состава выпускниками при прохождении службы в качестве офицера.

К сказанному выше стоит добавить следующее: современная «субъект-субъектная» парадигма образования в XXI веке основывается на представлении личности как самоценности. В воинских частях и подразделениях войск национальной гвардии Российской Федерации также сохраняются традиции обучения и воспитания личного состава с опорой на индивидуальность каждого военнослужащего. Это подтверждает необходимость развития и совершенствования системы формирования умений коммуникативно-речевого взаимодействия у курсантов военных вузов с обучаемыми-подчиненными [5].

Особого внимания требует тот факт, что традиционное обучение апеллирует не к «абсолютному субъекту» и «монологу», а к современному преподаванию курсов, формирующих профессиональную комму-

никативную деятельность будущего специалиста. Необходимо заложить принцип диалогичности, при котором открытость пространства взаимодействия будет обеспечиваться атмосферой доверия и принятием человека таким, каков он есть, создавая свободу для развития его творческих способностей. Однако реализуется такой принцип лишь при определенных условиях – когда процессы обучения и воспитания имеют деятельностные формы и обладают соответствующим содержанием. К ним относятся тренинги, сценарные и ролевые игры, решение ситуационных задач, и т. п. Необходимо отметить, что существует и возможность использовать потенциал лекций в целях формирования умений курсантов военных вузов к эффективному коммуникативно-речевому взаимодействию с будущими подчиненными. Применение таких новых форм лекций, как проблемная лекция, лекция-дискуссия, лекция с заранее запланированными ошибками, при преподавании курса дисциплины «Военная психология и педагогика», приумножает возможности воздействия современного материала на сознание курсанта, делает возможным восприятие на более глубоких уровнях психики, что будет способствовать более эффективному формированию готовности будущих офицеров к более качественному решению вопроса обучения и воспитания подчиненного личного состава.

Интересное направление работы с курсантами в профессиональном образовании – тренинги. Влияние тренинга на личность настолько широко, что его используют и в системе обучения, и в подготовке профессиональных кадров. Тренинг следует понимать как совокупность активных методов, используемых при формировании знаний, умений, навыков общения, саморазвитии, карьерном росте посредством групповой динамики. Причем тренинговая группа является зеркалом каждого его члена, за счет чего и достигаются обратная связь и эффективность личностного и профессионального роста [6].

Тренинг не сводится только к обучению, приобретению знаний. Огромное значение имеет эмоциональный компонент, то есть отношение обучаемого к происходящему плюс обратная связь с группой. В качестве средств тренинга используются беседы, дискуссии, игры (деловые, ролевые) и другие. Очень важен

подбор продуктивных, апробированных практикой игр, упражнений, заданий и их вариантов.

Таким образом, анализируя в целом систему современного высшего военного профессионального образования, можно с уверенностью сказать, что она ориентирована на качественную подготовку будущего офицера. Качество же подготовки курсантов военных вузов можно оценить проанализировав отзывы командиров воинских частей, в которых выпускники проходят дальнейшую воинскую службу в качестве офицеров – непосредственных преподавателей для своих подчиненных. Также необходимо отметить, что важным условием умелого руководства подчиненным личным составом является умение офицеров-выпускников осуществлять социальное взаимодействие, что во многом зависит от целенаправленного формирования у курсантов коммуникативно-речевого взаимодействия с будущими подчиненными в стенах военных вузов.

Важными и актуальными в современной военно-педагогической науке остаются вопросы, связанные с формированием коммуникативной деятельности будущего офицера-педагога как фактор качественного и эффективного обучения подчиненного личного состава подразделений и воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – Москва: Мысль 1971. – 352 с.
2. Карнеги, Д. Как выработать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично / Д. Карнеги. – Москва: Попурри, 2020. – 416 с.
3. Ковальчук, А. С. Основы имиджологии и делового общения: учебное пособие для вузов / А. С. Ковальчук. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 256 с.
4. Черновалова, Г. А. Развитие коммуникативных качеств личности при подготовке специалистов / Г. А. Черновалова // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (25 апреля 2006 г.) / Пермский государственный технический университет. – Том I. – Пермь, 2006. – С. 29–42.

5. Дрокина, С. В. Стратегия формирования готовности к общению в условиях учебного процесса / С. В. Дрокина // Среднее профессиональное образование: приложение к ежемесячному теоретическому и научно-методическому журналу «СПО». – 2005. – № 2. – С. 30–52.

6. Реньш, М. А. Социально-психологический тренинг: практикум / М. А. Реньш, Н. О. Садовникова, Е. Г. Лопес. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2007. – 190 с.

* * *

BOGOMOLOV ALEKSANDR NIKOLAEVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

FORMATION AT CADETS OF MILITARY SCHOOLS OF COMMUNICATION SKILLS-VERBAL INTERACTION WITH SUBORDINATES

Abstract. In the article, the author gives an example of possible ways to form the ability of cadets to communicate and communicate with subordinates, in the course of conducting training sessions in the discipline "military psychology and pedagogy" using active and interactive teaching methods (problem lecture, lecture-discussion, solving situational problems, training, business and role-playing games). The author suggests that a graduate officer who is a direct teacher for his subordinates, endowed with the skills of communication and speech interaction with subordinates, is able to teach them military affairs more effectively.

Keywords: cadets, subordinates, subordinate personnel, communication and speech interaction, training of subordinates, graduate officer, service and combat activities.

* * *

УДК 159.9

ВОРОЖЕЙКИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЦА ДРУГОГО

Аннотация. В статье проведен теоретический анализ проблемы восприятия человеком лица другого в биологическом и социальном контекстах. Рассмотрены основные теоретические подходы и прикладные исследования, разработанные методики изучения восприятия лиц. Определены актуальные проблемы и перспективы изучения процессов восприятия лиц.

Ключевые слова: восприятие лиц, сверхгенерализация, формирование впечатления, лицевая экспрессия, привлекательность, социальные взаимодействия, возраст, пол, раса.

Изучение социального восприятия – одно из наиболее значимых и перспективных направлений в социальной психологии. Стремительно ускоряющийся

образ жизни, со свойственным ему хроническим дефицитом времени, в том числе на обработку входящей информации о социальном окружении и необходимостью

немедленного взаимодействия с ним, ставит новые задачи в изучении восприятия другого.

Лицо человека называют зеркалом его души и действительно эмоции человека сконцентрированы в выражении его лица, а по динамике изменений мимики, можно понять о протекающих психических процессах. Благодаря развитой лицевой мимической мышечной системе, человек являет внешнему миру все богатство внутренних переживаний. Лицо – это коммуникативный центр, относительно которого строится взаимодействие с окружающей средой, ориентировка в ситуации, контроль событий и влияние на окружающих. Сумма статических и динамических показателей лица дает возможность идентифицировать пол, возраст, этническую и расовую принадлежности, судить о возможном социальном положении, прогнозируемых намерениях, субъективном отношении, опыте и чувствах человека.

Со времен выхода в свет книги Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных» вопрос о том, обусловлены ли навыки восприятия лица, которыми человек обладает в зрелом возрасте, в первую очередь филогенией (адаптацией видов) или онтогенезом (индивидуальным развитием, подпитываемым опытом), стал предметом многих исследований в различных отраслях психологии. Исследования способностей к восприятию лица в разном возрасте дают основания для обоснования общей природы предметной области или для обоснования аргументов в пользу развития человека. Например, в одном из самых первых научных исследований младенцев, Франц показал, что новорожденные, когда им предлагали смотреть на схематичное лицо или на рисунок, например, яблока, обычно предпочитали смотреть на лицо [1, с. 296–297]. Примерно через десять лет Горен, Сarti провели обширное тестирование новорожденных в течение первых 10 минут после рождения, на их склонность отслеживать медленно движущиеся паттерны [2, с. 315–322]. Они заметили, что новорожденные поворачивают голову и фокусируют взгляд дальше, чтобы сохранить в поле зрения простое схематичное лицо, нежели сложную модель лиц на более близком расстоянии. Рассматриваемое с точки зрения современных научных стандартов, это исследование подняло больше вопросов, чем дало ответов, но по-

родило целую мини-область научных исследований по вопросу восприятия лиц.

В дополнение к работе над новорожденными, предназначенной для проверки того, какие «врожденные знания» о лицах у нас есть, изучение развития навыков восприятия лиц в младенчестве и детстве оказалось благодатной почвой для предметно-общих теорий перцептивного и когнитивного развития. Основные теории о механизмах обучения, сформулированные Нельсоном [14, с. 33], пубертатные провалы в производительности Carey [3, с. 257–269], продольная стабильность детской работоспособности и функциональная специализация кортикальных областей Cohen-Kadosh and Johnson [4, с. 367–369]. Все эти работы были частично основаны на данных исследований восприятия лица.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД К ВОСПРИЯТИЮ ЛИЦ

Такие особенности восприятия лиц людьми, как: ориентированность на лицеподобные стимулы и имитация мимики, фокусировка взгляда на области глаз, наблюдаемые уже с первых дней жизни, натолкнули исследователей на эволюционно обусловленную модель восприятия лиц. Американский психолог David McNeill считает образование лица следствием подвижности организмов, называя лицо «порталом ассимиляции организмом окружающего мира». Строение «лиц» животных весьма схоже по своей структуре и имеет много общего в своем построении и расположении основных органов чувств. Было выдвинуто предположение, что такое сходство должно определяться едиными движущими силами такими, например, как сила тяжести, обуславливающая строение тела в вертикальной плоскости. Высокрасположенные глаза обеспечивают большую дальность и площадь обзора, органы обоняния в связи с летучими свойствами запахов находятся над ртом, эти закономерности характерны для всех организмов со сложным строением. Высокая концентрация отдельных элементов, имеющих различимые индивидуальные отличия, делает лицо наилучшим инструментом социальной категоризации и представляет очевидное адаптационное преимущество.

Elizabeth A Tibbetts выделяет основные преимущества типовой структуры строения лиц такие, как: оптимизация внутривидовых отношений, уменьшение роди-

тельских затрат на обеспечение безопасности потомству, эффективный территориальный контроль и снижение агрессивных столкновений, увеличение альтруистических актов от знакомых индивидов, уменьшение возможности внутривидового или межвидового паразитического поведения, снижение агрессивного соревнования за статус.

В экспериментах М. J. Marzluf выявлены факты, подтверждающие высокую эффективность восприятия, различения и запоминания лиц птицами. К настоящему времени установлено, что представители трех видов городских птиц: вороны «*Corvus brachyrhynchos*», сороки «*Pica-pica*» и пересмешники «*Mimus polyglottos*» – могут различать человеческие лица [5, с. 499–507].

Также важным аспектом эволюционного подхода к пониманию восприятия лиц является способность животных оценивать направление взгляда другой особи, что позволяло увеличить выживаемость в ходе естественного отбора. Индийские горные агама позволяли приблизиться к себе на почти вдвое меньшее расстояние, если взгляд экспериментатора был обращен прямо на них. На это же указывает отпугивающая окраска некоторых насекомых в виде глаз на крыльях, которые сигнализируют окружающим об опасности.

Таким образом, многочисленные исследования показывают, что способность к различению индивидов по внешности является полезной и развивается у представителей различных видов в разных классах животных. При этом в большинстве работ подтверждается роль именно лица и его признаков в таком различении. Результаты этих исследований позволяют говорить о эволюционных предпосылках развития механизмов восприятия лиц.

ТЕОРИЯ ДВУХ ПРОЦЕССОВ

Вплоть до конца XX века в западной психологической науке вопросы по изучению восприятия лица были активно исследуемой областью, в которой основным вопросом было противостояние двух точек зрения «природы против воспитания» и связанные с ними возрастные особенности, в которых могут проявляться различные способности восприятия лица. После исследований Goren, Johnson, с показавшими более постепенное развитие способностей обработки лица, предложили «двух-

процессную» модель развития восприятия лица [6, с. 544–549].

Первоначальная теория двух процессов стремилась примирить явно противоречащие друг другу точки зрения на процессы обработки лица, постулируя существование двух систем: склонность новорожденных ориентироваться на лица, названную CONSPEC и приобретенную специализацию кортикальных цепей для других аспектов обработки лица, названную CONLERN. Эта теория двух систем была частично основана на ранних работах Johnson на животных. Было выдвинуто предположение, что CONSPEC служит для смещения входа в развивающуюся кортикальную схему в течение первых недель и месяцев жизни, обеспечивая, таким образом, соответствующую кортикальную специализацию в ответ на социальные и связанные с выживанием стимулы лиц. CONSPEC занимает промежуточное положение между теми, кто утверждает, что предпочтения лиц у новорожденных обусловлены низкоуровневыми психофизическими предпосылками, и теми, кто полагает, что представления младенцев о лицах гораздо богаче и сложнее. С самого рождения младенцы преимущественно обращают внимание на некоторые лицеподобные паттерны. Возможно, самым спорным аспектом теории двух процессов было предположение о том, что младенцы обладают некоторой информацией о структурных характеристиках лиц с рождения. Эмпирические наблюдения, полученные в ходе экспериментов с новорожденными показали, что стимул с тремя высококонтрастными пятнами, соответствующими приблизительному расположению глаз и рта, когда он находится внутри сформированного ограниченного объекта такой, как овал является достаточным для восприятия новорожденными.

В 1991 году идея о том, что младенцы рождаются с чувствительной к лицу информацией была отвергнута большинством специалистов в этой области, в основном на основе экспериментов с 1–2 месячными младенцами, которые не показали никакого предпочтения статическим изображениям лица [7, с. 81–95]. Поскольку младенцы, вскоре после рождения, не предпочитали схематические изображения лиц обычным лицам, обычно предполагалось, что новорожденные не могут отличить лица от других стимулов. После более чем десяти

лет эмпирических исследований о психофизике, было установлено, что паттерны лица оказывались почти всегда более предпочтительны по сравнению с другими психофизически подобранными стимулами. Таким образом, предпочтения новорожденных лиц могут быть объяснены общими перцептивными установками такими, как те, которые основаны на известных принципах гештальта взрослых [8, с. 48–51].

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ВОСПРИЯТИЮ ЛИЦ

Идея о том, что лицо может рассказать о характере человека, уходит корнями ещё во времена Аристотеля, который определил некоторые ассоциации такие, как «выдающиеся уши и болтовня», физиогномистов XVIII века и вплоть до современных «профайлеров». Некоторые вопросы восприятия лиц привлекали внимание ранних психологов, которые проводили научные исследования, чтобы определить, существуют ли лицевые маркеры особенностей личности. Хотя современные исследования продолжают изучать точную передачу эмоций с помощью мимики, представление о том, что лица точно передают способности и особенные черты личности, было в значительной степени вытеснено исследованиями, направленными на изучение восприятия ассоциаций черт лица.

Экологический подход к восприятию лица основан на работах американского психолога Джеймса Гибсона, названной перцептивной психофизикой, основная мысль которой заключается в том, что вся информация об окружающем мире целиком и полностью представлена оптической информацией и для построения картины мира достаточно сенсорной информации, получаемой через зрительные каналы восприятия. Центральной линией экологической теории является акцент на выявлении внешней стимулирующей среды, которая влияет на восприятие. Гибсон утверждал, что мультимодальные, динамические изменения в пространстве и времени являются особенностями, которые обеспечивают наиболее полезную информацию для воспринимающих. Таким образом, динамическая и многогранная лицевая информация, предоставляемая структурой лица, пигментацией, текстурой и движением, должна обеспечивать наиболее точную информацию об относительно инвариантных атрибутах людей (например, возраст, пол, этническая принадлежность)

и их более вариативных поведенческих возможностях.

Выводом из экологической теории, которая долгое время была в центре внимания при проведении исследований восприятия лица, является гипотеза о том, что врожденные или хорошо развитые настройки на возможности, определяемые мимическими сигналами, могут приводить к чрезмерно обобщенным и ошибочным восприятиям, особенно когда стимульная информация обеднена, как это типично для большинства исследований, изучающих реакции на статические изображения лица.

В исследованиях восприятия лиц социальными психологами уделяется большое внимание «эффекту ореола привлекательности», когда люди с более привлекательными лицами воспринимаются более позитивно по многим признакам. В соответствии с экологическим акцентом на связи между восприятием и поведением, эти характерные впечатления сопровождаются предпочтительным отношением в различных областях, межличностных отношений. Привлекательные лица также облегчают реакцию приближения, в то время как непривлекательные лица стимулируют реакцию избегания, даже у младенцев.

В течение многих лет не существовало никакой концептуальной основы для объяснения положительных эффектов привлекательности, кроме предположения, что они отражают культурные учения. Тот факт, что люди из разных культур, а также младенцы и маленькие дети демонстрируют сходные реакции на изменения в привлекательности, говорит о том, что эти впечатления отражают некий универсальный механизм, а не произвольные культурные влияния.

В соответствии с экологической теорией, на привлекательность лица также влияют динамические сигналы, причем более низкая экспрессивность связана с более низкой привлекательностью [9, с. 276–285]. Хотя различия в воспринимаемой доступности, сигнализируемые высокой и низкой экспрессивностью, дают непосредственное объяснение этому эффекту, на него также может влиять аномальная чрезмерная генерализация лица, поскольку низкая экспрессивность лица является маркером физических и психологических расстройств таких, как болезнь, депрессия или шизофрения.

Важным аспектом привлекательности являются социальные вариации в эффекте ореола, которые обеспечивают дополнительную поддержку эффекта социальных целей. Социальное доминирование является более сильным компонентом эффекта ореола в западных, чем восточноазиатских культурах, где привлекательность больше ассоциируется с целостностью личности и заботой о других, что согласуется с более высокой ценностью социальной гармонии, чем индивидуальной свободы воли.

Базовые эмоции такие, как: счастье, страх, удивление, гнев, отвращение и печаль, можно передать с помощью выражения лица, независимо от того, демонстрируются ли они на фотографиях, на видео, или выражены спонтанно, эти эмоции идентифицируются лучше, чем многоаспектные переживания, хотя удивление и страх часто путаются. Даже люди, принадлежащие к культурно изолированной группе в Новой Гвинее, способны распознавать базовые выражения лиц западных людей [10, с. 412–417].

Большинство исследований, посвященных изучению специфических черт лица, влияющих на восприятие эмоций, проводились эмпирически. Исключение составляют исследования, в которых поднимался вопрос о том, почему конкретные выражения эмоций выглядят именно так, а не иначе [11, с. 73–86]. В этих работах утверждалось, что выражения страха и гнева эволюционировали, чтобы имитировать детские лица и зрелые лица, соответственно, потому что для тех, кто испытывает страх, адаптивно вызывать реакции, параллельные тем, которые вызывают беспомощные дети, и для тех, кто испытывает гнев, вызывать реакции, параллельные тем, которые вызывают сильные взрослые.

ВЛИЯНИЕ ПОЛА, РАСЫ И ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ЛИЦ

Социальные психологи давно заинтересовались проблематикой расовых предрасудков и стереотипов, имеются значительные эмпирические доказательства внутригруппового фаворитизма, специфических расовых стереотипов и предубежденного поведения. Однако до недавнего времени внимание к внешнему виду ограничивалось его вероятной ролью в классификации людей на ту или иную расовую груп-

пу. Недостаточное внимание исследователей к внешнему виду вызывает недоумение, поскольку многие этнические и расовые группы выглядят по-разному, что безусловно, не ускользает от восприятия. Согласно гипотезе о сверхгенерализации знакомого лица, полезность дифференциации известных людей от незнакомых породила тенденцию к тому, что незнакомые люди вызывают больше негативных реакций, когда они показывают меньшее сходство с известными людьми [12, с. 27]. Эта гипотеза предполагает, что фаворитизм собственной расы отчасти является побочным продуктом восприятия реакций на знакомых людей по сравнению с незнакомцами.

Поскольку некоторые черты лица различаются в разных расовых группах, незнакомцы из своей собственной расовой группы кажутся более знакомыми, чем незнакомцы из другой расы. Лица незнакомцев другой расы также воспринимаются как менее приятные, чем лица незнакомцев собственной расы. Эффект частично опосредован более низкой «знакомостью» лиц других рас, независимо от других социальных факторов. Отрицательные реакции на менее знакомые лица других рас также способствуют укреплению культурных расовых стереотипов, усиливая негативные стереотипы лиц других рас и уменьшая позитивные, что также влияет на общее восприятие лиц.

Социальные представления и поведенческие реакции такие, как возраст, представляют большой интерес для социальных психологов. Существует значительное количество свидетельств предзаданного отношения к пожилым людям и хорошо известно, что они часто являются объектами дискриминационного поведения. Так, в работе российских ученых С. Г. Горелик, Л. В. Колпина «Проблемы дискриминации населения старших возрастных групп в сферах медицинского обслуживания и социальной защиты: эмпирический анализ», основанной на проведенном социологическом опросе, показана высокая распространенность «эйджизма» в сферах медицинского обслуживания и социальной защиты, что отметили 65 % респондентов, а 42,2 % признались, что сами выступают инициаторами эйджистских практик [13, с. 1–14].

Также хорошо изучен феномен положительного отношения к лицам младенцев или эффект сверхгенерализации детского

лица, в частности, воспринимаемые черты младенцев отражаются в реакциях на людей с детским лицом во всех возрастах. Такие люди независимо от социокультурной среды воспринимаются как более покорные, наивные, добрые, честные, чем их сверстники с более зрелыми чертами лица. В то время как внимание к внешнему виду лица было заметно в исследованиях эффекта сверхгенерализации детского лица, оно в значительной степени игнорировалось в исследованиях стереотипов пожилых людей.

Социальные представления и поведенческие реакции, связанные с полом также представляют большой интерес для изучения, поскольку имеются значительные доказательства того, что мужчины, как правило, воспринимаются как более агрессивные или доминирующие, чем женщины, которые, в свою очередь, воспринимаются как более общительные или добрые, чем мужчины, а соответствующие различия присутствуют в поведенческих реакциях мужчин и женщин.

Как и в случае с расовыми и возрастными стереотипами, изучению половых стереотипов уделено, относительно мало внимания. Тем не менее исследования, описывающие общие качества внешнего вида, а также другие признаки, показали центральную роль пола человека, который предсказывал стереотипные представления о психологических чертах и социальных ролях. Концептуальные основы изучения гендерных стереотипов, рассматриваются в монографиях S. Basow, H. Lips, R. Asmore, F. Del Boca, I. H. Freeze, C. Stoll, G. Fauconnier, S. L. Gilman, K. Deaux, L. Lewis.

Точно так же, как расовые и возрастные особенности лица влияют на восприятие, так и пол изменяет реакцию на лица, что является проявлением эффекта сверхгенерализации лица. Например, люди приписывают более высокие доминирующие и лидерские способности лицам с типично мужской внешностью (четко очерченные выступающие скулы, массивные надбровные дуги), чем лицам с типично женской внешностью, независимо от пола человека. Также интересным фактом является то, что более мужественные мужчины и более женственные женщины воспринимаются как более здоровые, что говорит о биологических предпосылках восприятия пола.

Среди половых лицевых качеств, которые могут способствовать маскулинности-фемининности внешности, многие пересекаются с лицевыми качествами, связанными с возрастом и эмоциями. Более женственная внешность сохраняет больше младенческих черт, тогда как выраженная маскулинность лица воспринимается как более зрелая.

Как и ранние физиогномисты, современные исследователи восприятия лиц, связывают внешний вид лица с поведением, приписывая различные психологические атрибуты людям, чьи нейтральные лица отличаются привлекательностью, эмоциональным сходством с детским лицом, расовым прототипом или половым прототипом. Эти эффекты могут быть объяснены чрезмерной генерализацией адаптивных реакций на людей, которые отличаются фактическим состоянием здоровья, эмоциональным состоянием, возрастом, групповой идентичностью или полом, на других людей, чьи лица просто напоминают людей из одной из этих социальных категорий.

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД В ОБЛАСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЦА ДРУГОГО

Сегодня нарастающий интерес к изучению восприятия лица стимулируется общественным запросом на решение практических задач и наиболее полно представлен с позиции когнитивно-коммуникативного подхода, чья главная идея состоит в утверждении неразрывной связи или единства познания и общения. Общение играет роль основания когнитивных процессов, в котором, в свою очередь, восприятие лиц имеет решающее значение. Данный подход, сформулированный на рубеже 1970–1980-х годов, опираясь на ряд теоретико-методологических положений таких, как принцип системности представления об отражательной сущности психики и экспериментальных исследованиях познавательных процессов в межличностных взаимодействиях [14, с. 1–8].

Когнитивно-коммуникативный подход описывает восприятие человека по выражению лица как взаимообусловленный процесс, в котором выделяют такие переменные, как: личностные особенности, экспрессии лица, логика развития коммуникативной ситуации, функциональные состояния самого наблюдателя, а также

структура личности в виде «Я-концепции», потребностей, установок, отношения к другому субъекту, совокупного коммуникативного и эмоционального опыта (Ананьева, 2009; Артемцева, 2003; Барабанщиков, 2002, 2006, 2007, 2008, 2009, 2012; Барабанщиков, Носуленко, 2004; Барабанщиков, Жегалло, Королькова, 2016; Болдырев, 2006; Демидов, 2009; Дивеев, 2009; Жегалло, 2007; Куракова, 2013; Майнина, 2011; Федосеев, 2003; Хозе, 2013; Хрисанфова, 2004). Эмпирическую базу когнитивно-коммуникативного подхода составили исследования познавательных процессов в условиях индивидуальной и совместной деятельности (Ломов, 1981; Ломов, Беляева, Коул, 1988) [14, с. 1–8]. Среди экспериментальных исследований восприятия, выполненных в период становления подхода, были реализованы эксперименты по восприятию экспрессий человеческого лица как средства общения.

Значительное влияние на изучение процессов восприятия лиц оказывают: современные теоретико-методологические подходы в психологии такие, как метасистемный (А. В. Карпов), интегративный (В. В. Козлов), коммуникативный (В. А. Мазилев); социально-психологические концепции, связанные с изучением механизмов формирования образа человека в межличностном общении (Г. М. Андреева, М. Аргайл, А. А. Бодалев, В. Н. Панферов, В. Н. Куницына, Н. И. Бабич, С. С. Дашкова, К. Клайнк, Е. В. Красильникова, О. Н. Кузнецов, И. А. Лукичев, Н. А. Рождественская, П. Экман и др.); теоретические модели и схемы исследования физической привлекательности, разработанные в зарубежной психологии (Д. Перетт, Д. Ланглюа, Э. Бершейд, Р. Торнхил, А. Мехрабиан, К. Граммер, Д. Каннигхем, Я. Пентон-Воак, Н. Барбер, Д. Сингх) [14, с. 1–8].

Несмотря на богатый эмпирический опыт и на обширную теоретическую базу в области процессов перцепции, на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация с отсутствием строгой теории, описывающей процесс восприятия лиц. Исследования восприятия лица разработаны фрагментарно и касаются в основном способов проявления психических процессов в выражениях лица, механизмов взаимного восприятия, роли индивидуальных особенностей внешности наблюдателя в оценке состояний и черт личности ком-

муниканта. Не достаточно изучены динамические аспекты восприятия лица, характеризующие движение перцептивного процесса, отдавая предпочтения в пользу статических выражений лиц. Основные эмпирические данные по изучению динамического восприятия получены с помощью методов вербальной и графической идентификации эмоций человека, распознавания экспрессий, тахистоскопии выражений лица, и его окклюзии, морфинга и варпинга изображений, окулографии (айтрекинга), прямой и обратной зрительной маскировки и других современных методов исследования [15, с. 3].

В рамках психофизиологии и клинической психологии, хорошо изучены феномены и механизмы распознавания лица, природа лицевых актов и закономерности их восприятия другими людьми. Социальная психология долгое время специализировалась на исследованиях формирования первого впечатления, роли экспрессий лица в общении, специфики взгляда, интерпретации выражений лица и понимания личности другого.

РАЗРАБОТКА ЭМПИРИЧЕСКИХ МЕТОДИК ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЦ

Первые попытки в разработке методик диагностики навыков и умений распознавать эмоции по лицевой экспрессии были предприняты Э. Борингом и Э. Титченером [4, с. 367–369]. Методика представляла собой взаимозаменяемые изображения отдельных частей лица, комбинируя которые можно было получить 360 схем мимического выражения лица. Эта попытка не увенчалась успехом, использование методики давало от 26 до 57 % правильных ответов при распознавании различных эмоций. Последующие попытки разработки методик по восприятию лиц принесли свои плоды, так в 1970-х годах в Калифорнийском университете П. Экманом был разработан метод, получивший сокращенное название FAST. Тест представляет собой атлас фотоэталонов лицевой экспрессии, каждой из шести эмоций: гнева, страха, печали, отвращения, удивления, радости. Фотоэталон для каждой эмоции представлен тремя фотографиями для трех уровней лица: для бровей-лба, глаз-век и нижней части лица. Испытуемому необходимо найти сходство представленной эмоции с одним из фотоэталонов, так словно он принимал бы участие в составлении фоторобота преступника.

Следующей методикой для изучения восприятия лица стала методика SARAT, разработанная американским психологом Р. Баком, которая основана на предъявлении слайдов, с различными реакциями человека, рассматривающего разнообразные сцены из окружающей жизни. Испытуемому необходимо определить какую сцену наблюдает человек исходя из его реакции. В следующем тесте, состоящем из 30 фрагментов общения людей различных профессий (учителей и учеников, врачей и пациентов), испытуемый должен определить, какие эмоции испытывают изображенные люди, выбрать их обозначение из пяти возможных.

Следующая методика, тест PONS, представляет собой 220 различных визуальных фрагментов невербальной экспрессии. Испытуемый должен выбрать из двух предложенных определений только одно, относящееся к наблюдаемому поведению человека. Испытуемому необходимо определить уровни проявления различных эмоций, из этого вытекает основной недостаток теста, его высокая неопределенность критериев оценки. Используя возможности данного теста, другой американский психолог Д. Арчер создает тест «Ситуативно-интерактивные задачи». Эта методика предполагает использование в качестве демонстрационного материала видеороликов бытовых ситуаций, где испытуемый должен ответить на вопрос о модальности отношений людей на видеозаписи. Однако проведенные исследования показали, что динамические изображения невербального поведения (видеофильмы) интерпретируются успешнее, чем статические. Учитывая полученные результаты разрабатывается тест IPT, который сходен с тестом Д. Арчера, но усовершенствован в техническом отношении.

Большее количество эмпирических данных удалось получить благодаря использованию методов: автоматизированного распознавания микродинамики выражения лица, системы кодирования лицевых движений, компьютерной анимации выражений лица, трехмерного лазерного сканирование поверхности лица, окулографии, графической оценки лицевой экспрессий, функционального электромагнитного резонанса.

Не смотря на то, что общепринятая теория восприятия лица на сегодняшний день отсутствует, существует ряд концепций,

касающихся отдельных сторон данного явления. В их число входят: нейрокультурная теория эмоций Ekman, теория дифференциальных эмоций Изард; бихевиорально-психологический подход к исследованию выражения лица Fridlund; теория многомерного контекста выражений лица Russell; концепция выражения лица как готовности к действию Frijda, Tcherkassof; теории распознавания лица Bruce, Young, Tanaka, Farah; гипотеза о самосинхронизации движений тела в процессе межличностного взаимодействия Kendon; коммуникативный подход к анализу восприятия Барабанчиков, Жегалло, Куракова, Носуленко, Носуленко, Самойленко; линзовая модель социального восприятия Gifford, Derry, Nahsen; реалистический подход к восприятию личности Funder. Важные идеи и представления, касающиеся природы межличностного восприятия, разработаны в российской социальной психологии Андреева, Бодалев, Бодалев, Васина, Донцов, Лабунская; психологии личности Абульханова, Асмолов, Артемцева и коммуникации Морозов, Петренко, Петрова.

Проведенный обзор материала из области биологии, зоологии, психологии и нейропсихологии, раскрывает богатство теоретических подходов и направлений исследований по вопросу изучения восприятия лиц другого. Демонстрирует разнообразие и единство исследований восприятия лиц другого. Современные исследования говорят о тенденциях ухода от изучения статического прототипического изображения лицевых экспрессий в пользу динамических, естественных лицевых актов, наблюдающихся непосредственно в процессе межличностной коммуникации. Отсюда возникает потребность в пересмотре методологической базы, использующей в экспериментальных исследованиях преимущественно статические данные. Актуальной задачей для исследования восприятия лиц в будущем является установление механизмов восприятия лиц, связи нейронных процессов с социальным контекстом и прогнозирование результатов взаимодействия.

Восприятие лица является основополагающим фактором межличностного взаимодействия, развитым в ходе эволюции животных, и представляет собой перспективную область исследований как для психологии вообще, так и для социальной психологии в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fantz (1963). Pattern of vision in newborns. *Science*, 140, pp. 296–297.
2. Goren, C. C., Sarty, M., and Wu, P. Y. K. (1975). Visual following and pattern recognition of facial stimuli by newborns. *Pediatrics*, 56, pp. 315–322.
3. Carey, S., Diamond, R. and Woods, B. (1980). The development of face recognition: component Mature? *Developmental psychology*, 16, pp. 257–269.
4. Cohen-Kadosh, K. and Johnson, M. H. (2007). Development of the cortex that specializes in face perception. *Trends in cognitive science*, 11, pp. 367–369.
5. Craig D. P. Long-term recognition of threatening people by wild American crows // *Animal behavior*. 2010. vol. 79. pp. 499–507.
6. Goren, Johnson, (1975). Visual following and pattern recognition of facial stimuli by newborns. *Pediatrics*, 56, pp. 544–549.
7. Johnson, M. H. (1990). Maturation of the cerebral cortex and development of visual attention in early infancy. *Journal of cognitive neurology*, 2, pp. 81–95.
8. Simion, F., Macchi Cassia, V., Turati, C., and Valenza, E. (2003). Development of facial processing in infancy and early childhood: modern perspectives. New York: Nova Science Publishing. – 96 p.
9. DePaulo, B. M., Blank, A. L., and Swaim, G. W. (1992). Expressiveness and expressive control. *Bulletin of personality and social psychology*, 18, pp. 276–285.
10. Ekman, P., Friesen, W. V., O'Sullivan, M., et al. (1987). Universals and cultural differences in judgments about facial expressions of emotions. *Journal of personality and social psychology*, 53, pp. 412–417.
11. Marsh, A. A., Adams, R. B., Jr., and Kleck, R. E. (2005). Why do fear and anger look like this? Form and social function in facial expressions. *Bulletin of personality and social psychology*, 31, pp. 73–86.
12. Zebrowitz, L. A. (1997). *Face reading: a window into the soul?* Boulder, Colorado: Westview press. – 253 p.
13. Горелик, С. Г. Социальные аспекты здоровья населения. Проблемы дискриминации населения старших возрастных групп в сферах медицинского обслуживания и социальной защиты: монография / С. Г. Горелик, Л. В. Колпина. – Белгород: БелГУ, 2014. – № 3. – 14 с.
14. Барабанщиков, В. А. Динамика восприятия выражений лица: монография / В. А. Барабанщиков. – Москва: Когито-Центр, 2016. – 378 с.
15. Барабанщиков, В. А. Лицо человека как средство общения. Междисциплинарный подход / В.А. Барабанщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. – Москва: Когито-Центр, 2012. – 353 с.
16. Nelson, C. A. the Development of facial recognition reflects a process that depends on experience and activity. In O. Pascalis and A. Slater (EDS.) development of facial processing in infancy and early childhood: modern perspectives. New York: Nova Science Publishing (2003). – 174 p.

* * *

VOROJEYKIN SERGEY ANDREEVICH

adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

THEORETICAL APPROACHES AND APPLIED RESEARCH
IN THE FIELD OF PERCEPTION OF THE OTHER'S FACE

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the problem of human perception of Another person's face in biological and social contexts. The main theoretical approaches and applied research, developed methods for studying the perception of faces are considered. The current problems and prospects of studying the processes of perception of faces are identified.

Keywords: perception of faces, overgeneralization, creating an impression, facial expression, attractiveness, social interactions, age, gender, race.

* * *

УДК 117

ДМИТРИЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

кандидат педагогических наук

преподаватель кафедры служебно-боевого применения сил специального назначения факультета сил специального назначения

(Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии, г. Новосибирск)

ДМИТРИЕВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

доцент

профессор кафедры гражданского права

(Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии, г. Новосибирск)

СИСТЕМА КАК СПОСОБ САМООРГАНИЗАЦИИ И ПРИНЦИП СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ

Аннотация. Авторы излагают свой взгляд на организацию связей между различными объектами реального мира и предлагают свою классификацию различных систем.

Ключевые слова: понятие системы, виды систем, место человека в системе.

Впервые теория взаимосвязи физических объектов в процессе их развития и функционирования на основе объективных природных законов была сформулирована австрийским биологом Карлом Людвигом Берталанфи. По мнению К. Л. Берталанфи под системой следует понимать – комплекс взаимодействующих элементов и их совокупность, находящихся в определенных соотношениях друг с другом и внешней средой ее существования [1]. Предметом исследования теории систем являются законы и принципы, определяющие раскрытие целостности объекта как единого целого и типов связей между ее элементами.

Он является первооснователем обобщенной концепции «Общая теория систем», в которой предложил свое видение математического аппарата описания типологических несходных систем. В основе описания функционирования любой системы К. Л. Берталанфи определил четыре основных определяющих фактора:

- структуру системы;
- взаимодействие элементов системы между собой;
- текущее глобальное состояние системой обусловленности;
- среда, в границах которой функционирует система.

Концепция К. Л. Берталанфи содержит в себе:

- понятие, классификацию и типологию систем;
- описывает принципы и закономерности поведения систем;
- раскрывает этапы развития и функционирования систем.

При определении существенных характеристик систем К. Л. Берталанфи подразделял их на физические и живые образования. В основе отличия их друг от друга он положил то, что живые организмы формируются из элементов окружающей среды в соответствии с системными характеристиками организма, тогда как физические системы самостоятельны и не зависят от окружающей среды [2]. Но как мы полагаем, данная точка зрения допустима только на одном уровне совместного существования обеих систем. Если классифицировать системы по другим основаниям, то становится очевидным, что и другие физические системы не могут существовать без поглощения материи и энергии из других систем.

Теория систем, сформулированная К. Л. Берталанфи, нашла поддержку, понимание в широких научных кругах и получила дальнейшее развитие. Она была детализирована другими научными подходами, которые представляют следующее:

- кибернетика. Основоположники Рос Эшби и Роберт Винер (математическая

теория коммуникации и контроля в системах с обратной связью);

- теория изменений Ильи Пригожина (область химии, изучающая изменения в диссипативных нелинейных средах);

- теория катастроф. Основоположник Рене Том (область математики, предметом изучения которого является резкие масштабные изменения по незначительным причинам);

Теория хаоса. Авторы Эдвард Лоренц и Джеймс Йорк (область математики, предметом исследования которой являются нелинейные динамические системы, бифуркации, аттракторы и хаотические движения).

Исходя из состояния современной науки, точки зрения авторов и интересов нашей цивилизации, предлагаются следующие виды систем:

- космологические системы (Вселенная, галактические, солнечная);

- земля как природная система;

- биологическая система планеты Земля;

- человеческая цивилизация как социальная система;

- человек как физическая система.

Вышеперечисленные системы относятся друг к другу как общее к частному.

Главные и основные принципы формирования и существования систем:

1. Каждая система имеет свою структуру взаимосвязанных элементов, которые являются ее частью и могут быть самостоятельной подсистемой в рамках других физических параметров.

2. Подсистемы могут существовать и развиваться только в границах главной системы. Подсистемы обмениваются с главной системой веществом и энергией.

Гибель или существенные изменения в одной подсистеме неизбежно влекут изменения в основной системе.

3. Изменение качественных характеристик подсистем, при наличии критической массы, приводит к изменению свойств основной системы.

4. Гибель главной системы неизбежно влечет гибель ее подсистем.

5. Любая система проходит следующие стадии своего развития:

- рождение системы;

- развитие системы;

- функционирование системы;

- деградация системы;

- ликвидация системы.

6. Система существует и развивается при условии равновесия и сбалансированности ее элементов, при отсутствии этих условий запускается процесс ее деградации.

7. Глобально системы можно подразделить на: мегамир, реальный мир и микромир. В каждой из этих систем существуют особые, присущие только им физические законы развития и функционирования, а также параметры измерения пространства и времени.

8. Подразделение систем на подсистемы, subsystemы и далее возможно на основе других физических и социальных законов.

Для описания методологии, типологии и структуры организации систем, с учетом предметов исследования отдельных отраслей наук, авторами, исследующими данную проблему предлагалось следующее (рис. 1).

Для уяснения содержания каждой системы необходим инструментарий различных наук. Только комплексный подход позволит объективно осмыслить содержа-

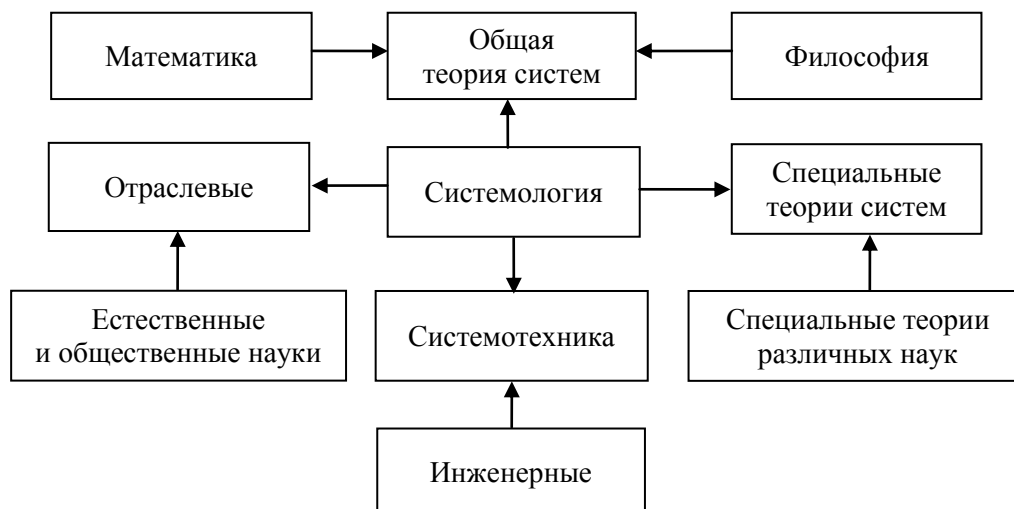

Рисунок 1 – Типология систем

ние и сущность той или иной системы. Такие науки, как философия, космология, социология, политология, психология, медицина, криминология и др. рассматривают виды, содержание и особенности тех или иных систем предметом своего исследования. С развитием науки изменялось представление людей об устройстве мира.

Аристотель (384–322 г. до н. э.) предполагал, что центром космологической системы является Земля, далее от нее находится Луны, затем Венера и после Солнце, а за Солнцем находится Марс. Через 1865 лет изменилось представление об устройстве видимого мира. Николай Коперник предложил другую версию устройства нашей солнечной системы.

Современная космология определяет следующую структуру нашей Вселенной. Земля, как природная система, является уникальной на том основании, что человечеству не известны планеты с такими параметрами и качественными характеристиками, она для нас является единственным общим домом. Совокупность физических свойств 92 химических элементов, которые формируют Землю, позволили создать приемлемые условия для существования жизни. Но такие же химические элементы имеются и на Марсе, только совокупность астрофизических показателей и место Земли в солнечной системе сформировали условия для развития жизни. Функционирование Земли как природной системы обусловлено следующими факторами:

- астрономическими параметрами движения в солнечной системе;
- воздействием на планету излучения Солнца;
- взаимодействием мирового океана с атмосферой;
- состоянием магнитосферы;
- тектоническими и геологическими процессами земной коры.

Биологическая система планеты Земля представляет собой взаимопроникающее и взаимозависящее взаимодействие флоры и фауны. В основе существования биологической системы находится процесс фотосинтеза и построение пищевой цепочки. Вопрос, когда и как возникла жизнь на Земле, является неизвестным и дискуссионным между различными философскими учениями и учеными естественных наук. Последователи монизма придерживаются идеи божественной теории возникновения жизни. Последователи теории физикализма склоны утверждать,

что жизнь на Земле возникла естественным путем в процессе эволюции. Основателем теории «Происхождения видов» является Чарльз Роберт Дарвин.

Человеческая цивилизация как социальная система является предметом социологической науки. Под социальной системой следует понимать совокупность элементов (индивидов, групп, организаций и институтов) соединенных между собой устойчивыми связями, имеющую свою структуру и существующую в конкретных исторических и политических условиях. Общество имеет множество подсистем таких, как государство, самостоятельные сферы жизни общества, в том числе: политическую, правовую, экономическую, культурологическую, образовательную, правоохранительную и др. системы.

По мнению В. И. Вернадского человек являясь составной частью природы, преобразует ее своей деятельностью и порождает в новое качество – ноосферу [3]. Но это противоречит основным положениям теории систем. Человеческая цивилизация как социальная система является только частью более главной системы – биологической системы планеты Земля и относится как частное к общему. Безусловно, часть системы оказывает влияние на свойства самой системы, но не может заменить ее собой.

Социальная система самостоятельна и устойчива при отсутствии признаков антагонизма внутри ее элементов. Она способна воспроизводить сама себя, но до определенной границы, которая формулируется основными законами философии: закон отрицания и закон перехода количества в качество. Наиболее признанным ученым в сфере организации экономических систем современного общества является К. Маркс.

Отношения внутри социальной системы общества генерируются противоречиями между потребностями членов общества и характером присвоения собственности, а также способом распределения совокупного общественного продукта. Поэтому системное понимание построения связей внутри социальной системы связано с решением проблемы первичности интересов личности и общества. Данный вопрос разрешается довольно просто, индивид не может существовать в отрыве от общества, общество может существовать без любого индивида. Но активная деятельность и корпоративные интересы отдельных индивидов объективно ведут к конфликту интересов между ними и

самим обществом. Сама система способна воспроизводить индивидов с заданными ею характеристиками, которые действуют в соответствии правил, установленных системой. Основной постулат «горбачевской перестройки 1985–1990 гг.», который состоял в том, что счастливые люди составят счастливое общество, привел к разрушению самого общества. Это произошло потому, что условия существования счастливых людей должно обеспечить само общество, как главная система, так как счастливое состояние одного индивида не обогатит своим счастьем все общество.

Для понимания перспектив и устойчивости развития геополитической и социальных систем необходимо иметь прогноз вектора развития этого направления. С точки зрения принципов развития систем мы можем предположить следующие варианты угроз в развитии современной человеческой цивилизации:

1. Промышленный прогресс как основа дезорганизации природных систем планеты.

Производственный процесс и его отходы агрессивным образом влияют на состояние биологической системы нашей планеты. В основе современной экономической системы лежит деятельность предпринимателей для создания добавочной стоимости (прибыли) за счет использования ресурсов природы и используемых работников. Основным принципом этого способа является индивидуальное присвоение результатов производственной деятельности без учета интересов других участников и окружающей природы. Такой длительный эксплуататорский подход к использованию ресурсов планеты неизбежно приведет к конфликту экологической системы и потребностям производства. Киотский протокол – международное соглашение по противодействию изменению климата, принятое в Киото (1997 г.), является первой попыткой международной координации в решении общих экологических проблем. Современное развитие технологий позволяет превратить нашу планету во всеобщую свалку отходов, но не позволяет в случае необходимости переселившись на другую планету продолжить этот же процесс на другой территории.

2. Игнорирование основных законов природы развития вида и падение нравственности. В основе развития вида лежит приспособление к окружающей природе и поведение полов. Если представители вида не озабочены производством своего поко-

ления, это неизбежно приведет к его гибели. Гомосексуализм как норма поведения является тупиковым путем построения социального общества.

3. Социальный эгоизм. Реализация программы «Золотого миллиарда», которая предусматривает создание благоприятных условий существования для лиц обладающих политической или финансовой властью и определение роли для других людей в качестве обслуживания их интересов. При этом лишние люди должны быть лишены права к существованию.

4. Неприемлемые методы борьбы за политические интересы. Уровень политического и дипломатического общения и поведения высших должностных лиц отдельных государств на международной арене не соответствует международному праву и интеллектуальным требованиям для реализации функций занимаемой должности и международным отношениям.

5. Военно-политические угрозы. Допустимость в военных доктринах отдельных стран применения оружия массового поражения для достижения своих целей и отсутствие понимания и ответственности в планах применения вооруженных сил в масштабах всей планеты.

6. Демографические вызовы. Сегодня на Земле проживает около 7 млрд. человек, имеется тенденция к увеличению численности человечества, по прогнозам к 2120 г. на Земле будет проживать 11,6 млрд. человек, при условии регулирования рождаемости. Если не учитывать фактор регуляции рождаемости, то к 2120 г. на планете будет проживать около 14 млрд. человек. Для обеспечения их существования должны быть созданы необходимые условия. Сельскохозяйственное производство и запасы пресной воды должны удовлетворять их потребности. Современные международные отношения и распределение производственных и природных ресурсов не позволят выжить на планете такому количеству населения. Что приведет к глобальному конфликту, в том числе военному.

7. Отсутствие управляемой и действующей в интересах всей цивилизации научной деятельности. Попытки проведения экспериментов с геномодифицируемыми продуктами, микроорганизмами, геномом человека могут привести к необратимым результатам и создать угрозу естественному развитию человеческого организма. Продолжаются несанкционированные эксперименты с геномом человека, проявля-

ются признаки искусственного производства патогенных вирусов и их апробирование на группах лиц.

8. Игнорируемые природные катаклизмы. Современное технологическое развитие нашей цивилизации не способно влиять на глобальные процессы нашей планеты. Осознание глобальных угроз: падение астероидов, извержение вулканов, периодичность глобального оледенения, не имеют теоретического и практического варианта их противодействию.

9. Генетический тупик. Генетическая наука, в течение определенного периода времени, фиксировала не пропорциональное изменение X и Y хромосом в геноме человека. Причины этого не установлены, но если эти тенденции имеют устойчивое и поступательное развитие, то это будет иметь крайне негативные последствия. Но наибольшую опасность представляют эксперименты, связанные с генетическими изменениями из-за искусственного вмешательства в геном человека.

Существующие материальные археологические доказательства позволяют выдвинуть гипотезу пребывания на ранней стадии развития человеческой цивилизации более высокого разума с неизвестными ныне технологиями. Одни предполагают, что это следы внеземных цивилизаций более высокого уровня развития, другие обосновывают это тем, что в доисторическое время на нашей планете уже существовала развитая человеческая цивилизация и неизвестно при каких обстоятельствах исчезнувшая. Принимая во

внимание немислимые расстояния между звездными системами сложно принять во внимание версию посещения Земли существами с других звездных систем. Более вероятно, что уже неоднократно на нашей планете человеческая цивилизация достигала определенных вершин, а затем по неизвестным нам причинам низвергалась до уровня каменного века, утратив при этом не только технологии, но и письменность. Общественное признание этих обстоятельств позволит осознать ту грань опасности к которой мы движемся и сообразно совместно строить наше общее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. Берталанфи фон // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 23–82.

2. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. Берталанфи фон // Системные исследования: ежегодник. – Москва: Наука, 1969. – С. 30–54.

3. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – №. 18. – Вып. 2. – С. 113–120 (переиздано в Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин. – Москва: Наука, 1991).

DMITRIEV IVAN NIKOLAEVICH

Candidate of Pedagogical Sciences

Teacher of the Department of Service and combat use of Special Forces of the Faculty of Special Forces

(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops, Novosibirsk)

DMITRIEV NIKOLAY MIKHAILOVICH

Associate Professor

Professor of the Department of Civil Law

(Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops, Novosibirsk)

THE SYSTEM AS A METHOD OF SELE-ORGANIZATION AND THE PRINCIPLE OF THE EXISTENCE OF MATTER

Abstract. The authors present their views on the organization of connections between various objects of the real world and offer their own systematization of various systems.

Keywords: the concept of a system, types of systems, a person's place in the system.

УДК 371

ЗАСКАЛЬКИН ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧадъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)**МИРОМАНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**доцент кафедры вычислительных машин, комплексов, систем и сетей
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)**ТРИНОГИН ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ИТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОСГВАРДИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации и проведения пилотного эксперимента для оценки степени эффективности процесса формирования актуальных ИТ-компетенций у выпускников – специалистов информатизации факультета (связи) Пермского военного института Росгвардии.

В работе изложены организационные и теоретические аспекты содержания и структуры экспериментальной исследовательской работы по оценке уровня сформированности ИТ-компетентности выпускников ВООВО Росгвардии, а также степени актуальности полученных ими в процессе обучения ИТ-компетенций.

Ключевые слова: информационная компетентность, актуальные компетенции, структура информационной компетентности, характеристики уровней ИТ-компетентности, процесс обучения, информатизация образования, выпускник ВООВО, профессиональная деятельность офицера.

На современном этапе развития российского общества, характеризующимся активными инновационными и интеграционными процессами, система современного военного образования находится в состоянии постоянного реформирования и модернизации.

Наблюдаемый в последнее десятилетие стремительный рост роли информационно-телекоммуникационных технологий, увеличение объема и количества взаимосвязей в информационной сфере, быстрое внедрение информационных систем и сервисов, их широкое применение в служебно-боевой деятельности войск приводит к быстрой утрате актуальности содержания учебных программ, частичному несоответствию их содержания современным требованиям к информационной компетентности офицеров-выпускников ВООВО Росгвардии в сфере профессиональной деятельности [1].

Однако, как показывает практика, возможности системы военного образования в

текущем состоянии, не в полной мере способны обеспечить успешную реализацию задачи оперативного повышения уровня информационной компетентности выпускников военных институтов и приведение ее в соответствие с запросами служебно-боевой деятельности войск.

В этих условиях сам процесс совершенствования системы военного образования определяет необходимость повышения эффективности процесса формирования информационной компетентности в области применения информационных технологий в профессиональной деятельности (далее – ИТ-компетентности) у курсантов выпускных курсов военных ВООВО Росгвардии. Такая ситуация обуславливает необходимость поиска различных организационных, методических и технологических решений, предназначенных обеспечить повышение уровня ИТ-компетентности, наиболее перспективными из которых могут быть создание инновационных электронно-образова-

тельных ресурсов военных институтов (далее – ЭОР), а также внедрение специальной методической системы (на базе специального курса), способной организовать оперативный сбор, обобщение, актуализацию ИТ-компетенций, необходимых выпускникам ВООВО Росгвардии.

Анализ различных подходов к исследованию феномена ИТ-компетентности показывает, что она является сложной системой, в основе которой заложены знания, умения, навыки, опыт их успешного применения в их профессиональной деятельности как офицеров органов управления войск и является одним из факторов, влияющих на эффективность выполнения ими своих задач по предназначению [2].

ИТ-компетентность в данном случае является качеством офицера-выпускника, сочетающим в себе общие (надпредметные) умения и навыки работы с информацией, конкретные предметно-ориентированные умения, а также специфические умения учиться и работать в электронной информационной среде в ходе обучения и профессиональной деятельности.

В данном случае, ИТ-компетентность должна рассматриваться как результат овладения специалистом соответствующими ИТ-компетенциями, которые включают и его личностное отношение к ней как к предмету деятельности, при этом компетентность являет собой перечень социальных требований к деятельности офицера в профессиональной сфере и по своему содержанию близка к понятию «профессионализм», а компетенции как понятие отражают функциональные возможности специалиста охватывающие способности, готовности, знания, поведение, необходимые для профессиональной деятельности (происходит от латинского слова «competentia» – приспособленность к делу, круг задач, поручаемых определенному лицу).

Структурно ИТ-компетентность офицера-выпускника ВООВО Росгвардии нужно рассматривать как некую систему компетенций, каждая из которых имеет свое влияние на эту систему в целом:

1) общекультурные компетенции (ОК) – это базовые компетентности офицера как личности, обеспечивающие его самоопределение и деятельность в социальной и культурной сферах общества, а также наличие и готовность к применению своих профессиональных знаний и умений, и навыков в профессиональной деятельности, практиче-

ская и теоретическая подготовленность его к службе в войсках, умение проявлять разумную инициативу и уровень общей профессиональной культуры;

2) профессиональные и профессионально-специализированные компетенции (ПК, ПСК) – характеризуют навыки, необходимые для выполнения конкретных работ, применяются в отношении определенных групп должностей разных подразделений, то есть модели поведения, характерные для военнослужащего (сотрудника), занимающего конкретную должность офицера органа управления Росгвардии. Применительно к служебно-боевой деятельности войск они включают в себя профессиональные и профессионально-специализированные компетенции, соответствующие навыки, приемы и методы, непосредственно связанные с областью профессиональной деятельности офицера управления Росгвардии, такие, как: применение систем коммуникации и средств автоматизированной обработки информации, иных автоматизированных систем специального назначения, обеспечение информационной безопасности в органах военного управления;

3) военно-профессиональные компетенции (ВПК) – характеризуются как набор военно-профессиональных знаний, взаимосвязанных с системой профессионально важных навыков и умений; а также готовность и способность офицера решать разнообразные задачи, возникающие в воинской деятельности. ВПК включают в себя: способность к организации и планированию управленческой деятельности и мероприятий по видам обеспечения информатизации в процессе служебно-боевой деятельности войск, внедрение и использование информационных технологий и сервисов информационно-телекоммуникационной сети Росгвардии в процесс военного управления, организацию мероприятий по технической защите информации в воинской должности в соответствии со своим предназначением;

4) специальные компетенции (СК) отражают специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности военного специалиста, они непосредственно отражают профессиональный профиль офицера-выпускника, идентифицирующий его деятельность по предназначению на соответствующем квалификационном уровне. Их необходимо рассматривать как реализацию ключевых и базовых компетентностей в конкретной

области обеспечения процесса информатизации управления войсками в профессиональной деятельности офицера подразделения информационных технологий органов управления Росгвардии.

Таким образом, в ходе анализа структуры ИТ-компетентности и определении уровня развития каждой компетенции и степени их влияния на общую характеристику ИТ-компетентности, можно определить уровень ее сформированности в целом.

Диагностика ИТ-компетентности выпускников ВООВО направлена на определение уровня профессиональной пригодности выпускников военных институтов к успешному выполнению служебно-боевых задач в войсках путем выявления уровня сформированности и актуальности их ИТ-компетенций, а также поиска путей устранения проблем, связанных с непосредственным выполнением ими своих будущих профессиональных обязанностей по предназначению [3].

Так как любая оценка состояния характеристик должна основываться на объективных критериях и показателях, в контексте нашего исследования, а также на основании требований, заложенных в ФГОС, показателями наличия у обучаемых сформированных ИТ-компетенций, будут являться знания, умения и владение ими навыками, необходимыми для успешного выполнения должностных обязанностей в соответствии с современными условиями службы офицера подразделений информатизации, а критериями – полнота знаний, степень сформированности умений, уверенность владения навыками, инициативность и креативность, а также актуальность данных компетенций [4].

В целях определения эффективности процесса формирования ИТ-компетенций выпускников военных институтов, нами установлены уровни их сформированности: высокий, средний, базовый.

Так, уровни характеризуются:

1) базовый уровень: умением офицера решать задачи служебно-боевой деятельности с конкретно определенными (штатными) условиями;

2) средний уровень: умением офицера решать задачи служебно-боевой деятельности в измененной ситуации;

3) высокий уровень: умением решать профессиональные задачи, действуя в нестандартной ситуации, что предполагает

не только учет развивающихся и усложняющихся условий решения задачи, вариативность средств решения, но и использование новых методов и способов для их решения.

Оценка наличия ИТ-компетенций офицера-выпускника военного института в подразделениях информатизации Росгвардии должна проводиться в ходе организации, планирования и проведения педагогического эксперимента с помощью выполнения диагностических мероприятий, направленных на определение уровня их сформированности.

При этом научно обоснованный логически выстроенный педагогический эксперимент выступает в исследовании как метод комплексного характера, предполагающий использование целого ряда исследовательских методов (анкетирование, методы самооценки и экспертной оценки, тестирование, моделирование и пр.), необходимых в процессе поиска новых педагогических подходов, а также подтверждения выдвинутых в ходе исследования научных гипотез.

В ходе планирования педагогического эксперимента необходимо четко сформулировать цели и задачи, определить педагогические условия проведения и время, учесть первичный уровень проблемы, структуру ИТ-компетентности как объекта исследования [5].

Эффективность проведения эксперимента зависит от четко его сформулированных цели и задачи, определения критериев и показателей явлений, процессов и средств воздействия на них, а также оценки степени и результатов изменений.

Приоритетную роль в проведении эксперимента играет научная гипотеза исследования, в контексте которой определено, что повышение уровня ИТ-компетентности офицеров-выпускников может быть обеспечено посредством построения специально разработанной инновационной модели ЭОР ВООВО, а также обеспечении условий ее эффективного функционирования, из которых ключевым будет являться внедрение специальной методической системы по актуализации ИТ-компетенций курса обучения курсантов выпускных курсов ВООВО Росгвардии.

Задачами педагогического эксперимента будут являться:

- определение эффективности действующей и перспективной моделей ЭОР ВООВО Росгвардии, а также методики оценки

формируемых ИТ-компетенций (знаний, умений, навыков);

- разработка методики оперативной актуализации ИТ-компетенций курсантов старших курсов ВООВО в формате специальной методической системы на базе специального курса подготовки;

- экспериментальная проверка эффективности комплексного применения разработанной инновационной модели ЭОР в сочетании со специальной методической системой по актуализации ИТ-компетенций.

По цели проведения исследования мы различаем:

- пилотный эксперимент, назначение которого состоит в уточнении исходных положений, проверке эффективности инструментария для оценки уровня сформированности ИТ-компетенций выпускников военного института для последующей работы в контексте дальнейшего полномасштабного исследования;

- констатирующий эксперимент, в ходе которого оценивается достигнутый на данный момент уровень сформированности ИТ-компетенций выпускников и курсантов старших курсов, а также степень их актуальности;

- формирующий эксперимент, в ходе которого реализуются запланированные изменения в процессе формирования ИТ-компетенций выпускников ВООВО, а также изучается эффективность внедрения инновационной модели ЭОР ВООВО и специальной методической системы как средств повышения ИТ-компетентности курсантов старших курсов.

Все приведенные форматы экспериментов будут использованы при проведении педагогического исследования в соответствии с этапами их организации и применения.

Таким образом, с учетом необходимости оперативного обновления содержания учебных программ в соответствии с интенсивно изменяющимся информационным полем деятельности курсантов в условиях военной службы, наличием фонда идей и сложностями в оперативной актуализации вариативной части учебных планов, а также отсутствием научно обоснованной методической системы (а также разработанного в ее контексте специального курса), обеспечивающей повышение уровня ИТ-компетентности курсантов. На сегодняшний день проблема диагностики сформированности ИТ-компетенций у выпускников ВООВО Росгвардии стоит наиболее остро.

В то же время исследование ИТ-компетентности будущего офицера открывает перспективы для дальнейших работ в области военной педагогики как специальной отрасли педагогических знаний по проблеме совершенствования служебно-боевой деятельности офицеров, научного обоснования инноваций и экспериментальной апробации моделей реформирования войск, а также экспертизы программ развития профессиональной зрелости личного состава всех категорий и выработки методологических основ политики в области теории и практики военного строительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заскалкин, Е. Б. Актуализация развития информационно-образовательной среды в процессе формирования готовности курсантов военных вузов к профессиональной деятельности / Е. Б. Заскалкин, Р. В. Стрельцов, В. В. Михалев // Гуманитарные науки и образование. – 2019. – Т. 10. – № 4 (40). – С. 42–47.

2. Структурно-функциональная модель формирования информационно-технологической компетентности курсантов военных вузов / Е. Б. Заскалкин, Р. В. Стрельцов, В. С. Иванов, Е. И. Мельников // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 5. – С. 37.

3. Грачев, Ю. А. Проблемы формирования профессиональных компетенций в образовательных организациях МВД России / Ю. А. Грачев, М. П. Стародубцев // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2015. – № 3 (121). – С. 22–27.

4. Об учреждении нагрудного знака войск национальной гвардии Российской Федерации «Классная квалификация», утверждении Положения о нагрудном знаке войск национальной гвардии Российской Федерации «Классная квалификация» и его описания, Квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения обязанностей по воинским должностям в войсках национальной гвардии Российской Федерации и Порядка проведения испытаний военнослужащих для присвоения (подтверждения) классной квалификации в войсках национальной гвардии Российской Федерации: Приказ Росгвардии от 25 сентября 2017 г. № 404. – URL: <https://base.garant.ru/71790420/> (дата обращения: 01.01.2021).

5. Стародубцев, М. П. Педагогические

условия формирования военно-профессиональных компетенций курсантов военных образовательных организаций высшего образования на занятиях по средствам свя-

зи и автоматизации / М. П. Стародубцев, И. И. Бабич // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2016. – № 10 (140). – С. 172–175.

* * *

ZASKALKIN EVGENY BORISOVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

MIROMANOV DMITRY VLADIMIROVICH

Associate Professor of the Department of Computing Machines, Complexes, Systems and Networks
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

TRINOGIN VITALY VLADIMIROVICH

Adjunct of Adjunct Studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

ORGANIZATION OF A PEDAGOGICAL EXPERIMENT IN ESTIMATING THE EFFICIENCY OF THE FORMATION PROCESS IT COMPETENCE OF GRADUATES OF VOOVO ROSGVARDIA

Abstract. The article is devoted to the issues of organizing and conducting a pilot experiment to assess the degree of effectiveness of the process of forming relevant IT competencies among graduates – specialists of informatization of the faculty (communications) of the Perm Military Institute Rosgvardia. The paper outlines the organizational and theoretical aspects of the content and structure of experimental research work to assess the level of formation of IT competence of graduates of VOOVO Rosgvardia, as well as the degree of relevance of the IT competencies acquired by them in the process of training.

Keywords: information competence, current competencies, structure of information competence, characteristics of the levels of IT competence, learning process, informatization of education, graduate of VOOVO, professional activity of an officer.

* * *

УДК 343.140.02

МУФАЗДАЛОВ САЛАВАТ ИБРАГИМОВИЧ

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ПРОНИН КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УБЕДИТЕЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье исследуются критерии определения убедительности заключения эксперта в процессе доказывания по уголовным делам. Авторы приходят к выводу о том, что требование об отсутствии и даже недопустимости доказательств, в частности заключения эксперта, заранее установленной силы, в том виде, в котором оно изло-

жено в ч. 2 ст. 17 УПК РФ, противоречит объективной природе формирования внутреннего убеждения.

Ключевые слова: заключение эксперта, убедительность, критерии, доказывание, доказательство, судебная экспертиза, коэффициент убедительности.

Влияние того или иного доказательства на формирование внутреннего убеждения определяется его «убедительностью» для субъекта доказывания – индивидуальной (субъективной) психологической характеристикой, определяющей степень доверия к тому или иному доказательству и его значимость для субъекта доказывания. Убедительность одного и того же доказательства может иметь существенно разное значение для двух разных субъектов доказывания. Следовательно, убедительность доказательства является не характеристикой самого доказательства, а субъективной характеристикой личности лица, оценивающего доказательство. Степень убедительности того или иного доказательства для конкретного лица складывается под влиянием практики, т. е. его профессионального и житейского опыта. Приступая к оценке доказательств, субъект доказывания уже имеет определенную матрицу «коэффициентов доверия» и «коэффициентов значимости», и каждое доказательство вносит свой вклад в формирование его внутреннего убеждения с учетом значения этих коэффициентов.

По мнению Д. С. Чукина, именно внутреннее убеждение субъекта является ключевым при анализе действий, решений, или предмета, в отношении которого не существует императивных, строго определенных критериев оценки [1, с. 12].

Таким образом, требование об отсутствии, более того, недопустимости у доказательств заранее установленной силы, в том виде, в котором оно изложено в ч. 2 ст. 17 УПК РФ, противоречит объективной природе формирования внутреннего убеждения. На наш взгляд, данное правило должно содержать запрет только на нормативное закрепление «веса» того или иного вида доказательств, т.е. на установление системы формальных доказательств, когда субъект оценки доказательств превращается в обычный арифмометр для сложения и сравнения целых и дробных чисел.

И здесь нельзя не вспомнить о так называемых «фактических презумпциях»,

под которыми понимаются «обычно наблюдаемые опытные обобщения, так бывает, как правило, в схожих, типичных ситуациях» [2, с. 30]. В качестве яркого примера такой «внеправовой» убедительности можно привести отношение следователей, государственных обвинителей и судей к заключению эксперта. Как отмечает В. В. Конин, заключение эксперта зачастую расценивается ими как наиболее убедительное, бесспорное доказательство в силу того, что исходит от лица, обладающего специальными знаниями в конкретной научной отрасли, в технике, каком-либо ремесле или искусстве, которыми, как правило, не располагает сторона обвинения, а также суд [3, с. 16].

В теории уголовного процесса сформировалось достаточно негативное отношение к рассматриваемому правовому феномену. Как подчеркивает Г. А. Печников, «презумпция всегда стремится предварить, предвосхитить выводы исследования» [2, с. 30]. Однако употребление термина «презумпция» в данном случае вряд ли уместно. Презумпция представляет собой незыблемое правило, которым надлежит руководствоваться неукоснительно. Фактическая же презумпция, представляющая собой, по сути, начальную матрицу с коэффициентами доверия и значимости, под влиянием практики, конкретных обстоятельств, может претерпевать значительные изменения. Причем не только посредством изменения значений тех или иных коэффициентов. В ходе расследования уголовного дела будет изменяться ее размерность.

Коэффициент доверия к заключению эксперта становится вложенной матрицей, состоящей из таких элементов, как «коэффициент доверия к заключению эксперта А», «коэффициент доверия к заключению эксперта В», «коэффициент доверия к заключению комиссионной судебной экспертизе», «коэффициент доверия к заключению комплексной судебной экспертизе N-го экспертного учреждения» и т. д.

Говоря о доверии к заключению эксперта, нельзя не упомянуть о понятии «ком-

петенция» эксперта. «Объективная компетенция эксперта» определяется как, необходимый для осуществления экспертной деятельности по определенному кругу вопросов, объем, комплекс знаний, навыков и умений в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода, вида [3]. Понятие «субъективной компетенции эксперта» включает индивидуальный уровень, степень владения вышеуказанным комплексом знаний конкретным экспертом, которая определяется не только наличием у рассматриваемого лица штатной должности, диплома об экспертном образовании, либо свидетельства на право производства конкретного вида судебной экспертизы, а еще и организацией повышения квалификации кадров судебных экспертов в экспертном учреждении, высокой организацией труда, оснащением экспертного учреждения новейшими инструментальными средствами и, конечно, личным опытом эксперта. Исходя из этого, за рубежом достаточно давно отработана практика списочного отбора специалистов, которые могут быть привлечены в качестве судебных экспертов [3, с. 61].

Следует констатировать, что в большинстве случаев фактические презумпции носят рациональный характер, основываются на объективно существующих закономерностях. Однозначно негативное воздействие они оказывают только в том случае, если вместо матрицы переменных коэффициентов убедительности субъект доказывания начинает использовать матрицу с константными значениями, величина которых ни как не увязывается с конкретными обстоятельствами расследуемого уголовного дела, с правоприменительной практикой. Ни в коем случае нельзя абсолютизировать значимость фактических презумпций – по своей правовой природе они всегда носят лишь вероятностный характер. «Это предположение, основанное на вероятности», – подчеркивает Г. А. Печников [3, с. 30]. Слепое следование пусть и очень убедительному предположению, без его всесторонней и объективной проверки недопустимо. Иной подход означал бы «смещение математического и гносеологического понятия вероятности» [4, с. 87], игнорирование возможности существования уникального стечения обстоятельств. Как отмечает А. М. Ларин: «В математике и обслуживаемых ею отраслях знания вероятность – количественная сторона (мера) возможности события в

массовых явлениях. В гносеологии же вероятность – неполное проблематичное знание, объектом которого могут быть и массовые, и единичные события. Имея дело с большими совокупностями, теория вероятностей не принимает в расчет индивидуальные особенности каждого из них. В уголовном деле же решающее значение приобретают конкретные индивидуальные особенности отдельного факта, отдельного обстоятельства» [4, с. 87].

Наиболее ярким примером игнорирования вероятностной природы фактических презумпций является многовековая практика применения в доказывании простого житейского правила: невиновный, как правило, не станет изобличать самого себя. В результате возведения данного правила в абсолют фактическая презумпция, зачастую, подменялась презумпцией правовой. Признание обвиняемого нормативно закреплялось в качестве «царицы доказательств» [5, с. 44], приобретало характер необходимого и достаточного условия признания подсудимого виновным, что, в свою очередь, порождало многочисленные злоупотребления в ходе расследования. Тот факт, что российский законодатель счел необходимым включить в УПК РФ специальную норму (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), направленную на снижение «доказательственной силы» [6, с. 15] рассматриваемой фактической презумпции, свидетельствует о сохранении у правоприменителей неоправданно завышенного коэффициента убедительности в отношении признательных показаний обвиняемого (подозреваемого).

В ч. 1 ст. 88 УПК РФ названы четыре основных параметра, по которым осуществляется оценка доказательств: относимость, допустимость, достоверность и достаточность для принятия соответствующего процессуального решения. Но, несмотря на то, что данные параметры находят свое воплощение по каждому головному делу, уголовно-процессуальный закон не раскрывает содержания этих понятий. Нормативное определение и закрепление указанных категорий позволило бы следователю и суду более четко представлять себе критерии и подходить к вопросу собирания, проверки и оценки доказательств [7, с. 55].

Можно согласиться с утверждением ряда авторов о том, что убедительность доказательства напрямую связана с наличием возможности его проверки как «ручной»,

так и «компьютерной» (Н. В. Белякин, Е. М. Черепанов). Проверимость доказательства сводится к проверке правильности его формализации, т. е. его состоятельностью как доказательства. Поэтому критерий формализуемости отнесен к основным критериям убедительности доказательства. Правильность формализуемости доказательства, в свою очередь, зависит от его понимаемости, обзримости и простоты [8, с. 33].

Для заключения эксперта, как для «особого» вида доказательства, вышеуказанные критерии носят приоритетный характер, обусловленный той исключительной ролью, которую играет заключение эксперта в общей совокупности доказательств по любому уголовному делу.

При интервьюировании судей Кировского районного суда г. Саратова, а также при изучении архивных уголовных дел установлено, что при вынесении судебных решений судьи опирались на выводы заключения эксперта, как на единственный источник доказательств по рассматриваемому уголовному делу (например, по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков и др.).

Как известно, ст. 8 ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» гласит, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов, на базе общепринятых научных и практических данных.

Одним из существенных факторов, влияющих на чрезвычайно высокую убедительность заключения эксперта, является его наглядность – как правило, каждое заключение сопровождается приложением в виде фототаблицы, которая позволяет облегчить восприятие текстовой информации.

Известно, что непосредственной образующей содержания любого заключения эксперта, является текстовое повествование, описывающее объекты, подлежащие исследованию, ход проведенного исследования и выявленные признаки, обосновывающие конечный вывод. Однако, в силу определенных обстоятельств, ни один текст не способен сформировать в сознании лица, знакомящегося с заключением эксперта, исчерпывающий образ исследуемого объекта и выявленных признаков, равно как и не может воссоздать до мелочей окружающую обстановку,

воспринимавшуюся на момент осмотра места происшествия. Это объясняется разными способностями мышления человека переводить словесно-логическую информацию в образную. Кроме того, разнятся способности и подходы экспертов в части описания объектов и хода проведенного исследования.

Исходя из вышесказанного, фотографическое сопровождение проведенного экспертного исследования приобретает особо важное значение, так как позволяет не только дополнить образ, формируемый после восприятия текстовой информации, но и подтвердить достоверность описываемых фактов.

Отдельного внимания заслуживает также вопрос о предъявлении в качестве доказательств фотоизображений, изготовленных при помощи компьютерной техники. Если раньше сомнения в достоверности снимка, представленного в качестве доказательства, устранялись путем предъявления пленочного негатива по каждому конкретному фотоизображению, то на сегодняшний день, в связи с уходом от «мокрого процесса» получения фотоизображения и заменой его на цифровую фотографию, этот вопрос остается открытым. Исходя из этого, оценку проведенному экспертом заключению, а именно подтвердить факт достоверности представленного фотоизображения, может провести только сведущее лицо, обладающее специальными знаниями в области цифровой фотографии, фотомонтажа и владеющее на профессиональном уровне графическими редакторами обработки изображений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чукин, Д. С. О пределах внутреннего убеждения командира при принятии решения по итогам разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка. «Право в Вооруженных Силах» / Д. С. Чукин. – 2018. – № 6. – С. 11–18.
2. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе / Г. А. Печников. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел России, 2010. – 311 с.
3. Конин, В. В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве / В. В. Конин // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 4. – С. 16–17.
4. Ларин, А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин. – Москва, 1982. – 87 с.

5. Петрухин, И. Л. Исторические типы уголовно-процессуального права // Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. И. Л. Петрухина. – Москва: Проспект, 2001. – 517 с.

6. Резник, Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г. М. Резник. – Москва, 1977. – 118 с.

7. Пилюгина, Н. Н. Оценка доказательств как элемент процесса доказывания / Н. Н. Пилюгина // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: сборник научных трудов [в 2-х ч.]. – Часть 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел России, 2005. – С. 53–58.

8. Белякин, Н. В. Об основных критериях убедительности доказательства / Н. В. Белякин, Е. М. Черепанов // Философия науки: проблемы логики и методологии науки. – 2010. – № 3(46). – С. 31–44.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 2009. – 21 января.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть 1). – Ст. 4921.

11. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 29.12.2020). – URL: www.base.garant.ru/70292624/ (дата обращения: 15.03.2021).

12. Арсеньев, В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в следственных и судебных актах / В. Д. Арсеньев // Вопросы теории судебной экспертизы: сборник научных трудов. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт судебных экспертиз, 1979. – Вып. 39.

13. Пронин, К. В. Заранее установленная сила фактических презумпций / К. В. Пронин // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: СГАП, 2011. – № 2 (78). – С. 183–184.

14. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – Москва, 2004. – 272 с.

15. Шнайдер, А. А. Теоретические основы судебной экспертизы: курс лекций. – Вып. 1: Правовые и организационные основы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / А. А. Шнайдер. – Саратов: Саратовский юридический институт Министерства внутренних дел России, 2002. – 136 с.

MUFAZDALOV SALAVAT IBRAGIMOVICH

Teacher of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

PRONIN KONSTANTIN VLADIMIROVICH

Candidate of Law, Associate Professor

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

CRITERIA OF DETERMINATION OF PERSUASIVENESS OF THE EXPERT OPINION IN THE COURSE OF PROOF ON CRIMINAL CASES

Abstract. In article criteria of determination of persuasiveness of the expert opinion in the course of proof on criminal cases are investigated. Authors come to a conclusion that the requirement about absence and even inadmissibility at proofs, in particular expert opinions, in advance established force in the form in which it is stated in ch.2 to Art. 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, contradicts the objective nature of formation of internal belief.

Keywords: expert opinion, persuasiveness, criteria, proof, proof, judicial examination, persuasiveness coefficient.

УДК 355.233.237

НОВИКОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. Статья раскрывает сущность морально-психологического состояния военнослужащих в различные исторические периоды, от воинской дружины Древней Руси до военнослужащих современной российской армии. Описывается влияние морального состояния воинов, а также технической оснащенности войск образцами вооружения, соответствующими духу времени. Проведен анализ изменений отечественной военно-педагогической мысли в ходе истории.

Ключевые слова: военнослужащий, личный состав, морально-психологическое состояние, морально-психологическая подготовка, вооруженный конфликт, террористический акт, кибератака, гибридная война.

История военных конфликтов доказывает влияние различных направлений деятельности (информационного, психологического, военно-социального и других направлений), проводимых в войсках, обществе и государстве, на морально-психологическое состояние личного состава. Своевременное реагирование на сложившуюся обстановку и грамотное руководство морально-психологическим обеспечением войск благоприятно сказываются на морально-психологическом состоянии личного состава, принимающем участие в вооруженных конфликтах.

XXI век ставит новые задачи в области морально-психологического обеспечения войск. Внедряются инновационные средства и методы ведения боевых действий, которые в условиях оснащенности современными образцами вооружения и военной техники, позволяют решать задачи малыми мобильными группировками сил. Существует официальная точка зрения, что ведение «классических» боевых действий без применения «гибридных» методов стало невозможным [1].

Современные военные технологии играют решающую роль в исходе современных вооруженных конфликтов, однако немаловажное значение имеет профессиональная подготовка военных специалистов. Многовековая история знает множество примеров, когда высокое морально-психологическое состояние воинов позволяло

преодолеть самые серьезные испытания.

Так, еще у древних славян, морально-психологическому фактору отводилось огромное значение, и он представлял собой один из важнейших элементов подготовки военных дружин. В VI веке византийский писатель Маврикий Стратег так описывал славян: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище» [2].

Особенность таких морально-психологических качеств у воинов Древней Руси таится в самобытности русской духовной культуры и сформированных традициях. Важное место в общинно-родовых отношениях отводилось традиции «посвящения». Производился отбор юношей, которых вверяли наставнику. Наставник требовал беспрекословного к себе подчинения и подвергал учеников различным испытаниям. Испытания имели длительный, а местами и жестокий характер. Юношам запрещалось спать и есть, их колотили дубинками, делали надрезы на теле и обдирали кожу, выщипывали волосы, обжигали огнем и т. д.

В период испытаний наставники преследовали следующие психолого-педагогические цели: формирование навыков взаимодействия и поведения в бою; преодоление страха и боли; перестройка сознания. Тех,

кто выдерживал испытания, допускали к ритуалу посвящения в Воины и давали новое имя, что означало рождение новое человека. Во время ритуала произносилась клятва-присяга богам или князю, проходило братание на крови между молодыми и старыми воинами. Военская дружина представлялась как большая семья со своими обычаями, которые развивались и закреплялись в боевых походах, где каждый был готов помочь соратнику-брату.

В XII веке появляется первый текстовый документ, в котором отражаются требования к нравственным качествам русских воинов. Владимир Мономах, автор «Поучения», обращается к своей дружине: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью, сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас... Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны» [3].

Данный отрывок из «Поучения» позволяет нам понять насколько Владимир Мономах – князь Киевской Руси осознавал важность морально-психологического фактора в военных делах.

В дальнейшем текстually отражение в 1708 году появляется у «Учреждения к бою в настоящем времени», которое стало основой воинского воспитания в преддверии Полтавского сражения. В скором времени, в 1716 году, вводится «Устав Воинский», закрепивший в себе целую систему обучения и воспитания войск, требования к духовным (морально-психологическим) качествам российского воина [4].

В «Уставе Воинском» особое внимание обращалось на отношения офицеров к своим подчиненным, в основе которых стали отеческие начала и офицерская честь. Самым тяжелейшим наказанием офицеров становится лишение чести. «Надлежит знать всем, как с тем поступать, кто чести лишен и шельмован (то есть из числа добрых людей честных извергнут):

1. Ни в какое дело ниже в свидетельстве не принимать.

2. Кто такого ограбит, побьет или ранит или у него отымет, у одного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судится.

3. В кампании не допускать, и единым словом таковой вечно лишен общества добрых людей, а кто сие преступит, сам может наказан быть» [4].

По сегодняшний день остаются актуальными принципы морально-психологической подготовки воинов, которые развивал А. В. Суворов. Данные принципы имели в своей основе зависимость исхода сражения не столько от численности личного состава противоборствующих сторон, сколько от морально-психологического состояния солдат.

Суворовская морально-психологическая подготовка представляла собой погружение солдат в ситуации, схожие с последующими действиями («тяжело в учении, легко в бою»); кроме того, в обязанности командиров стала входить обязательная демонстрация личной примерности подчиненным, а также проявление о них реальной заботы.

Весомый вклад в развитие отечественной военно-педагогической мысли в XIX – начале XX веков внесли Н. Д. Бутовский, М. И. Драгомиров, С. О. Макаров, М. Д. Скобелев и др.

Как считал М. И. Драгомиров, основой морального духа войск является доверительное отношение солдат к своим командирам. («Армия, в которой офицер пользуется доверием солдата, имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным») [6].

Первая Мировая война ясно указала на изменчивость настроений личного состава и на необходимость новых подходов в организации морально-психологической подготовки личного состава, чему поспособствовали следующие факторы:

1. Координально поменялась тактика ведения боевых действий в связи с появлением автоматических видов оружия, стали массово применяться танки, авиация, химическое оружие и т. д.

2. В связи с динамикой боевых действий изменилось их пространственно-временное восприятие.

3. Становится явной зависимость исхода битвы от уровня военно-технической

подготовки военнослужащих. Солдаты (в основном крестьяне), будучи малограмотными, неумело пользовались военной техникой и оружием, вследствие чего получали массу негативных эмоций, допускали кучу ошибок.

Как писал Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников: «Мировая встряска выявила громадное значение техники в военном деле, но одновременно показала, что на сцену истории выдвигается и новый боец...» [2].

4. Расширяется связь фронта с тылом. Оказывая влияние на моральный дух солдат: газеты, радио, телеграф, железные дороги и т. д. показали, что тыл, помимо материальных ресурсов, питает фронт еще и настроениями, идеями, опасениями, слухами [2].

Первая мировая война дает понять, что новизна является главным вызовом морально-психологическому состоянию войск, а манипулирование информацией стало методом влияния на массовое сознание, что в последующем подтверждается опытом всех вооруженных конфликтов XX и начала XXI веков.

После окончания Первой мировой войны существенно возрастает роль идеологического влияния на морально-психологический фактор, чему является ярким примером Великая Отечественная война.

В 1942 году усиливается роль командира в управлении подчиненным личным составом, вводится полное единоначалие, появляются должности заместителей командиров по политической работе. Их основной задачей становится выработать у подчиненных верность своему народу и воинскому долгу, готовность к самопожертвованию, распространение боевого опыта, организация культурного досуга.

С самого начала войны, огромное значение для поддержания морально-психологического состояния на должном уровне имела бесперебойная работа фронтовой почты и творчество работников искусств. Состоялся 1 млн. 350 тыс. художественных выступлений, из них в районах боевых действий – 473 тыс. концертов и спектаклей, при этом в данных концертах участвовало около 42 тыс. творческих работников.

После окончания Второй Мировой войны усиливается внимание в области информационно-психологического противодействия в вооруженных конфликтах. По

мере совершенствования сил и средств информационно-психологического воздействия повышается значение неофициальных средств массовой информации, влияя на мнение общества, тем самым оказывая влияние и на морально-психологическое состояние военнослужащих.

Рассмотрим данный факт на примере публикуемого материала в средствах массовой информации в 1995–1996 годах. В материалах говорилось о «вредоносности» действий федеральных войск на территории Чеченской Республики, что оказывало отрицательное психологическое воздействие на солдат. Военнослужащим федеральных войск приписывали образ захватчиков, в отличии от «благородных воинов Ислама – защитников свободной Ичкерии».

И ко всему прочему средства массовой информации не публиковали материалы о героизме военнослужащих и об издевательствах боевиков над пленными.

Обратно противоположным стало изложение в средствах массовой информации действий войск во Второй чеченской кампании. Начатая в 1999 году контртеррористическая операция освещалась как необходимая для уничтожения террористов и сохранения территориальной целостности государства. Описывалось множество примеров мужества военнослужащих, солдат предстал защитником Отечества.

В настоящее время в обществе уже сформирован образ российской армии. Так, в 2008 году, в ходе вооруженного конфликта по принуждению вооруженных сил Грузии к миру, боевыми действиями предали характер освободительной войны, несущей мир в Северную Осетию и Абхазию. То же можно сказать и о направлении сил для борьбы с мировым терроризмом в Сирийскую Арабскую Республику в 2015 году.

Нам нужно осознать, что противостояние между армиями различных государств стало отлично от привычных нам боевых действий. Все чаще и чаще мы говорим о кибератаках, террористических актах, этносепаратизме, финансово-торговых блокадах, актах гражданского неповиновения, пропаганде в массмедиа и т. д. Попытки квалифицировать все эти процессы приводят к появлению новой терминологии: от «гибридных» и «асимметричных» войн до сетевых операций и боевых действий вне условий войны [1].

Кроме этого, крайне актуальной становится проблема информационного противоборства. Отметим, что соответствующие органы проводят необходимую и плановую работу по предотвращению и нейтрализации отрицательного информационного воздействия на военнослужащих. Ведутся работы по формированию государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации результатов информационно-кибернетических нападений на компьютерные системы [5]. Несмотря на это возможности информационных средств и их интеграция в армейской среде не позволяют полностью ликвидировать негативное влияние. И здесь во главу угла становится деятельность командиров и их заместителей по разъяснению поступающей информации и формированию необходимой информационной среды в подразделении.

Таким образом, проанализировав подходы к формированию и поддержанию морально-психологического состояния личного состава в различные исторические периоды, от воинов дружины Древней Руси до военнослужащих современной российской армии, можно сделать вывод, что вне зависимости от применяемых средств и методов ведения боевых действий, сущность морально-психологического состояния военнослужащих остается неизменной, а именно заключается в воспитании у воинов необходимых морально-психологических качеств; формировании военного образования; развитии системы требова-

ний к командиру как ключевому звену (элементу) в области управления войсками; преобладании роли идеологической составляющей в военно-профессиональной подготовке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клименко, С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) / С. Клименко // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – № 5. – С. 109–112.
2. Маврикий Стратег о славянах и антах (конец VI в.). – URL: <http://urokirus.com/online/books/> (дата обращения: 18.12.2020).
3. Максимов, С. Г. Русские воинские традиции. Посвящения – инициации / С. Г. Максимов. – URL: <http://oldrushistory.ru/library/Russkie-voinskie-traditsii/17> (дата обращения: 18.12.2020).
4. Воинский Устав 1716 года. Артикул воинский (с кратким толкованием). – URL: <http://adjutant.ru/regulations/1716-02.htm> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Шеремет, И. А. Противодействие информационным и кибернетическим угрозам / И. А. Шеремет // Вестник академии военных наук. – 2016. – № 2 (55). – С. 19–24.
6. Каменев, А. И. История подготовки офицерских кадров в России / А. И. Каменев. – Москва: ВПА, 1990. – 186 с.
7. Самосват, Д. Духовное и нравственное воспитание российских воинов / Д. Самосват // Ориентир. – 2012. – № 3. – С. 63–66.

* * *

NOVIKOV IVAN NIKOLAEVICH

Adjunct Adjunct courses of full-time and part-time study
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

HISTORICAL SUMMARY OF THE ESSENCE OF THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF MILITARY SERVICES

Abstract. The article reveals the essence of the moral and psychological state of servicemen in various historical periods, from the military squad of Ancient Rus to the military personnel of the modern Russian Army. The article describes the influence of the morale of the soldiers, as well as the technical equipment of the troops with the models of weapons, corresponding to the spirit of the times, on the outcome of battles. The analysis of changes in the national military pedagogical thought in the course of history is carried out.

Keywords: serviceman, personnel, morale and psychological state, moral and psychological training, armed conflict, terrorist act, cyberattack, hybrid war.

* * *

УДК 378.14

ПЕТРУНИН МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧадъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)**ФЕОФИЛАКТОВ ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ**кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры военной педагогики и психологии
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается воспитание военнослужащих как взаимодействие воспитателя и воспитанника. Затрагиваются исторические моменты развития системы воспитания в России. Отмечается важность формирования чувства патриотизма, воинского долга, ответственности перед государством.

Ключевые слова: воспитание военнослужащих, патриотизм, воинская честь, военно-патриотическое воспитание.

С течением времени отечественная педагогика рассматривает воспитание как многосторонний процесс взаимного духовного обогащения и обновления воспитателя и воспитанника. Формирование системы воспитания военнослужащих в России неразрывно связано с развитием российской государственности. Петр I положил начало военному воспитанию как целостной военно-педагогической системы. Воспитание, в основу которого были положены идея защиты Отечества, соблюдение воинской чести и верности присяге, способствовало увеличению мощи России и носило ярко выраженный военно-патриотический характер [1, с. 5–6].

Патриотизм как основная идея воспитания оказался выше всех прочих ценностей. Исследователи, например, Е. В. Анисимов, А. В. Барабанщиков, С. В. Богданов, А. В. Котов, Э. Н. Коротков, Н. С. Кравчук, В. И. Оськин, А. А. Свечин, И. А. Скопыталов занимались вопросами формирования системы подготовки офицеров как «государевых людей», носителей государственно-патриотической идеи. Считалось по праву, что реформы Петра I конца XVII – начала XVIII веков, привели к созданию регулярной армии и флота России. В это время важное место в системе

подготовки воинов стало отводиться «воспитанию нравственному», основу которого составляло формирование духовных качеств и патриотических чувств.

Патриотизм, как одно из ключевых качеств воина, приобрел огромное значение после вступления в силу Уставов воинского и морского в начале 18 века. Например, накануне Полтавской битвы Петр I устроил строевой смотр войск, где объявил, что того, кто проявит слабость и покинет место в строю, будут считать погибшим, «кто завтра место в строю оставит, того в числе людей считать не будут». Обращение Петра перед битвой содержало напутствие, что сражаются воины, прежде всего, за свою Родину, за свое Отечество, «воины, вот пришел час, который решит судьбу Отечества, и так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должны вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которого ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорого, только бы жила Россия в блаженстве, для благосостояния вашего» [2, с. 38].

Готовность вовремя и одновременно

выполнить приказ, взаимовыручка товарищей по оружию, отвага во время сражения на поле боя способствовали духу преданности Отечеству в воспитании российских солдат и офицеров. Активно формировалось представление о том, что воинская учеба не должна быть «ненавистой и неблагодарной». Она должна шлифовать у каждого воина такие грани ратного искусства, которые бы «сияли в руках Победоносцев изумительным блеском», – писал историк А. М. Назаров, обобщая отношение к воинскому воспитанию и образованию в Петровские времена [3, с. 76].

Примером для своих воинов была служба императора на благо государства своего, которое он демонстрировал регулярно и добросовестно служил упорным трудом, что было огромным стимулом для людей в воспитательном процессе. Таким образом, можно сказать, что при Петре I военное воспитание достигло государственного значения.

Первым военным учебным заведением была школа математических и навигационных наук, открывшаяся в конце XVII века в России, которая осуществляла подготовку специалистов в военных и гражданских делах. Целью подобных военно-учебных заведений было заложить основы военно-патриотической подготовки у обучающихся и воспитать чувство преданности и любви к «государевой службе», ответственности за судьбу Родины, патриотического и воинского долга.

История развития национальной гвардии, начиная от внутренней стражи до современного этапа, ярко демонстрирует плодотворные результаты воспитательной работы с курсантами. Достижение целей способствует включению субъектов воспитания в воспитательный процесс при наличии определенного потенциала, а именно, методического мастерства, способности реализовать на практике воспитательные принципы и создать, и организовать в курсантском подразделении согласованную работу всех воспитателей [4].

Цели, задачи, виды и направления воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, а также принципы и содержание воспитательной работы отражены в Концепции воспитания военнослужащих [5]. Для успешного военно-профессионального воспитания необходимо, чтобы как объект (курсант), так и субъект (куратор) этой деятельности четко

осознавал цели и стоящие задачи воспитательной деятельности.

К задачам военно-профессионального воспитания относили формирование у воинов бодрости, смелости, надежности, храбрости, твердости, решительности и дисциплины. В контексте нравственного воспитания основное внимание уделялось формированию правдивости, благочестия, верноподданнических чувств. В целом содержание военного обучения и воспитания выражалось в том, чтобы дать каждому солдату нравственную, физическую и военно-профессиональную подготовку [6, с. 9].

Задачи по работе с курсантами носят комплексный характер и прописаны в нормативных документах. Среди них можно выделить следующие.

Прежде всего, необходимо учитывать требуемый уровень психологического настроя и морального состояния обучаемых при формировании государственно-патриотического сознания и системы воинских корпоративных ценностей и традиций. Кроме того, повышение мотивации обеспечивает эффективность профессионального роста при добросовестной высокоэффективной службе и боевой деятельности.

Важно помнить, что воинская дисциплина и правопорядок чрезвычайно актуальны в процессе формировании правовой культуры курсантов. В процессе реализации установленных законодательством РФ прав и социальных гарантий необходимо создание условий для удовлетворения информационных, культурных и духовных потребностей [7].

В современных условиях на воинское воспитание будущих офицеров возлагаются задачи особого порядка: быстрое и динамичное воинское становление молодого человека поступившего в военный вуз, формирование правильного понимания требований военной присяги и уставов, готовности беспрекословного выполнения приказов, чувства воинского долга, чести, гордости за службу в ВС РФ, освоение военной профессии и овладение оружием и боевой техникой; стремление к повышению профессионального мастерства, личная ответственность за обучение, стремление к самосовершенствованию, повышение культуры, этики и такта [1, с. 63–82].

Особое место в системе воспитательной работы Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Феде-

рации занимает филиал Центрального музея, пропагандирующий боевые традиции Росгвардии, выполняющий две основные функции: военно-патриотическое воспитание молодежи области и города (военно-профессиональная ориентация) и военно-патриотическая подготовка курсантов военного вуза. Основной и вспомогательный фонды музея насчитывают около 7 000 единиц хранения. В настоящее время музеем является гордостью военного института: именно в музее курсант соприкасается с волнующими событиями прошлого, подвигами воинов-героев; может увидеть их фотографии, боевое оружие, награды, документы и личные вещи, все то, что вызывает патриотические чувства, чувства чести, гордости и достоинства. Здесь проходит торжественное принятие военной присяги, проводятся экскурсии, занятия, лекции, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, презентации книг по военно-патриотической тематике.

Формированию системы воспитания военнослужащих способствуют занятия по истории, истории Росгвардии в залах музея. К примеру, на базе музея было разработано и проведено занятие по теме «Внутренние войска и их участие в событиях Кавказского региона». Определив учебные цели занятия, тщательно отработав содержание занятия-экскурсии, педагог пытается учесть возможные переживания, эмоции и психологический настрой курсантов, которые проникают в сознание и помогают закрепить чувства и понятие патриотизма.

Разрабатывая психологическую основу занятия, мы стремились вызвать в курсантах способность переживать и осознавать необходимость обеспечить безопасность Родины как основную обязанность каждого военнослужащего, а также стремление к подражанию подвигам героев, служащих Росгвардии, мотивируя на дела и поступки защитников Родины. На занятии приводятся факты, документальные материалы, экспонаты, показывающие курсантам действия воинов, в том числе их сверстников, в сложных боевых ситуациях, которые, сохраняя верность воинскому долгу, присяге, явили образцы мужества и героизма. Также привлекается дополнительная информация, которая используется в ходе занятия-экскурсии.

Разработанная система занятий, способствует формированию военно-профес-

сиональных и личностных качеств курсантов, в частности, формированию чувства патриотизма, верности Родине, воинским идеалам, преданности службе и т. д. Практика показывает, что вся деятельность музея должна быть дифференцирована по курсам и «сопровождать» курсанта весь период его подготовки в военном вузе, проходя от простых ознакомительных этапов через вовлечение в конкретную деятельность.

Плодотворной работой по воспитанию военнослужащих стали материалы военно-исторических конференций, вечеров-чествований, вечеров-портретов, посвященных Героям Советского Союза и Российской Федерации, а также офицерам, проявившим мужество и доблесть в боевой обстановке.

До сих пор не оставляют равнодушными молодых людей произведения о войне, ставшие классикой литературного жанра, Б. Васильева «В списках не значился», «А зори здесь тихие...», Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Заставляют сопереживать, испытывать чувство гордости за героев фильмов «Честь имею», «9 рота». Курсанты слушают и поют песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, И. Талькова, В. Цоя, А. Розенбаума, О. Газманова, ставшие классикой наравне с «Землячкой» и остающиеся актуальными сегодня. Все вышперечисленное способствует формированию системы воспитания военнослужащих в формировании патриотических чувств, чести, достоинства, способности к самопожертвованию во имя Родины, гордости за право носить высокое звание офицера российской армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теория и практика воспитания военнослужащих: учебное пособие. – Москва: 12 центральная типография Министерства Обороны Российской Федерации, 2005. – 239 с.
2. Валишевский, К. Петр Великий. Репринтное воспроизведение издания 1911 года / К. Валишевский. – Москва: СП «ИКПА», 1990. – 245 – С. 38.
3. Назаров, А. М. Офицеры России: подготовка, культура, традиции / А. М. Назаров // Ориентир. – 2000. – № 1. – С. 76–79.
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года. – URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 19.02.2021).

5. Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. – URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 15.02.2021).

6. Алехин, И. А. Военная педагогика: учебник / И. А. Алехин, О. А. Анашкин. – Москва: Главное управление воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации, 2008. – 320 с.

7. Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны России от 12 октября 2016 г. № 655. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2021).

* * *

PETRUNIN MAKSIM VALERYEVICH

Adjunct Adjunct courses of full-time and part-time study
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

FEOFILAKTOV ILYA ALEKSANDROVICH

Candidate of Pedagogical Sciences
Senior Lecturer of the Department of Military Pedagogy and Psychology
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

FORMATION OF A SERVICE TRAINING SYSTEM IN RUSSIA

Abstract. The article examines the upbringing of military personnel as an interaction between a teacher and a pupil. The historical moments of the development of the education system in Russia are touched upon. The importance of the formation of a sense of patriotism, military duty, responsibility to the state is noted.

Keywords: education of servicemen, patriotism, military honor, military-patriotic education.

* * *

УДК 378.635.5

ПОЛЯКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Аннотация. В статье рассматривается эффективность использования технологии модульного обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции курсантов военных вузов. Описываются характеристики, способствующие успешному усвоению учебного материала и формированию компетенций, присущие технологии модульного обучения и процессе разработки данной технологии.

Ключевые слова: курсанты, технология обучения, учебный модуль, коммуникативная компетенция, образовательная деятельность.

В современной системе образования большое внимание уделяется процессу формирования и развития компетенций, которые необходимы выпускнику военного вуза. При таком подходе приори-

тетной становится подготовка военного специалиста нового формата, который способен, опираясь на знания, умения, навыки и собственный опыт, быстро и правильно решать поставленные перед ним слу-

жебно-боевые и повседневные задачи. Вышеупомянутое требование служит основой для качественно нового образования, которое способствует повышению профессиональной мобильности и адаптивности выпускников вузов войск национальной гвардии Российской Федерации, обеспечивая им необходимый уровень компетентности не только в последних разработках и инновациях, но и решении вопросов в определении эффективных вариантов решения возникающих служебных ситуаций. Одной из базовых компетенций необходимых выпускнику военного вуза является коммуникативная компетенция.

В профессиональной деятельности офицер войск национальной гвардии Российской Федерации зачастую сталкивается с необходимостью выполнения служебно-боевые задач и прохождения службы в условиях полиэтнического пространства Российской Федерации, постоянного межкультурного русскоязычного профессионального общения, происходящего в рамках несовпадающих этнокультурных стереотипов мышления и поведения, различающихся языковых картин мира, особенных этнопсихологических характеристик представителей иных национальностей. Знание основ вербальной и невербальной коммуникации во многом способствует построению деловых (служебных) отношений как с подчиненным личным составом, так и с командирами (начальниками). Эффективное формирование коммуникативной компетенции у курсантов военных вузов войск национальной гвардии во многом зависит от внедрения и использования новых технологий обучения, позволяющих не только усвоить, но и систематизировать полученные знания. Основным смыслом технологизации учебного процесса является выбор и использование наиболее продуктивных способов успешного достижения дидактических целей [1]. Для достижения этих целей необходимо учитывать образовательный потенциал модульной технологии обучения в формировании коммуникативных навыков у курсантов военных вузов. Педагогическая технология модульного обучения является одной из технологий инновационного обучения. Для понимания терминологии предстоящего исследования по данному направлению, рассмотрим определение понятий технология и учебный модуль.

Технология инновационного обучения

традиционно рассматривается как нововведение в педагогическую деятельность, изменение в содержании и технологии обучения и воспитания, имеющие целью повышение их эффективности. В высшем образовании чаще всего используется классификация технологий обучения в соответствии с дидактическими теориями, на которых они основаны. Одной из инновационной технологией обучения является технология модульного обучения, состоящая, как правило, из учебных модулей.

Учебный модуль – это дидактическая система, основная цель которой заключается во взаимодействии различных приемов и методов педагогической системы, обеспечивающих внедрение различных модулей в общую систему образовательного процесса. Структура модульной технологии как системы обучения состоит из компонентов, к ним относятся: цели и задачи обучения, содержание обучения, средства педагогического взаимодействия (методы обучения), организация учебного процесса (формы обучения), учебные пособия, обучающийся, преподаватель и результат их совместной деятельности. В процессе разработки модульной технологии обучения наиболее важным шагом является этап постановки целей. Суть этого этапа заключается в определении диагностических целей, способствующих достижению ожидаемого результата в виде реально измеряемых параметров [2]. Немаловажным условием успешной реализации и функционирования модульной технологии обучения является разработка и эффективное использование оценочных показателей и критериев для определения усвояемости пройденного материала обучающимися.

Определение уровня и критериев усвоения материала, рассмотрены в работах многих исследователей, наиболее распространенной системой является В.П. Беспалько, со следующей системой оценок: «удовлетворительно», «хорошо», «отлично», которые в рабочей программе представлены в виде категорий: «знать», «уметь», «владеть» [3]. Таким образом, определение необходимого уровня усвоения учебного материала позволяет дифференцированно подходить к оценке качества знаний. Важным шагом в разработке технологии модульного обучения является структурирование содержания учебного материала и наполнение его информационным содержанием.

Основная суть этого процесса заключается в выявлении системы логической связи между элементами содержания большой учебной единицы (дисциплины, блока, модуля, темы) и расположения учебного материала последовательно друг за другом и как результат образование логической связи между этими единицами. Дальнейшее построение модульного обучения реализуется через практические занятия, с целью приобретения курсантами необходимого профессионального опыта. Исходя из тематики нашего исследования, для приобретения коммуникативного опыта необходимо использовать следующие методы обучения: анализ профессиональных инцидентов, решение профессионально-значимых проблемных ситуаций-кейсов, анализ профессиональной сензитивности. При проектировании модульной технологии обучения, важным шагом является организация педагогического взаимодействия с учащимися на коммуникативном уровне субъект-предметных отношений.

По мнению В. А. Слостенина и Н. Г. Руденко, активизации учебного процесса в рамках технологии обучения способствуют фронтальные, коллективные, групповые, диадические коммуникативные ситуации и их разнообразное применение в учебном процессе [4]. Важным и основополагающим этапом проектирования и построения модульной технологии обучения является этап оценки и мониторинга результатов обучения и их корректировки. Главный показатель – объективность оценки. Поэтому в начале модуля курсанты должны знать систему критериев оценки знаний и навыков. Наилучшие результаты дает система многоуровневых заданий, выполняемых на практических или лабораторных занятиях, особенно если курсанту предлагается выбрать задание, соответствующее его уровню. Дифференцированный подход позволяет преподавателю контролировать уровень обучения студентов на начальном и заключительном этапах изучения модуля, выявлять существующие трудности и выбирать способы их устранения. Для оценки степени сформированности профессиональной коммуникации в полиэтническом коллективе мы выделяем три основных уровня, которые соответствуют качественной стороне ее развития:

- 1) элементарный;
- 2) достаточный;
- 3) продвинутый.

В проведенных нами исследованиях, направленных на изучение сущностных и параметральных характеристик коммуникативной компетенции, были выявлены структурные компоненты изучаемого феномена как интегративного личностного образования и обозначена необходимость их интеграции в процессе решения задач организации педагогического процесса по ее формированию. Основополагающим условием работы по данному направлению профессиональной подготовки курсантов мы считаем взаимодействие наполненных общекультурным и культурно-специфическим содержанием ее базовых структур в единстве мотивационно-потребностного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного компонентов.

Общепризнанные характеристики технологии модульного обучения способствующие успешному усвоению учебного материала и формированию компетенций, включают в себя:

- установление диагностических целей, которых курсант должен достичь, изучая каждый учебный модуль;
- гибкость, отражающая вариативность содержания образовательного комплекса, состоящего из разных учебных модулей, вариативность методов обучения, систем мониторинга и оценки;
- повышение осведомленности учителя и ученика о целях изучения данного модуля, который является фактором, способствующим познавательной деятельности;
- преобладание самостоятельной работы курсанта среди других видов деятельности, возникающее благодаря системе четко продуманных заданий и обеспечению самоконтроля знаний;
- рефлексия познавательной деятельности курсантов.

Данные характеристики показывают нам, что технология модульного обучения располагает и нацеливает обучающегося к самостоятельному усвоению материала, это дает будущему офицеру возможность решать повседневные и служебно-боевые задачи творчески, не шаблонно. В контексте нашего исследования, эффективное формирование коммуникативной компетенции курсантов военных вузов возможно при разработке и внедрении модульной системы обучения, которая предусматривает: активную позицию курсантов в строго регламентированном учебном и воспитательном процессе; индивидуальный подход к личности

курсанта, раскрытие и развитие его способностей, контроль профессиональных и личностных качеств; мотивационная подготовка к успеху в будущей профессиональной деятельности в целом и профессиональному общению в частности, развитие четко выраженных профессиональных качеств, умений и навыков деятельности в условиях полиэтнического пространства Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Талызина, Н. Ф. Технология обучения и ее место в педагогическом процессе /

Н. Ф. Талызина // Современная высшая школа. – 1977. – № 1. – С. 21–35.

2. Образцов, П. И. Информационно-технологическое обеспечение учебного процесса в вузе / П. И. Образцов // Высшее образование в России. – 2001. – № 6. – С. 46–50.

3. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – Москва: Педагогика, 1989. – 192 с.

4. Педагогика: учебное пособие / под ред. В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянова. – Москва: Школа-Пресс, 1997. – 512 с.

* * *

POLYAKOV OLEG ALEKSANDROVICH

Adjunct of Adjunct studies (full-time and part-time studies)
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

IMPLEMENTATION OF MODULAR LEARNING TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE IN FUTURE OFFICERS

Abstract. The article discusses the effectiveness of the use of modular training technology in the process of forming the communicative competence of cadets of military universities. The characteristics inherent in modular learning technology and the process of developing this technology are described.

Keywords: cadets, teaching technology, training module, communicative competence, educational activities.

* * *

УДК 9.93/94

СОРОКОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

доцент,

доцент кафедры теории и истории государства и права

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ГРИБАНОВ ЯРОСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ

курсант 6 роты 3 батальона курсантов

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается служебно-боевая деятельность русской армии в конце XIX начале XX века. Анализируются причины, вызвавшие необходимость проведения военной реформы в Российской империи начала XX столетия. Рассматривается деятельность военного министра генерала В. А. Сухомлинова в организации реформирования армии.

Ключевые слова: военные реформы, Главное управление Генерального штаба, Совет государственной обороны, военные министерства, военные ведомства, армия, вооружение, артиллерия, пехотный полк.

Государство является очень многогранной системой, имеющей в своем составе множество различных институтов, одним из которых являются вооруженные силы. Еще с давних времен принято оценивать уровень развития государства в соответствии с уровнем развития его армии. Однако для того чтобы получить мощные и хорошо обученные войска, которые будут оснащены современным вооружением, снаряжением и обучены в соответствии с актуальными требованиями, необходимо предпринять комплекс различных мер по их развитию и модернизации. Чаще всего такие реформы предпринимались вследствие крупных поражений или неудач как в ходе какого-либо сражения, так и после полноценных военных кампаний. Они позволяют руководству государства и обществу увидеть реальное состояние вооруженных сил, потому что в мирное время уровень их боеспособности оценивается чаще всего необъективно.

В российской истории есть много примеров проведения военных реформ. Начатая военным министром Дмитрием Милютиным реформа должна была дать России одну из лучших армий в мире. И эта задача была выполнена, несмотря на экономические проблемы и отставание в развитии промышленности. Уже в ходе реформ русской армии представилась возможность доказать свою боеспособность [1]. Этому свидетельствует подавление польского мятежа 1863 года, события на Балканах, Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Военные действия России в этой войне считаются весьма удачными, хотя воевать пришлось в тяжелых географических и погодных условиях, на театре военных действий, отдаленном от русских границ [2]. Тем более турецкая сторона оборонялась, то есть находилась в более выгодном положении. В ходе военных действий русская армия показала хорошую выучку как рядового, так и офицерского состава, способность к маневрированию, исключительно высокую стойкость [1].

Начало XX века для Российской империи было ознаменовано весьма неприятными событиями такими, как Русско-

японская война 1904–1905 годов. Война с Японией выявила крупные недостатки в оснащении войск, их организации, комплектовании и боевой подготовке, что с очевидностью показало необходимость немедленных реформ в российской императорской армии [3]. В армии не хватало пулеметов, отсутствовала полевая тяжелая артиллерия, снаряжение оказалось не подходящим к современным стандартам боя. Между родами войск существовала существенная диспропорция. Большинство корпусов не полностью были укомплектованы артиллерией, а некоторые совсем не имели инженерных подразделений. Но хуже всего дело обстояло с высшим командным составом. Причиной всему было самодержавие, которое имело прерогативу назначения на высшие командные должности в армии, что в итоге сказывалось на качестве генералитета.

Общество в этом вопросе существенного влияния не имело. После русско-японской войны России необходимо было воссоздать свою военную мощь фактически заново, приводя реорганизацию армии, вооружения, боевой подготовки в соответствие с требованиями современного военного искусства [4]. В связи с этим В. А. Сухомлинов отмечал, что необходимо принять все меры к восстановлению боеспособности наших вооруженных сил. Так, он определял свое отношение к предстоящим реформам, но представление о том, как они должны были осуществляться у него и других военных деятелей, а тем более демократической общественности, было разное [5].

По существу, военную реформу 1905–1912 гг. можно разделить на несколько этапов. Началом первого этапа послужил ряд серьезных изменений в вооруженных силах, а именно в высшем военном руководстве. В феврале 1905 года в Петербурге был создан Совет государственной обороны (далее СГО) – коллегиальный орган, в который вошли военный и морской министры, начальник Морского Генерального штаба, а также генерал-инспекторы всех родов войск.

С согласия императора на правах членов могли приглашаться другие министры

и высшие начальствующие чины армии и флота. Главой СГО стал великий князь Николай Николаевич. В. А. Сухомлинов, отметил: «Это было именитое общество безработных великих князей, внедолжностных сенаторов, новых государственных деятелей и других лиц, туда попадавших» [5, с. 156]. Новый орган был создан для объединения управления армией и флотом, и улучшения взаимодействия всех ведомств военного комплекса страны. В результате была разработана программа военного строительства, сыгравшая важную роль в восстановлении боеспособности русской армии после русско-японской войны.

Также стоял вопрос о видоизменении самого Военного министерства. Структура Главного штаба, разработанная еще в ходе военных реформ Александра II, уже к концу XIX века перестала отвечать уровню развития Вооруженных Сил России. Над вопросами оперативно-стратегического характера работало только одно управление, и русско-японская война показала, что оно совершенно не справлялось со своими задачами.

Разработку новой организации высшего военного управления возглавил инспектор кавалерии генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын. Он был высокообразованным офицером, хорошо знал военное дело, был знаком с методами работы Генерального штаба Германской империи. Ф. Ф. Палицын разработал проект создания самостоятельного органа управления, независимо от военного министра, наподобие германского Большого Генерального штаба. В соответствии с этим проектом 21 июня 1905 года приказом по военному ведомству было объявлено Положение о начальнике Генерального штаба, который стал подчиняться непосредственно царю. Эту должность занял генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын. В его обязанности входило:

- объединение действий окружных штабов по разработке планов войны;
- руководство службой и военно-научной деятельностью Генерального штаба;
- наблюдение за развитием и модернизацией всех отраслей военного дела.

Военное ведомство разделилось на Военное министерство во главе с министром и на Главное управление Генерального штаба (далее ГУГШ) во главе с начальником Генерального штаба. Первое решало административно-хозяйственные вопросы

и руководило личным составом, а в ведении второго находились вопросы подготовки к войне в стратегическом отношении. К началу 1908 года данными ведомствами разрабатывались различные варианты реорганизации армии. Дефицит средств в бюджете, а также противоречия между ГУГШ и Советом Государственной обороны в проектах будущей реорганизации армии, осложняли положение. В итоге предлагалось:

- наладить обеспечение войск артиллерийскими, инженерными, продовольственными, вещевыми и санитарными запасами, необходимыми для ведения войны;
- провести модернизацию инженерных фортификационных сооружений в приграничной территории;
- закрепление в законе процентного отношения численности вооруженных сил от численности населения, что, в свою очередь, позволяло эффективнее использовать людские ресурсы России для формирования армии и флота [6];
- воссоздание боевого флота;
- реформирование военно-учебных заведений;
- введение территориальной системы комплектования;
- проведение работы среди населения по распространению военных знаний, а также воспитание его в духе дисциплины и национального самосознания.

Разработкой данной программы можно обозначить завершение первого периода реформ. К 1908 г. концептуальная часть программы реформ была готова. Оставалось выработать на ее основе план конкретных действий и начать претворять его в жизнь. К этому побуждала и международная обстановка в Европе, которая после русско-японской войны значительно осложнилась для России. Обострились англо-германские противоречия. Сложились две враждебные коалиции: Германия, Австро-Венгрия и Италия, с одной стороны, Англия и Франция, – с другой. Центр внешнеполитических усилий царского правительства в 1906–1910 гг. вновь переместился с Дальнего Востока на Балканы и Ближний Восток, где к этому времени значительно укрепили свои позиции Австро – Венгрия и Германия.

Второй период военных реформ начался с ликвидации существовавшего в армии многовластия. В июле 1908 года острые разногласия в высших кругах по вопросу о

путях военного строительства привели к отстранению от должности главы Совета государственной обороны великого князя Николая Николаевича. СГО фактически прекратил свое существование, заседания этого органа более не проводились, а 12 августа 1909 года он был формально упразднен.

В верхах военного ведомства, также произошли значительные кадровые изменения. 13 ноября 1908 года Ф. Ф. Палицын был заменен генералом В. А. Сухомлиновым. Новый начальник Генерального штаба был опытным генералом, хорошо знавшим строевую и штабную службу. Он сразу отказался от отдельного доклада царю, добровольно поставив себя в подчинение военного министра. Это было сделано намеренно, так как В. А. Сухомлинов был противником создавшегося в военном ведомстве многовластия.

Через несколько дней после назначения В. А. Сухомлинова на должность военного министра, последовало и назначение нового начальника Генерального штаба, им стал генерал А. З. Мышлаевский. Власть военного министра значительно усилилась. Он возглавил высшую аттестационную комиссию, генерал – инспектора родов войск перешли в его непосредственное подчинение. Главное управление Генерального штаба снова вошло в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба оказался подчинен военному министру. В функции Главного управления Генерального Штаба входили: разработка планов войны, составление мобилизационных расписаний, планов дислокации войск, организации разведки [2]. В результате этих мероприятий единство центрального военного управления было восстановлено.

Министр предлагал: 1) реорганизовать армию, устранив все выявившиеся недочеты, но отнюдь не сокращая численность войск, и без того недостаточных для борьбы с нашими главными соседями; 2) улучшить условия комплектования и мобилизации армии, приняв особые меры к увеличению офицерского состава; 3) пересмотреть вопрос о численном и соответственном устройстве наших крепостей и инженерной подготовке пограничных районов вообще; 4) обеспечить возможность дальнейшего правильного развития нашей армии, поставив вопрос о бюджете военного ведомства.

Идеи В. А. Сухомлинова в основном совпадали с идеями Ф. Ф. Палицына. Новой была мысль об осуществлении реорганизации армии без увеличения тягот населения, по выполнению воинской повинности [6]. Военный министр предлагал не отягощать государственный бюджет новыми постоянными расходами, а провести некоторые организационные изменения в составе армии, и освободившийся личный состав, и сэкономленные при этом денежные средства использовать для усовершенствования структуры войск.

В пехоте намечалось упразднить резервные и крепостные войска и за их счет усилить полевую пехоту; установить новую организацию резервных частей, включив некоторый запас в кадры полевых войск; упрочить кадры полевых частей, для чего увеличить штат пехотного полка. В артиллерии предлагалось ликвидировать резервные и вылазочные батареи и за их счет образовать скрытые кадры, что при мобилизации обеспечивало бы каждую резервную дивизию своей резервной артиллерийской бригадой; усилить полевую артиллерию, сформировать полевые мортирные (гаубичные) и полевые тяжелые батареи, а также создать тяжелую армейскую артиллерию. Кроме того, проектировалось увеличение численности технических войск (инженерных и воздухоплавательных), а также улучшение организаций высших соединений [7].

Как уже упоминалось выше, В. А. Сухомлинов категорически возражал против численного сокращения армии. Он писал: «По поводу предложения сократить армию и ее боевые приготовления, дабы этим путем приискать необходимые ресурсы на усовершенствование средств обороны, могу сказать, что противники наши, несомненно, поставили бы памятник тому министру, который на это согласился бы. Удостоиться такой чести я лично не имею никакого желания» [5].

Согласно проекту, особые средства требовались на модернизацию материальной части и усиление технического оснащения войск. Эти потребности исчислялись в 715 млн. рублей. Из них на пополнение материальной части, обеспечение армии гаубицами, пулеметами, автомобилями – 132 млн. рублей, на крепости – 388 млн. рублей, на тяжелую артиллерию – 84 млн. рублей, на строительство стратегических дорог – 144 млн. рублей.

С запрашиваемой суммой средств и ее аргументацией военный министр персонально ознакомил членов совета министров А. П. Извольского, С. М. Кривошеина, П. А. Харитонов, С. В. Рухлова, С. В. Тимашева и др. Таким способом В. А. Сухомлинов хотел убедить правительство в настоятельной необходимости ассигнования именно этой суммы. Между тем в Мобилизационном комитете Главного штаба продолжалась разработка проекта преобразования армии. Предложения В. А. Сухомлинова стали для него, как и для других Главных управлений военного министерства, основной директивой при проведении реорганизации сухопутной армии [6].

Все доклады Мобилизационного комитета о преобразовании пехоты, артиллерии, инженерных и железнодорожных войск были утверждены Николаем II. Император велел расформировать все резервные и крепостные части пехоты с их управлениями и утвердил порядок формирования новых полевых дивизий и развертывания стрелковых бригад. Основное внимание при реорганизации было уделено усилению полевых войск. По мнению руководства военного ведомства, ввиду предполагавшегося скоротечного характера будущей войны, именно на них должна была лечь вся тяжесть первого этапа вооруженной борьбы. Ликвидировались слабые в боевом отношении резервные и крепостные войска. Это высвободило 12,3 тыс. офицеров, тысяча двести классных чинов, 334,5 тысяч солдат и унтер-офицеров. Из них было сформировано семь новых полевых дивизий и стрелковая бригада. В целом полевая пехота увеличилась на 13 % и составила 70 дивизий и 17 стрелковых бригад.

В результате такой реорганизации пехоты вся сухопутная армия стала иметь однородный состав. Различались части двух типов: четырех-батальонный пехотный или стрелковый полк и батальонный стрелковый полк. Все полевые войска были сведены в 37 корпусов. Вместо резервных частей при полевых частях создаются «скрытые кадры» (19 офицеров, 1 классный чин, 262 солдата и унтер-офицера на резервный полк). Что позволяло при объявлении мобилизации формировать из военнообязанных запаса 35 второочередных дивизий. Численность пехотной дивизии военного времени была определена в 14 тыс. человек. Каждой пехотной дивизии была придана артиллерийская бригада (48 трехдюймовых ору-

дий), а стрелковой бригаде – артиллерийский дивизион (24 трехдюймовых орудия). Заново создавались корпусная и полевая тяжелая артиллерия. Корпуса обеспечивались мортирными (гаубичными) дивизионами, а за счет упразднения осадной артиллерии сформированы восемь тяжелых артиллерийских осадных дивизиона (в каждом по три четырехорудийных батареи).

В состав корпуса были включены также саперные бригады. Ввиду подчинения артиллерийских и инженерных частей высшим строевым начальникам для руководства их специальной подготовкой в округах вводилась должность окружного инспектора полевых инженерных войск, а в корпусах – инспектора артиллерии. Все организационные мероприятия были осуществлены в кратчайшие сроки. Уже к 1 сентября 1910 года армия перешла на новую организацию [7].

Важным итогом принятых мер стала достигнутая экономия средств в размере 3067 тыс. рублей в год. Удалось упростить организацию пехоты, добиться большего однообразия ее состава, улучшить организацию высших соединений.

Следующим немаловажным этапом в цепи военных реформ стало изменение системы комплектования и дислокации армии. К началу 1910 года значительная часть русских войск была сосредоточена в западных военных округах – Виленском, Варшавском и Киевском. Здесь размещалось 16 корпусов из 31 имевшегося у России в то время. Такое положение объяснялось стремлением сократить сроки стратегического развертывания, заранее придвинуть войска к западной границе. Однако это создавало трудности в комплектовании армии в мирное время и при мобилизации, так как требовались значительные перевозки запасных из округа в округ.

В 1910 году Военным министерством было принято решение об уменьшении количества войск в западных округах и увеличении их в центральных. В вопросах комплектования реформа В. А. Сухомлинова позволяла приблизиться к территориальной системе комплектования войск, по которой каждый полк и артиллерийская бригада имели свой определенный участок пополнения. Это мероприятие значительно облегчило мобилизацию: сроки прибытия запасных в часть были минимальные, так как военнообязанные призывались из ближайших мест.

Изменение в организации армии и ее дислокации повлекло за собой необходимость перейти к новой форме мобилизации. Новое мобилизационное расписание было разработано и введено 1 сентября 1910 года. В Европейской части России и на Кавказе вводилась территориальная система комплектования армии. Были установлены корпусные, дивизионные и полковые районы пополнения. В войска, дислоцировавшиеся в местностях с преобладающим русским населением, направлялось до 50 процентов местных уроженцев. Этим достигалось, с одной стороны, резкое сокращение перевозок и быстрое укомплектование войск, с другой, многие части получали при мобилизации запасных, уже служивших в них. В целом новое мобилизационное расписание значительно повышало боеготовность сухопутной армии. Сроки русской мобилизации приблизились к срокам мобилизации ее вероятных противников (развертывание в Германии и Австро-Венгрии завершалось на тринадцатый – пятнадцатый день мобилизации).

В основе всей военной системы Российской империи лежал Устав о воинской повинности 1874 года. К началу военных реформ он явно устарел и уже не обеспечивал поступление соответствующих контингентов новобранцев в войска. Далеко не все мужское население страны проходило военную службу. От нее были освобождены народы ряда национальностей: мусульманские народы Кавказа, финны, народы крайнего Севера, все нерусское население Туркестана, Приморской и Амурской областей и некоторых отдаленных мест Сибири. Всего от воинской повинности было освобождено 10 процентов населения России.

В 1911 году по инициативе В. А. Сухомятина, Военное министерство подготовило и внесло в Государственную Думу проект закона о воинской повинности, в котором изменялось количество льгот по призыву и сокращался перечень народов, освобождавшихся от воинской повинности. Призывной возраст был снижен с 21 года до 20 лет, а запас разделили на два разряда (15 и 13 лет). Причем первый разряд предназначался для пополнения полевых войск, а второй – «преимущественно для укомплектования резервных войск и тыловых учреждений». Срок пребывания в государственном ополчении был продлен до 43 лет [5].

Начиная с 1910 года предпринимался ряд мер, направленных на улучшение подготовки офицерского состава. В этих целях были переработаны учебные программы военных училищ с резким увеличением времени на практические занятия по военным дисциплинам. Реорганизации подверглась вся система военно-учебных заведений. Юнкерские училища были преобразованы в военные с трехлетним сроком обучения. Общая потребность в количественном росте квалифицированных военных кадров привели к тому, что в военные училища стали приниматься кроме дворян лица из других сословий. Вследствие этого офицерский корпус переставал быть преимущественно дворянским по своему составу.

Оснащение армии новейшими артиллерийскими системами, управляемыми аэростатами, самолетами, автомобилями и другими техническими средствами потребовало подготовки соответствующих кадров. Для этого были открыты воздухоплавательная офицерская школа с временным авиационным отделом при ней, учебная автомобильная рота, расширена офицерская артиллерийская школа. В 1911 году открывается Интендантская академия, а в 1912 году – Сергиевское артиллерийское училище в Одессе, готовящее кадры для тяжелой и крепостной артиллерии.

Важной мерой для привлечения на службу и удержания на ней молодых офицеров являлось улучшение их материального положения. Был, в частности, реализован проект 1907 года об увеличении денежного содержания офицеров. С 1 января 1909 года улучшалось материальное положение строевых офицеров, были приняты новые правила прохождения службы, ускорявшие продвижение наиболее перспективных из них. Все это способствовало укреплению состава офицерского корпуса.

Одной из актуальнейших и вместе с тем сложнейших проблем реформирования армии была ее коренная техническая модернизация. В соответствии с планом технической модернизации в 1909–1910 гг. велось обсуждение общей программы развития армии и флота на ближайшее десятилетие.

В феврале 1910 года на заседании Особого совещания было принято постановление «О мерах к усовершенствованию государственной обороны и о порядке покрытия вызываемых сими мерами расходов».

На развитие армии и флота выделялись примерно равные средства: 698 млн. рублей – Морскому министерству и 715 млн. рублей Военному. Из этих средств планировалось выделить: на пополнение материальной части – 147 млн. рублей, на тяжелую артиллерию – 81 млн., 373 млн. на крепости и 114 млн. на строительство стратегических шоссе.

Такой порядок финансирования вряд ли можно считать оптимальным. В самом деле, флот не смог бы решить главных задач будущей войны, вся тяжесть ее ведения должна была лечь на сухопутную армию. Однако правящие круги страны и, прежде всего, Николай II проигнорировали это обстоятельство. Ситуация осложнялась и тем, что количество и производительность русских военных заводов оставляли желать лучшего. Военное министерство не пошло по пути развития собственной военной промышленности. Оно не предусмотрело капиталовложений в наращивание мощностей казенных военных заводов. Исправлять положение пришлось уже в ходе войны.

Несмотря на недостаточность финансирования и большие трудности в размещении военных заказов, перевооружение армии все же осуществлялось. В 1909–1910 годах на вооружение были приняты новые образцы орудий для полевой гаубичной артиллерии – 48-линейная (122-мм) гаубица образца 1909 года, для полевой тяжелой артиллерии – 42-линейная (107 мм) пушка образца 1910 года, на вооружение горной артиллерии – трехдюймовая пушка.

В каждом пехотном полку было начато формирование пулеметных команд. В войска поступило 864 пулемета. К 1 (14) января 1911 года при каждом из 352 пехотных полков состояла пулеметная команда. 123 команды имели по восемь пулеметов, остальные – по четыре. Было принято решение о начале формирования 26 конно-пулеметных команд, 8 – пулеметного состава для каждой кавалерийской и казачьей дивизии.

В. А. Сухомлинов еще в записке 1909 года утверждал, что политические и экономические условия жизни соседей России не допускают возможности ведения длительной борьбы. Поэтому программа перевооружения русской армии строилась в расчете на краткосрочную войну, возможность создать в ее начале превосходство сил для решительного и быстрого наступ-

ления, и ведение боевых действий за счет заготовленных заранее запасов вооружения и боеприпасов. В этом отношении Военному министерству удалось добиться успехов, и к 1914 году русская армия имела мобилизационные запасы почти в полном соответствии с утвержденными нормами, хотя сами эти нормы и оказались заниженными.

Подводя итоги, необходимо еще раз напомнить, что все эти реформы проводились по инициативе военного министра генерала В. А. Сухомлинова. По его собственным словам, исходным пунктом всех мероприятий была цель добиться создания русской армии по боеспособности не уступающей германской [5]. В итоге энергичной работы В. А. Сухомлинова и его ближайших сотрудников в кратчайший срок была осуществлена реорганизация войск, коренным образом изменившая их организационно-штатную структуру, начат переход к территориальной системе комплектования, утверждена новая дислокация армии, начато ее техническое переоснащение [6].

Таким образом, основные задачи военного реформирования удалось решить, однако многое из задуманного воплотить в жизнь оказалось невозможным. Так, ограниченные экономические возможности России не позволяли снабдить артиллерией армейский корпус, и достичь германского уровня. Бюрократический государственный механизм значительно тормозил преобразованиям в армии. В результате темпы модернизации русской армии оказались низкими, что обуславливало ее явное запаздывание в подготовке к надвигающейся мировой войне по сравнению с ее потенциальными противниками – Германией и Австро-Венгрией. В рамках самодержавного строя было сделано много, но большего сделать не позволяла сама политическая система. В очередной раз крупномасштабные военные реформы российской армии, проводимые после завершения русско-японской войны, так и не были завершены в полной мере. Стране не хватило времени, финансовых средств и материальных ресурсов для успешного завершения военных преобразований. Это, в свою очередь, могли использовать противники России, втянув ее в один из самых кровопролитных и масштабных военных конфликтов за всю историю человечества – Первую мировую войну, которая, в свою

очередь, наглядно показала все то, что не успели сделать за годы реформ вооруженных сил. Однако можно лишь говорить о том, смогла бы подойти Российская Империя к этой войне или нет, ведь одним из результатов конфликта стало не только разрушение могущественного государства, но в том числе ее армии, разделившейся в последующем на два блока, противостоявших между собой в затяжной гражданской войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлов, В. А. К вопросу о причинах проведения военной реформы в России во второй половине XIX века / В. А. Михайлов, Я. Е. Грибанов // Актуальные проблемы военных и социальных наук: сборник трудов межвузовской научно-практической конференции. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. – С. 57–61.
2. Никифоров, А. Л. Модернизация структуры высшего управления россий-

ской императорской армией в ходе военной реформы 1905–1912 гг. / А. Л. Никифоров // Вып. 6: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 5 апреля 2014 г. – 2014. – 227 с.

3. Романов, Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны (1895–1907 гг.). / Б. А. Романов. – URL: <https://statehistory.ru/books/> (дата обращения: 25.02.2021).

4. Бей, Е. В. Деятельность генерала А. В. Сухомлинова в проведении военных реформ 1905–1912 годов / Е. В. Бей // Вестник Екатеринбургского института. – 2009. – № 3 (7). – С. 37–40.

5. Сухомлинов, В. А. Воспоминания / В. А. Сухомлинов. – Берлин: Русский университет, 1924. – 438 с.

6. Кононов, С. В. Вклад В. А. Сухомлинова в военную реформу 1905–1912 гг. / С. В. Кононов // Материалы II Международной научно-практической конференции. ООО «НОУ «Вектор науки», 2017. – 41 с.

7. Каменев, А. И. История подготовки офицерских кадров в России / А. И. Каменев. – Москва: РГБ, 2007. – 125 с.

* * *

SOROKOV SERGEY PETROVICH
Associate Professor

Associate Professor of the Department of State and Law Theory and History
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

GRIBANOV YAROSLAV EVGENYEVICH
Cadet of 6 companies of 3 battalion of cadets

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

MILITARY REFORMS IN THE RUSSIAN EMPIRE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article deals with the service and combat activities of the Russian army in the late XIX-early XX century. The article analyzes the reasons that caused the need for military reform in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The article considers the activities of the Minister of War, General V. A. Sukhomlinov, in organizing the reform of the Army.

Keywords: military reforms, General Directorate of the General Staff, State Defense Council, Military ministries, military departments, army, armament, artillery, infantry regiment.

* * *

УДК: 378.016

СОРОКОВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

доцент,

доцент кафедры теории и истории государства и права

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

ЧЕКУРКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат технических наук,

преподаватель кафедры математики и информатики

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Аннотация. В статье рассматриваются интерактивные формы обучения, применяемые преподавателем, в процессе изучения юридических дисциплин.

Ключевые слова: обучение, образование, интерактивные формы, юридическая дисциплина, обучаемый, деловая игра, ролевая игра, компетентность.

Образование – это процесс, направленный на воспитание и обучение личности, а также приобретение знаний, навыков, умений, формирование ценностей, опыта и компетенций. Изначально индивид начинает получать образование в семье, затем в детском саду, школе, высшем учебном заведении.

Процесс образовательной деятельности, требует от преподавателя быть профессионально подготовленным и компетентным в преподаваемых им учебных дисциплинах. В образовательном процессе преподаватель должен применять различные формы обучения в целях, чтобы курсанты овладевали знаниями и умели применять их на практике. В настоящее время учебный процесс предусматривает широкое применение как активных, так и интерактивных форм обучения. Рассмотрим деятельность преподавателя высшего учебного заведения при преподавании юридических дисциплин.

В процессе обучения применяются, как правило, пассивные, активные и интерактивные формы обучения.

При применении пассивной формы обучения происходит одностороннее воздействие преподавателя на обучаемого.

В процессе активных форм обучения происходит взаимодействие курсантов и преподавателя (рис. 1).

Рисунок 1 – Активная форма обучения

При применении интерактивных форм обучения, происходит не только процесс взаимодействия преподаватель – курсант, но и курсант – курсант (рис. 2).

Рисунок 2 – Интерактивная форма обучения

Одними из основных интерактивных форм обучения являются ролевые и деловые игры.

По мнению Т. В. Мальцевой, Е. Н. Сепиашвили, Ю. Б. Макаренко, деловые и ролевые игры развивают у обучаемых не только профессиональные, а также социальные и психологические компетентно-

сти, которые им необходимы, как будущим специалистам. Они считают, что в период проведения деловой игры курсанты решают задачи, схожие с жизненными ситуациями [1].

По мнению А. Р. Муратова и М. М. Шумиловой, деловая игра – это форма занятия, при которой происходит имитация реальных условий. Обучаемым определяются задачи, которые они в будущем будут решать в процессе своей профессиональной деятельности [2, с. 45].

Ролевая игра представляет собой подготовленную жизненную ситуацию, где каждому обучаемому отведена своя роль. Целью игры является формирование у обучаемого профессиональных компетенций, в процессе имитации определенных ситуаций и реальных условий [2, с. 47–48].

С точки зрения В. К. Третьякович, ролевая игра является формой моделирования ситуаций, будущей профессиональной деятельности [3].

Таким образом, в процессе проведения ролевой игры происходит распределение ролей и ставится проблема, решить которую должны участники с позиций своих персонажей.

Ролевые игры позволяют активно вовлечь обучаемых в образовательную деятельность и вызвать интерес к изучаемому предмету. Они создают отличные условия для установления обратной связи сразу же по окончании игрового взаимодействия. Ролевые игры основаны на обучающем эффекте совместных действий.

На основании вышесказанного, приведем примеры проведения ролевых и деловых игр в процессе обучения студентов юридического вуза.

В качестве примера проведения деловой игры предлагается рассмотреть один из вопросов темы: «Тактика предъявления для опознания» по дисциплине Криминалистика.

В начале занятия преподаватель поясняет, что предъявление для опознания – это самостоятельное следственное действие, заключающееся в установлении потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым тождества или групповой принадлежности ранее воспринимавшегося объекта по его мысленному образу.

Задача следственного действия – предоставить возможность лицу опознать, узнать среди предъявляемых ему людей,

вещей или иных объектов тот, который он наблюдал или знал ранее.

В ходе занятия отрабатывается учебный вопрос «Предъявление для опознания живого лица».

Для отработки учебного вопроса следователь приступает к практической реализации сценария по заданной фабуле дела.

В аудитории организуется кабинет следователя. В следственном действии принимают участие обучаемые в соответствии с занимаемыми ролями: следователь, специалист, два статиста, опознаваемый, опознающий, защитник и понятые (не менее двух человек).

До начала следственного действия опознающий допрашивается следователем о тех признаках, по которым он может узнать лицо совершившего на него нападение.

Следователь действует строго по определенному ранее плану.

На начальной стадии следователь проводит подготовку к данному следственному действию: проверяет список лиц, необходимых для участия в предъявлении для опознания. Возможно добавление также переводчика и педагога (при допросе несовершеннолетних).

В задачу понятых входит удостоверение факта, содержания и результатов действий, при производстве которых он присутствовал, а также вправе делать замечания по поводу произведенных действий. Выполнение этой обязанности и права возможно при условии, что им разъяснены цель и содержание действия, их права и обязанности (ст. 60, 161 УПК РФ). На занятии понятые должны зафиксировать в рабочих тетрадях все нарушения, которые были допущены при проведении данного следственного действия.

Далее следователь действует согласно протоколу предъявления для опознания.

В «кабинет следователя» приглашаются специалист (готовит необходимое оборудование и проверяет его работоспособность, затем осуществляет видеозапись), понятые, поочередно приглашаются статисты, а затем опознаваемый. Последний представляется (называет фамилию имя отчество и место прописки) далее ему предлагается следователем занять любое место среди статистов. Каждому из опознаваемых вручается табличка с номером 1, 2 и 3 в том порядке как они расположены. После этого в кабинет следователя пригла-

шается опознающий. Следователь предлагает ему представиться. Опознающий называет свои фамилию, имя, отчество.

Следователь: Не узнаете ли вы среди стоящих людей с табличками человека, который совершил на вас нападение при указанных вами обстоятельствах?

Опознающий: Да, узнаю человека с табличкой № 3.

Следователь: По каким признакам вы его опознали?

Опознающий: По шраму на шее с правой стороны.

Следователь опознанному: опустите воротник рубашки и покажите шрам.

Опознанный опускает воротник рубашки и показывает шрам.

Следователь: На этом следственное действие завершается, какие будут замечания у участников следственного действия?

Участники: замечаний нет.

Следователь: Участники следственного действия распишитесь в протоколе следственного действия. Приглашенные распишутся, после этого специалист выключает видеокамеру.

Защитник внимательно следит за ходом следственного действия. Если следователь пытается заставить опознающего дать показания силой или обманом, то он заявляет протест.

Преподаватель может вмешиваться в действия обучающихся, если их действия начинают выходить за рамки предусмотренного. Наряду с этим вмешательство допускается для включения в занятие элемента конфликтной ситуации.

В ход занятия намеренно должны быть включены конфликтные ситуации, представляющие собой ошибочное поведение отдельных участников игры, основанные на реальных примерах следственной практики, например:

1. Следователь: перед началом следственного действия собирает в одном кабинете всех его участников, что недопустимо согласно требований уголовно-процессуального законодательства.

2. Опознающий не должен до начала следственного действия иметь контакт с опознаваемым (наблюдать его, даже на фото);

3. Следователь: разъясняет права понятным;

4. Специалист: во время проведения следственного действия имитирует поломку камеры. При этом следственное дей-

ствие не останавливается и продолжается без видеофиксации.

5. На входной двери, через которую проходят приглашенные лица (опознающий), размещается тематический стенд «Внимание, розыск!», на котором имеется фотоизображение одного из опознаваемых лиц, т. е. создается возможность опознающему иметь визуальный контакт (наблюдать на фотографии) с опознаваемым и т. д.

После окончания учебного занятия приступаю к обсуждению.

В случае, если никто из участников не отреагировал на ошибку конкретного участника, преподаватель останавливает отработку блока учебного вопроса, проводит разбор, указывает на ошибки, пути их устранения и начинает отработку данного блока сначала.

Занятия в форме ролевых игр можно проводить и по другим юридическим дисциплинам. Так, например, возможна отработка вопросов по предмету Международное право и Теория государства и права.

По дисциплине Международное право, данный вид занятия применяется при отработке темы «Международное гуманитарное право». В рамках данного занятия группа делится на две команды. Назначаются судьи в количестве двух человек из наиболее подготовленных студентов. Командам даются задания (жизненные ситуации). Они, руководствуясь международными и внутригосударственными нормативно-правовыми актами должны рассмотреть данную ситуацию и дать ей грамотный юридический анализ. Цель данного задания заключается в том, что обучаемые учатся быстро находить необходимый нормативно-правовой акт и грамотно его применить к сложившейся ситуации. Задача судей заключается в оценке ответов команд, а при необходимости указываются ошибки при ответах.

Таким образом, при отработке темы «Международное гуманитарное право» обучаемые не только изучают содержание нормативно-правовых актов, но и учатся практически их применять к тем жизненным ситуациям, в которых они в дальнейшем могут оказаться при выполнении служебно-боевых задач.

Данную форму занятия можно активно применять на занятиях по теории государства и права, при проведении темы «Правотворчество». Одним из вопросов данной

темы является: «Законотворчество». Обучаемые делятся на две группы: Государственная Дума и Совет Федерации, назначается Президент и два наблюдателя, которые смотрят и оценивают действия Законодательного органа власти. Преподаватель ставит перед обучаемыми проблему в виде принятия нового закона или необходимости внести поправки в действующее законодательство. После чего они согласно отведенных им ролей приступают к процессу законотворчества согласно Конституции Российской Федерации.

Таким образом, данная методика проведения занятия способствует более углубленному и полному пониманию обучающимися учебного материала, так как при изучении данного учебного вопроса, они рассматривают учебный материал как теоретически, так и практически.

Таким образом:

- деловые и ролевые игры требуют не только знания материала, но и вхождения в заданный образ, при этом необходима более качественная подготовка ролевых коллективов в процессе самостоятельной работы;

- они дают возможность выявить индивидуальность каждого обучаемого, его творческие возможности и компетентность;

- создают условия для лучшего усвоения учебного материала, осмысления норм и правил поведения, общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцева, Т. В. К вопросу о методическом обеспечении ролевых и деловых игр / Т. В. Мальцева, Е. Н. Сепиашвили, Ю. Б. Макаренко // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2018. – № 1 (29). – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.01.2021).

2. Муратова, А. Р. Интерактивные формы обучения / А. Р. Муратова, М. М. Шумилина. – Владимир: Аркаим, 2015. – 206 с.

3. Третьякевич, В. К. Инновационные подходы в практике работы преподавателя университета / В. К. Третьякевич // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.01.2021).

* * *

SOROKOV SERGEY PETROVICH

associate professor

Associate Professor of the Department of State and Law Theory and History

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

CHEKURKOV NIKOLAY ALEXANDROVICH

candidate of Technical Sciences

Lecturer of the Department of Mathematics and Computer Science

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

THE USE OF INTERACTIVE FORMS OF TEACHING CADETS IN THE PROCESS OF TEACHING LEGAL DISCIPLINES

Abstract. The article discusses the interactive forms of teaching used by the teacher in the process of studying legal disciplines.

Keywords: training, education, interactive forms, legal discipline, learner, business game, role-playing game, competence.

* * *

УДК 355.23

ФОМИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

доцент,

доцент кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)**ШЕСТАКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ**

начальник учебного отдела

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ВОЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются условия труда и проблемные вопросы образовательной деятельности военного преподавателя на современном этапе.

Ключевые слова: военный преподаватель, образовательная деятельность, знания, умения, навыки.

В современных условиях для подготовки офицеров, способных гарантированно и качественно решать служебно-боевые задачи, стоящие перед войсками национальной гвардии Российской Федерации, необходима стройная система военного образования, в которой центральной фигурой является военный преподаватель. Это личность, которая на основе своего личного и служебно-боевого опыта, убеждений, квалификационных требований, образовательных стандартов, образовательных программ, воспитывает и обучает военного профессионала преданного своей Родине, готового квалифицированно решать задачи, поставленные перед войсками сегодня, а также перспективные задачи.

Актуальность научного анализа деятельности военного преподавателя обусловлена необходимостью решения ряда задач по совершенствованию подготовки офицерских кадров для Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Офицер – центральная фигура в любой «силовой структуре». Это гарант боевой готовности, здорового морально-психологического климата в коллективе, способности вверенного подразделения качественно выполнять служебно-боевые задачи в любых условиях обстановки. Поэтому воспитанием и обучением должен заниматься компетентный, высокоидейный,

профессионально подготовленный, мотивированный военный педагог.

Существенным отличием военного педагога от гражданского является возлагаемая на него воспитательная функция, направленная на формирование у обучаемых личностных качеств будущего защитника Родины.

Важнейшим этапом «рождения» военного педагога является процесс отбора и назначения кандидатов на должности профессорско-преподавательского состава в военные образовательные организации высшего образования (далее ВООВО) войск национальной гвардии Российской Федерации. Необходимо отметить, что не каждый офицер из войск и после окончания учебных заведений (академий), назначенный на преподавательскую должность, становится хорошим преподавателем. Одна из основных причин кроется в нежелании офицера заниматься незнакомой и может быть для него не интересной деятельностью, которая требует настойчивости, кропотливого труда, освоения навыков работы с литературой и информационными технологиями, необходимыми в образовательной деятельности. Поэтому важнейшим фактором назначения на должность преподавателя является не только образовательный ценз, прохождение службы, но и склонности к педагогической деятельности и лич-

ное желание кандидата. Если такого желания нет, то «рождения» преподавателя, как правило, не происходит. В настоящее время назначение на должность преподавателя, в соответствии с Квалификационными требованиями, предъявляемыми к кандидатам при назначении на должности профессорско-преподавательского состава командования факультетов ВООВО войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденными 23 мая 2019 года, происходит без конкурсной основы. Конкурс начинается с должности старшего преподавателя.

Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода времени просматривается следующая кадровая тенденция в подборе кандидатов на должность преподавателей. Офицеры, которые в войсках зарекомендовали себя как профессионалы, командование видит в них кадровый резерв для назначения на высшие командные должности, не желают связывать свою службу с должностью военного педагога, считая карьеру в войсках более перспективной и престижной. Если с комплектованием должностей профессорско-преподавательского состава гуманитарных, юридических дисциплин не вызывает особых трудностей по причине дислокации ВООВО войск национальной гвардии в крупных научных центрах (Санкт-Петербург, Новосибирск, Саратов, Пермь) и при острой необходимости их можно оперативно заместить и гражданским персоналом, то с преподавателями дисциплин военно-профессионального профиля такая практика неприемлема. Не совсем понятны одинаковые требования (высшая оперативно-тактическая подготовка) при назначении на должности профессорско-преподавательского состава дисциплин военно-профессионального профиля. Например, должность преподавателя огневой подготовки, военной топографии, инженерного обеспечения служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии, радиационной, химической, биологической защиты, такого уровня образования не требует, но кадровым органам и кафедрам существенно сужает «поле» для подбора кандидатов. На памяти многих офицеров - выпускников опытные преподаватели и мудрые методисты огневой подготовки, которые были назначены с должности командира роты курсантов.

До настоящего времени нет продуманной системы ротации профессорско-препо-

давательского состава кафедр дисциплин военно-профессионального профиля. Между тем, в армиях зарубежных стран предусмотрена ротация преподавательского состава – преподавателей «стреляющих» и «летающих» кафедр, раз в четыре года, кроме того ограничен предельный возраст пребывания на преподавательской работе – 64 года. Ротация – это тесная и неразрывная связь образовательной деятельности ВООВО и практики выполнения служебно-боевых задач войсками национальной гвардии. Ротация должна проводиться регулярно, системно и обеспечивать:

- сохранение научного потенциала кафедр и опытных преподавателей-методистов;

- приток офицеров, богатых войсковым опытом службы в различных регионах и должностях, способных передать этот опыт (обновление педагогических коллективов);

- перевод для прохождения службы в войсках преподавателей, не проявивших себя в педагогической и научной деятельности;

- формирование готовности у преподавателей к изменениям и нововведениям;

- наличие на кафедре офицеров, имеющих опыт по всем направлениям служебно-боевой деятельности.

В системе ротации необходимо, во-первых, определить перечень должностей на кафедре, которые подлежат ротации, а также периодичность ее проведения. Во-вторых, перечень должностей офицеров, проходящих службу в войсках и территориальных органах, для направления в ВООВО на должности профессорско-преподавательского состава. Ротация должна быть безвозвратной для преподавателей ВООВО, не склонных к педагогической и научной деятельности и кольцевой, когда перспективные преподаватели, старшие преподаватели после получения войскового опыта возвращаются обратно на кафедру с перспективой их дальнейшего служебного роста.

Существенное влияние на образовательную деятельность военного преподавателя оказывает организация повседневной жизни ВООВО (регламент служебного времени, распорядок дня, проведение мероприятий, связанных с боевой готовностью, воспитательной работой, командирской подготовкой, выполнение службы в составе суточного наряда и другие мероприя-

тия). Планирование и проведение данных мероприятий в военных институтах должно обеспечивать рациональное использование временных, личностных и интеллектуальных возможностей преподавателей. Управленческая деятельность командования и учебного отдела военного института, прежде всего, должна быть направлена на обеспечение условий для эффективной деятельности преподавателя в реализации учебной и методической работы.

Основным содержанием деятельности военного педагога является учебная, методическая и научная деятельность, однако необходимо обратить внимание, что у военного педагога наряду с этой нагрузкой дополнительно в пределах 40 % служебного времени от общего бюджета времени занимает командирская подготовка, выполнение обязанностей в составе суточного наряда и ряд других организационных мероприятий (еженедельные разводы на занятия, доведение приказов и распоряжений, дополнительные мероприятия в виде зачетов, совещаний и др.). Проблема здесь не только в количестве времени затрачиваемого на эти мероприятия, а в том, что не всегда эти мероприятия согласуются с объемом учебной и методической работы преподавателя в этот период и не редко отвлекают и снижают качество работы преподавателей. В связи с этим требуется уточнение, а в отдельных случаях и пересмотр норм планирования и учета труда военного преподавателя. В настоящее время планирование и учет труда профессорско-преподавательского состава ведется в соответствии с приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2005 года № 880. В нормы для расчета учебной работы есть необходимость дополнительно внести норму на индивидуальную работу с курсантами, которые имеют проблемы с успеваемостью (по причине болезни, недостаточной школьной подготовкой и т. д.). В нормы методической работы требуется внести уточнения необходимого времени для разработки учебно-методических материалов для проведения занятий по тактико-специальным дисциплинам, а также увеличения времени на переработку и постоянное обновление учебно-методических материалов по причине изменений ФГОС, квалификационных требований.

Учебная работа – это основное содержание деятельности военного преподавателя.

Качественно организованные и проведенные педагогом-профессионалом учебные занятия – гарант выполнения кадрового заказа. Наиболее сложными по подготовке и проведению являются занятия по тактико-специальным дисциплинам, они требуют от преподавателя не только педагогического мастерства, опыта служебно-боевой деятельности, но и тщательно продуманной методики. Высокое качество занятий может обеспечить наличие на кафедрах опытных методистов, старших преподавателей, которые имеют богатый опыт проведения подобных занятий в различных условиях обстановки. В этом плане, кроме работы с начинающими преподавателями, которая существует в ВООВО, наиболее эффективна система наставничества опытных методистов над начинающими и молодыми преподавателями.

Хочется обратить внимание на разные условия образовательной деятельности, прежде всего, учебной работы преподавателя дисциплин военно-профессионального профиля и преподавателя гуманитарных, юридических дисциплин. Преподаватель огневой подготовки, тактики служебно-боевого применения подразделений, инженерного обеспечения служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии большую часть учебного времени проводит с курсантами на стрельбище, учебном центре, в поле зимой и летом. Значительная часть времени преподавателями затрачивается на подготовку учебно-материальной базы и обучаемых к занятиям, не говоря уже об уровне ответственности за соблюдение требований безопасности при проведении занятий по стрельбе, с использованием боевой техники и имитационных средств. Вышеуказанные факторы не оказывают влияния на размер денежного содержания преподавателя дисциплин военно-профессионального профиля, хотя очевидно, что деятельность проходит в более сложных условиях, чем у других коллег по институту.

Методическая деятельность военного преподавателя – важнейшее направление, которое обеспечивает, прежде всего, эффективность учебной работы и занимает значительное время от 20 до 40 процентов. В этой работе необходимо выбрать главное, так анализируя методическую деятельность ряда высших учебных заведений был отмечен ряд проблем характерных и для ВООВО: «Существенные временные

затраты на разработку и постоянное обновление, актуализацию учебно-методических материалов, связанных с появлением новых версий ФГОС. Естественно, что качество этого методического контента зачастую не высокое» [4]. Главное в этом направлении сохранить на кафедрах «костяк» опытных методистов-преподавателей, которые владеют методикой подготовки и проведения всех видов занятий в различных условиях и способны передать этот опыт молодым преподавателем. Проблемными вопросами по методической деятельности является также высокая динамика образовательной деятельности, которая в полной мере не позволяет на кафедре, предметно-методической комиссии обсуждать все актуальные вопросы организации учебной и методической работы. Необходимо не акцентировать внимание преподавателей на точном выполнении требований по оформлению учебно-методических материалов, не загружать их механической работой по их переработке, а основные усилия сосредоточить на высоком содержательном уровне учебно-методических материалов и качестве проведения учебных занятий.

Научная деятельность – важнейшее направление в работе военного преподавателя. Оно совершенствует навыки в работе с литературой, информационными ресурсами, анализе и поиске необходимого материала. Формирует у преподавателя научное мышление, широкий кругозор. Научная деятельность является наиболее проблемной для военного преподавателя. Причин здесь несколько. Личностные, возраст в котором становятся военными преподавателями, как правило, в 35–40 лет, способности к научной деятельности, мотивация. Общегосударственные – это требование в наличии у каждого преподавателя ученой степени (ученого звания), ужесточение требований к материалам диссертационных исследований, количеству и научному уровню статей, усложнение защиты по причине сокращения количества диссертационных советов. Организационные, которые подразумевают недостаточное количество времени для работы над диссертационными исследованиями (за исключением очной адъюнктуры), общение с научными руководителями, большая часть из них работает в других вузах. Материальные затраты, связанные с организационными вопросами по причине защи-

ты диссертационных исследований у значительной части преподавателей в вузах по всей территории Российской Федерации. В этих условиях преподавателям, ведущим диссертационные исследования требуется поддержка на всех уровнях как моральная, так и материальная, прежде всего, предоставить время для работы и перспективу дальнейшего служебного роста при защите диссертации.

Анализ деятельности преподавателя в «погонах» показывает, что необходимо поднять престиж военного-преподавателя, заинтересованность в педагогической деятельности офицеров, проходящих службу в войсках. Чтобы большая часть офицеров, проходящих службу в войсках и территориальных органах, считала престижной и перспективной прохождение службы на должности профессорско-преподавательского состава, особенно кафедр дисциплин военно-профессионального профиля. Только в этом случае будет смысл проводить конкурс, когда на одно вакантное место будет несколько кандидатов. Стимулы должны быть различными и материальными и моральными:

- доплата за педагогическую деятельность, начиная с 5 лет педагогического стажа;

- выплаты преподавателям военно-профессиональных дисциплин за учебные занятия, проводимые в полевых условиях;

- назначение на должности профессорско-преподавательского состава дисциплин военно-профессионального профиля (огневой подготовки, военной топографии, инженерного обеспечения служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии, радиационной, химической и биологической защиты) офицеров, склонных к педагогической деятельности без высшей оперативно-тактической подготовки;

- создание преподавателям благоприятных условий для работы над диссертационными исследованиями.

Основной целью и стратегией должно быть формирование среды для военного педагога в которой бы происходило его формирование и совершенствование как профессионала, способного подготовить и воспитать офицера, патриота своей Родины, способного качественно выполнять служебно-боевые задачи, стоящие перед войсками национальной гвардии Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (Часть I). – Ст. 4159.

2. Квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации по военно-учетной специальности 370300 «Служебно-боевое применение соединений, воинских частей и подразделений войск национальной гвардии».

3. Квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам при назначении на должности профессорско-преподавательского состава, командования факультетов ВООВО войск национальной гвардии Российской Федерации от 23 мая 2019 года.

4. Москвина, Н. Профессиональная деятельность преподавателя вуза: ценностно-временные коллизии / Н. Москвина, Б. Фишман // Высшее образование в России. – 2020. – июль. – С. 152–144.

5. Громова, М. Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности: учебное пособие / М. Т. Громова. – Москва: Издательство Юнита-Дана, 2002. – 415 с.

* * *

FOMIN VLADIMIR IVANOVICH

Associate Professor

Associate Professor of the Department of Tactics of Service-Combat Use of Units

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SHESTAKOV ALEXEY SERGEEVICH

Head of Training Department

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

AMILITARY TEACHER IN THE MODERN ACADEMIC ACTIVITY

Abstract. There have regarded the job context and concerns of a military teacher s academic activity nowadays.

Keywords: military teacher, academic activity, knowledge, skills.

* * *

УДК 343.2

ЧУКИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт

войск национальной гвардии, г. Саратов)

СУБЪЕКТИВНАЯ ОШИБКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье исследуется содержание одного из аспектов, характеризующих субъективную сторону преступления – уголовно-правовую ошибку, то есть заблуждение лица относительно характера совершаемого им противоправного деяния и его последствий. В большинстве случаев, подобное заблуждение не влияет на уголовную ответственность. Вместе с тем на примере некоторых общественно опасных деяний, совершаемых военнослужащими, в зависимости от направленности умысла, показывается, что ошибка может оказывать влияние на квалификацию содеянного. Кроме того, отмечается, что исходя из принципа справедливости, действительное от-

сутствие осознания лицом противоправности деяния (извинительную ошибку) следует рассматривать как основание непривлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, юридическая ошибка, фактическая ошибка, принцип справедливости, военнослужащие, преступления против военной службы, уголовная ответственность.

Errare humanum est

Человеку свойственно ошибаться (лат.).

Среди всех элементов состава преступления, наиболее сложной, без преувеличения, следует признать его субъективную сторону – то есть психическую деятельность лица, которая непосредственно связана с совершением преступления.

Сложность эта проявляется в первую очередь в том, что установление отношения лица к совершенному им общественно опасному деянию представляется невозможным без тщательного установления всех мельчайших психических деталей, характеризующих его пред- и постделиктную деятельность, но наряду с этим, одновременно является ключевым для объективизации принципа вины и привлечения к уголовной ответственности.

Традиционно, рассматривая субъективную сторону преступления, теория уголовного права и практика применения уголовного закона изучают в первую очередь ее *признаки* – вину, мотив и цель преступления, а также эмоциональное состояние лица.

Между тем за пределами исследования часто остается анализ субъективного заблуждения лица относительно обстоятельств, характеризующих психологическое сопровождение принятия им решения на совершение общественно опасного деяния.

В доктрине уголовного права следует констатировать отсутствие единства мнений относительно терминологического определения субъективной ошибки: одни авторы понимают под этим заблуждение лица в фактических и юридических признаках деяния; другие – неверное представление о признаках (свойствах) содеянного; третьи – неверную оценку виновным своего поведения; четвертые – заблуждение относительно общественной опасности и противоправности деяния и пр.

Таким образом, аккумулируя эти представления, ошибку в уголовном праве, в самом общем виде, можно определить, как

заблуждение виновного лица относительно обстоятельств, характеризующих *признаки* уголовно наказуемого деяния.

Как правило, исследования, проводимые в данной области, сосредотачивают внимание на ошибках, допускаемых лицами, которые совершают общеуголовные преступления, обходя стороной военно-служебные отношения, что, на наш взгляд, представляется не вполне обоснованным и не учитывает специфику военной службы как особой обязанности по вооруженной защите Отечества, требующей более пристального внимания к квалификации воинских преступлений как одного из элемента их профилактики.

Теория уголовного права выделяет две разновидности уголовно-правовой ошибки: юридическую и фактическую.

Юридическая ошибка (или, как ее еще называют, ошибка в праве) представляет собой неправильное представление лица о правовой сущности или правовых последствиях совершаемого им деяния. Подобного рода ошибка может быть характерна для лиц с низким уровнем правосознания, который отличает военнослужащих по призыву, а также для граждан, поступающих на военную службу по контракту, из числа тех, кто не проходил военную службу по призыву.

Обычно выделяют четыре вида юридической ошибки: представление о деянии как о преступном, в то время, как оно не является преступлением; представление о деянии как о не преступном, в то время, как оно является преступлением; ошибка в квалификации; ошибка в наказании:

1. Представление лица о том, что совершаемое им деяние является правомерным, в то время, когда оно, на самом деле, является преступным. Например, военнослужащий полагает, что ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений по ст. 335 УК РФ [1, ст. 335] насту-

пает в том случае, если происходит физическое воздействие на потерпевшего – нанесение ударов, применение приемов борьбы и пр. Он уверен в том, что отсутствие физического контакта в виде насилия по отношению к сослуживцам делает его деяние не преступным, а переносит его в разряд дисциплинарных проступков. Между тем, анализ диспозиции ч. 1 ст. 335 УК РФ позволяет утверждать, что в качестве конструктивных признаков объективной стороны состава данного преступления, помимо насилия, выступает совершение деяния посредством унижения чести и достоинства, а также посредством издевательства над потерпевшим [2, с. 52–57; 3, с. 51–53].

По общему правилу, в данном случае подлежит применению общеправовой принцип *ignorantia juris semper nocet* – незнание закона не освобождает от ответственности.

Наряду с этим, существуют особенности привлечения к уголовной ответственности по ст. 335 УК РФ. Поскольку субъективная сторона данного преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, необходимо, чтобы лицо осознавало, что посягает на интересы военной службы, в частности, отношения, которые регулируются Общевоинскими уставами ВС РФ, предвидело, что в результате данным правоотношениям будет причинен вред (создана угроза причинения такого вреда), и желало этого. Между тем, в ряде случаев, достаточно сложно установить, действительно ли военнослужащий преследует целью нарушить воинский порядок посредством применения насилия к сослуживцам, а не делает это из каких-либо личных соображений.

Так, в качестве примера, можно привести случай рядового А., который в униженной форме требовал от другого военнослужащего исполнять личные просьбы и распоряжения, а за отказ избивал его. Военный суд указал, что данные действия были совершены виновным с целью утверждения своего мнимого превосходства, и из этого «логически» заключил, что они были направлены на нарушение уставных правил взаимоотношений, что следует квалифицировать по ст. 335 УК РФ. Между тем, с такой аргументацией, по мнению автора, можно согласиться с большой долей условности, поскольку лицо может и

не желать нарушить воинский порядок, а исходить из личных материально-гедонистических потребностей. Мыслится, что в таком случае, содеянное будет являться общеуголовным преступлением [4, с. 51–58].

Кроме того, Д. А. Дорогин, выделяет *извинительную* юридическую ошибку, которая представляет собой добросовестное заблуждение лица, и заключается в действительном отсутствии осознания субъектом уголовно-правового запрета, поэтому должна учитываться в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность [5, с. 76].

В качестве наглядного примера извинительной ошибки можно привести пример оценки военнослужащими ситуации при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [6, с. 90–96]. В соответствии со ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии РФ» [7], военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии предоставляется право применения оружия при задержании лиц, которые застигнуты при совершении деяний, содержащих признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающихся скрыться либо оказывающих вооруженное сопротивление. Между тем при несении службы бывает достаточно сложно провести быструю квалификацию преступного деяния, и отграничить одно преступление от другого в то время, как такая квалификация лежит в основе правомерности применения оружия [2, с. 89].

На наш взгляд, оценку подобного рода примеров как извинительной ошибки следует производить с позиции принципа справедливости как фундаментального общеправового и отраслевого уголовно-правового принципа [8, с. 64–68; 9, с. 45–47].

2. Второй вид юридической ошибки является антиподом первой и заключается в том, что лицо полагает, что совершает преступление в то время, как его деяние является не преступным.

Наиболее ярким примером является факт самовольной отлучки военнослужащим, (на срок нескольких часов), считающим, что совершает преступление, предусмотренное ст. 337 УК РФ, в то время, как уголовная ответственность начинается лишь по истечении двух суток. В другом

случае военнослужащий, потеряв военное имущество (обмундирование), полагает, что будет привлечен к ответственности за его утрату по ст. 348 УК РФ, не принимая во внимание, что в качестве предмета там будет выступать лишь вооружение, боеприпасы или предметы военной техники.

Данный вид юридической ошибки, кроме того, возможен в том случае, если лицо применяет уголовный закон по аналогии [10, с. 94–99], не задумываясь о том, что в соответствии со ст. 3 УК РФ, это является недопустимым. Например, ознакомившись со ст. 336 УК РФ – оскорбление военнослужащего, а также будучи осведомленным о том, что уголовное законодательство РФ содержит ряд других составов, связанных с оскорблением должностных лиц (ст. 297, 319 УК РФ), у лица может возникнуть ложное представление о том, что оскорбление любого гражданина будет являться уголовно противоправным.

Данный вид ошибки не оказывает влияния на уголовную ответственность.

3. Третий вид юридической ошибки связан с заблуждением в квалификации преступления. При этом злоумышленник понимает, что совершает уголовно наказуемое деяние, но ошибается относительно состава конкретного преступления. Например, военнослужащий приобретает для цели сбыта сильнодействующее вещество медицинского назначения (с анаболическими свойствами), но отождествляет его с наркотическим средством, и, в последующем реализовывая его путем продажи, уверен, что нарушает норму ст. 228 УК РФ в то время, как на самом деле в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 334 УК РФ.

4. Четвертый вид ошибки заключается в заблуждении относительно наказания, которое лицо несет за совершенное преступление. Совершая самовольное оставление части сроком свыше одного месяца, военнослужащий полагает, что может отделаться штрафом или условным сроком в то время, как санкция ч. 4 статьи 337 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет.

Второй разновидностью субъективной ошибки является **фактическая ошибка** – то есть неправильное представление лица относительно фактических обстоятельств, характеризующих объективные признаки состава преступления (объект и объективную сторону).

Выделяют четыре вида фактической ошибки; ошибка в объекте, ошибка в предмете, ошибка в личности и ошибка в признаках объективной стороны:

1. Ошибка в объекте. Многие военнослужащие, слабо разбираясь в отношениях подчиненности, полагают, что начальниками для них являются только те командиры, которые занимают прямую иерархию по своему должностному положению, то есть начиная с командира отделения и заканчивая Верховным главнокомандующим ВС РФ. Между тем, в соответствии со ст. 36 Устава внутренней службы ВС РФ [11], существуют также начальники по воинскому званию. В частности, для рядового, начальником по воинскому званию будут являться сержанты одной с ним воинской части, независимо от штатно-должностного положения. Незнание этого обстоятельства может привести к тому, что применяя насилие по отношению к такому сержанту, правомерно требующему выполнения какого-либо распоряжения, военнослужащий будет уверен, что совершает преступление, предусмотренное ст. 335 УК РФ – посягает на уставные правила взаимоотношений, а в действительности применяет насилие по отношению к начальнику (ст. 334 УК РФ), то есть посягает на порядок подчиненности.

2. Ошибка в предмете. Находясь на складе артиллерийско-технического вооружения, военнослужащий, воспользовавшись невнимательностью начальника склада, похищает из ящика с боеприпасами пачку патронов, полагая, что в ней находятся боевые патроны к автомату. В действительности же, похищенные патроны являются холостыми. В данном случае следует исходить из направленности умысла, в соответствии с которым лицо намеревалось украсть боевые патроны, что образует покушение на преступление, предусмотренное ст. 226 УК РФ – хищение боеприпасов и квалифицируется по совокупности со ст. 158 УК РФ – кража.

Если же он полагает, что похищает боеприпасы к одному виду оружия (например, автомату), а в действительности в украденной им пачке оказываются патроны к снайперской винтовке, то ответственность наступает только по ст. 226 УК РФ.

3. Ошибка в личности. Данный вид ошибки возникает в том случае, когда злоумышленник намеревается совершить посягательство на одного человека, но в дей-

ствительности, причиняет вред другому, например, перепутав в темноте одного военнослужащего с другим. Но в ряде случаев ошибка в личности может являться одновременно ошибкой в объекте, когда, думая, что применяет насилие по отношению к сослуживцу, он применяет его по отношению к начальнику.

4. Ошибка в признаках, относящихся к объективной стороне преступления. Можно выделить четыре разновидности такой ошибки:

а) ошибка в характере совершенно деяния.

Лицо считает свои действия не преступными в то время, как они являются уголовно наказуемыми. Например, военнослужащий по призыву полагает, что самовольное оставление части будет являться преступлением, если его продолжительность составляет трое суток, хотя, в соответствии с ч. 1 ст. 337, срок составляет двое суток. Этот вид заблуждения напоминает первую разновидность юридической ошибки.

В другом случае, лицо считает свои действия общественно опасными, но они таковыми не являются. Так, желая уклониться от исполнения обязанностей военной службы, военнослужащий делает себе инъекцию вещества, который считает опасным для здоровья, а в действительности являющегося безвредным. Содеянное, в таком случае, следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 339 УК РФ;

б) ошибка в средстве совершения преступления. Например, управляя служебным автомобилем при перевозке личного состава, военнослужащий допускает нарушение правил управления, в результате чего причиняется тяжкий вред здоровью третьим лицам. Он полагает, что в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, однако средством совершенного им общественно опасного деяния является военная техника, что подлежит квалификации по ст. 350 УК РФ;

в) ошибка в наступивших общественно опасных последствиях. Так, лицо, полагая что в личных вещах военнослужащего находится крупная сумма денег, крадет бумажник, но открыв его, видит, что он пустой, или же обнаруживает незначительную сумму. Содеянное в данном случае подлежит квалификации как покуше-

ние на кражу в крупном размере;

г) ошибка в развитии причинно-следственной связи. Лицо неправильно представляет себе причинно-следственную связь между совершенным им деянием и наступлением последствий. Так, затаив обиду на сослуживца, военнослужащий задумывает совершить его убийство. Нанеся несколько ударов тяжелым предметом по голове, и полагая, что потерпевший умер, злоумышленник, с целью скрыть преступление, кидает тело в реку. Однако, в действительности, смерть наступает от утопления. Поскольку последствие наступило не от тех действий, которые совершил виновный, желая наступление смерти, ответственность в таких случаях наступает за покушение на убийство и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) [12, с. 341].

В том же случае, если последствие непосредственно является результатом действий виновного, то его ошибка на квалификацию влияния не оказывает. Например, выстрелив в сослуживца, злоумышленник полагает, что тот мертв, и оставляет место происшествия. Однако смерть потерпевшего наступает от кровопотери. Содеянное в таком случае подлежит квалификации как убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ [12, с. 341].

Таким образом, подводя итог исследованию проблемных аспектов квалификации уголовно-правовой ошибки, следует отметить, что в отличие от фактической ошибки, юридическая ошибка может в ряде случаев исключать уголовную ответственность лиц, совершивших общественно опасное деяние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Чукин, Д. С. Правовые коллизии в части регулирования права военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление / Д. С. Чукин // Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 2. – С. 86–91.
3. Чукин, Д. С. Особенности квалификации насилия как способа совершения преступлений против военной службы / Д. С. Чукин, Д. Н. Фартуков // Военное

право: электронное научное издание. – URL: <https://www.voенноеправо.ru> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Чукин, Д. С. Некоторые аспекты разграничения дисциплинарного проступка, грубого дисциплинарного проступка и воинского преступления / Д. С. Чукин // Право в Вооруженных Силах. – 2021. – № 1. – С. 51–58.

5. Дорогин, Д. А. Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность / Д. А. Дорогин // Lex russica (Русский закон): научный юридический журнал. – URL: <https://www.lexrussica.ru> (дата обращения: 12.02.2021).

6. Муфаздалов, С. И. Модель эффективной системы общественной безопасности: социологический анализ / С. И. Муфаздалов // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2016. – № 4. – С. 90–96.

7. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2021).

8. Чукин, Д. С. Принцип справедливости и его реализация при усмотрении

правоприменителя / Д. С. Чукин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1. – С. 64–68.

9. Чукин, С. Г. Проблема справедливости в философском дискурсе постмодерна: специальность: 09.00.03: История философии: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Чукин Сергей Георгиевич; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2000. – 341 с.

10. Пронин, К. В. Применение аналогии в реализации судом дискреционных полномочий по уголовному делу / К. В. Пронин, Ю. В. Францифоров // Современное право. – 2009. – № 9. – С. 94–99.

11. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 47 (Часть 1). – Ст. 5749.

12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – Москва: Статут, 2012. – 341 с.

* * *

CHUKIN DMITRYI SERGEEVUCH

senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SUBJECTIVE ERROR AND ITS IMPACT ON THE CRIMINAL LIABILITY OF MILITARY PERSONNEL

Abstract. The article examines the content of one of the aspects that characterize the subjective side of the crime – a criminal error, that is, a person's delusion about the nature of the illegal act committed by him and its consequences. In most cases, such a misconception does not affect criminal liability. At the same time, on the example of some socially dangerous acts committed by military personnel, depending on the direction of intent, it is demonstrated that an error can affect the qualification of the act. In addition, it is noted that based on the principle of justice, the actual lack of awareness of the wrongfulness of the act by a person (an excusable error) should be considered as the basis for non-criminal liability.

Keywords: subjective side of the crime, legal error, factual error, the principle of justice, military personnel, crimes against military service, criminal liability.

* * *

УДК 378.14

ШАКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Саратовский военный орден Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

БАРБАКАРЬ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ

доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный орден Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КУРСАНТОВ ИНСТИТУТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КРИМИНОЛОГИИ

Аннотация. Предлагается методика применения средового и когнитивно-эволюционного подходов к реализации системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов на занятиях по криминологии. Дается краткое изложение дополнительного материала, включенного в курс криминологии, читаемого в Саратовском институте войск национальной гвардии РФ.

Ключевые слова: национальная гвардия России, информационно-правовое мировоззрение курсантов, междисциплинарные связи, когнитивно-эволюционный подход, технология скаффолдинга.

На войска национальной гвардии возлагается, в частности, выполнение такой задачи, как участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Состояние информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности на сегодняшний день характеризуется постоянным повышением сложности, увеличением масштабов и ростом скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры, усилением разведывательной деятельности иностранных государств в отношении России, а также нарастанием угроз применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности России [1, 2, 3]. Мы являемся свидетелями стремительно развивающегося кибертерроризма – относительно нового вида терроризма. Чтобы эффективно противостоять угрозам кибертерроризма, офицер ВНГ РФ должен владеть понятиями и элементами цифрового мира, технологиями цифрового мира эпохи третьей и четвертой промыш-

ленных революций. Будущие офицеры должны знать об особенностях преступности, терроризма и экстремизма цифрового мира, личностях преступников и преступных организаций, действующих в цифровом мире. Адекватный ответ ВНГ РФ на происки международного терроризма возможен не только благодаря техническому оснащению национальной гвардии и выучки ее офицеров. Информационно-правовое мировоззрение представляет собой такое качество офицера ВНГ РФ, которое вбирает в себя не только необходимые знания и умения в области права и информационных технологий, но и убежденность в необходимости борьбы с кибертерроризмом, понимание причин его возникновения и представление о последствиях возможных кибератак [4, 5].

Как показали проведенные исследования, процесс формирования ИПМ является сложным и длительным [6, 7]. На протяжении всех пяти лет обучения курсантам необходимо изучать различные аспекты борьбы с кибертерроризмом, быть готовым к противостоянию с его проявлениями.

Высокого уровня сформированности ИПМ можно добиться лишь на пути междисциплинарного подхода к обучению будущих офицеров ВНГ РФ [8]. В настоящей работе мы коснемся лишь некоторых аспектов применения принципа междисциплинарности в организации учебного процесса в Саратовском военном институте ВНГ РФ.

Процесс формирования ИПМ курсантов начинается с профессионально-ориентированной подготовки по информатике и математике. На занятиях по информатике курсанты военных вузов получают первый опыт, развивающий способность будущих офицеров уверенно действовать в современной информационной среде, ориентироваться в потоках информации, добывать и обрабатывать ее, владеть навыками использования информационных технологий. На занятиях по математике курсанты овладевают азами математической статистики, необходимой им, в частности, для прогнозирования результатов кибератак террористов всех категорий. В настоящее время в образовательной программе специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» дисциплина «математика» отсутствует. Поэтому мы вынуждены для курсантов, принимающих участие в экспериментальных исследованиях, добавить в программу дисциплины «информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности» (далее – информатика) элементы математики. В частности, элементы нечетких множеств. Дополнительный материал затем используется для формирования ИПМ на занятиях по криминологии. Программа учебной дисциплины «криминология» также претерпевает некоторые изменения, которые соответствуют требованиям образовательного стандарта специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» и выделяются высоким уровнем междисциплинарности, выражающейся включением в программу дисциплины элементов правовой информатики и правовой статистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно, целью изучения информатики является приобретение курсантами базовых знаний и практических навыков, позволяющих им эффективно применять информационные технологии для решения служебно-боевых задач в сфере профессиональной деятельности.

Информатика входит в информационно-правовой цикл как базовая дисциплина. В процессе изучения информатики курсанты получают теоретические знания и приобретают практические навыки, необходимые им для успешного усвоения большинства дисциплин основной образовательной программы и для эффективного осуществления служебно-боевой деятельности офицера ВНГ РФ с использованием современных информационных технологий.

Информатика призвана для оснащения курсантов необходимым инструментом решения различных служебных задач с использованием высоких технологий: работы в локальной и глобальной компьютерных сетях, самообучения в современных компьютерных средах, организации автоматизированного рабочего места, использования методов и средств обеспечения информационной безопасности с целью предотвращения несанкционированного доступа, злоумышленной модификации или утраты информации, составляющей государственную тайну и иной служебной информации, навыками компьютерной обработки служебной документации, статистической информации и деловой графики, работы с геоинформационными, информационно-поисковыми и информационно-справочными системами и базами данных, используемыми в профессиональной деятельности.

Предлагаемое авторами статьи расширение учебной программы информатики оправдано как стратегическими целями военного образования, так и соображениями методического свойства. С одной стороны, неизбежное для офицеров ВНГ РФ противостояние с международным кибертерроризмом требует от них владения особыми знаниями и приемами. С другой стороны, информатика входит в число дисциплин, выбранных авторами для решения поставленных перед ними педагогических задач. Расширение учебной программы информатики осуществляется за счет добавления в программу дисциплины специальных вопросов из таких областей, как правовая информатика, правовая статистика и математика.

Для выстраивания междисциплинарных связей между информатикой и криминологией, по мнению авторов статьи, в курс информатики следовало бы ввести такие понятия математики, как: генераль-

ная и выборочная совокупности, ряды распределений и др.

Для эффективного применения когнитивно-эволюционного подхода с привлечением технологии скаффолдинга в процессе преподавания криминологии необходимые курсантам знания подразделяются нами на четыре категории: оперативные знания (знания, приобретенные курсантами на более ранних стадиях обучения), транслируемые знания (информация, доведенная до курсантов преподавателем в начале занятия), актуальные знания (знания, которые курсанты могут приобрести в процессе работы над предложенной им задачей), потенциальные знания (те знания, доступ к которым для курсантов затруднен в настоящее время, но оказывается вполне возможным впоследствии).

Криминология соответствует второй фазе формирования ИПМ, поэтому применение технологии скаффолдинга должно мотивировать курсантов к выбору активных адаптаций как аккомодационного, так и ассимиляционного типа [2].

Таким образом, перед преподавателем, ведущим занятия по криминологии, ставится триединая задача:

- снабдить курсантов предметными знаниями и умениями;
- снабжая курсантов мета-предметными знаниями и умениями, развивать в них информационно-правовое мировоззрение;
- мотивировать курсантов к выбору активных адаптивных стратегий в использовании высоких технологий при решении предметных учебных задач.

Перед началом занятия преподаватель формулирует основные учебные вопросы:

- 1) изучение структуры и методов правовой статистики;
- 2) анализ комплекса статистических показателей оценки криминальных явлений;
- 3) исследование возможности применения компьютерной программы SPSS в процессе проведения многомерного статистического анализа в криминологии;
- 4) изучение методов множественного регрессионного и кластерного анализов и освоение их применения с помощью компьютерной программы SPSS.

После знакомства курсантов с необходимым материалом, традиционно относящимся к правовой информатике и правовой статистике, им предлагается проанализировать какую-нибудь конкретную ситуацию, связанную с применением ки-

бероружия. Например, события 2007 года, когда израильская армия опробовала форму ведения кибервойны с Сирией. Военным хакерам из Израиля удалось тайно внедрить «троянский вирус» в код программного обеспечения сети сирийской противовоздушной обороны, благодаря чему израильтяне получили возможность управлять системой противовоздушной обороны противника. Курсантам было предложено рассмотреть возможные альтернативные варианты развития событий и дать оценку, в том числе и политическую, рассматриваемого конфликта. Применение технологии скаффолдинга выразилось в том, что преподаватель, не раскрывая весь ход рассуждений, подводил курсанта к разумному выбору подходящей адаптивной стратегии типа «ассимиляция» или «аккомодация».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В настоящей работе представлен лишь один эпизод применения средового и когнитивно-эволюционного подходов к реализации системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов. Эффективность применения указанных подходов во многом определяется удачной организацией междисциплинарных связей. Для формирования ИПМ высокого уровня необходимо выстраивать множественные междисциплинарные связи, в которые оказываются вовлеченными учебные дисциплины из разных образовательных блоков [2, 8, 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова, Л. В. Развитие готовности будущего специалиста по защите информации к ситуационному управлению информационной безопасностью / Л. В. Астахова, И. В. Земцов // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 1. – С. 33.
2. Шакин, Д. А. Реализация системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов на занятиях по дисциплинам юридического цикла / Д. А. Шакин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1. – С. 161–168.
3. Галаев, С. В. Подготовка информатиков-юристов / С. В. Галаев // Высшее образование в России. – 2007. – № 5. – С. 78–79.

4. Зотов, А. А. Проектный подход в обучении курсантов военных вузов / А. А. Зотов // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – 2017. – С. 52–55.

5. Дудкин, Ю. А. Приоритетные организационно-педагогические условия формирования правового мировоззрения курсантов в вузах МВД России / Ю. А. Дудкин // Педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 16–23.

6. Дудкин, Ю. А. Особенности формирования правового мировоззрения сотрудников полиции в вузах МВД России / Ю. А. Дудкин // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 1 (65). – С. 179–186.

7. Гаврилова, С. Г. Сформированность профессионального мировоззрения будущих военных специалистов как компонента комплексной готовности / С. Г. Гаврилова С. В. Манецкая // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 86–91.

8. Галаев, С. В. Междисциплинарные учебно-методические комплексы как результат и средство информационного взаимодействия в информационно-коммуникационной предметной среде / С. В. Галаев, А. В. Букушева // Информатика и образование. – 2008. – № 4. – С. 113–115.

9. Александрова, Е. А. Гуманизация образовательной среды / Е. А. Александрова, М. В. Григорьева, Ю. В. Селиванова, Е. А. Плешкевич. – Саратов: Наука, 2019. – С. 160.

* * *

SHAKIN DMITRYI ALEKSEEVICH

Adjunct of Adjunct studies (full-time and part-time studies)

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

BARBAKAR ALEKSEY GEORGIEVICH

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INFORMATIONAL AND LEGAL WORLDVIEW OF CADETS OF THE INSTITUTES OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CLASSROOM ON CRIMINOLOGY

Abstract. The method of application of environmental and cognitive-evolutionary approaches to the implementation of the system of formation of informational-legal worldview of cadets in criminology classes is proposed. A brief summary of the additional material included in the criminology course read at the Saratov Institute of the Russian National Guard Troops is given.

Keywords: National Guard of Russia, informational and legal worldview of cadets, interdisciplinary communications, cognitive-evolutionary approach, scaffolding technology.

* * *

УДК 378.14

ШАКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧадъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)**ЦЕНЦЕРЯ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**кандидат педагогических наук
заместитель начальника кафедры военной педагогики и психологии
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

МЕТОД КЕЙСОВ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ В ИНСТИТУТАХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ

Аннотация. Предлагается методика применения метода кейсов к реализации системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов на занятиях по военной педагогике.

Ключевые слова: национальная гвардия России, информационно-правовое мировоззрение курсантов, военная педагогика, когнитивно-эволюционный подход, метод кейсов.

Учебная дисциплина «Военная педагогика» выполняет две основные функции – воспитательную и образовательную. Воспитательный процесс в военном вузе характеризуется постоянством взаимодействия с курсантами на протяжении всего периода их обучения. Военная педагогика является своего рода кульминацией воспитательного процесса. В процессе изучения военной педагогики курсанты не только испытывают на себе эффект педагогического воздействия, но и приобретают необходимые знания и опыт для дальнейшей самостоятельной воспитательной деятельности во вверенных им подразделениях. Воспитание курсанта направлено, прежде всего, на формирование мировоззрения защитника Отечества. Рост киберпреступности, а главное, рост «передового отряда» киберпреступности – кибертерроризма, вносит свои коррективы в понимание содержания мировоззрения офицеров национальной гвардии. Наличие враждебных угроз применения кибератак делает актуальным формирование ИПМ курсантов на протяжении всего их обучения в институте ВНГ РФ. В настоящей статье показывается, каким образом можно использовать метод кейсов для формирования ИПМ на занятиях по военной педагоги-

ке. Суть применения метода кейсов заключается в том, что курсантам предлагается дать профессиональную оценку конкретным киберпреступлениям. Курсант становится виртуальным участником представленной кейсом ситуации. Он как бы непосредственно переживает произошедшие в реальности события. При этом курсант не только совершенствует свою профессиональную подготовку, но и принимает непосредственное участие в формировании собственного информационно-правового мировоззрения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проектирование учебной дисциплины «Военная педагогика» осуществляется с учетом имеющихся содержательно-методических связей с военной психологией, методикой и организацией боевой подготовки и т. д. Для изучения военной педагогики необходимы знания психологических особенностей военнослужащих, психологии воинского коллектива, основ воспитания и обучения военнослужащих, а также основ тактики боевого применения подразделений. С учетом сформулированной во введении проблемы, от курсанта дополнительно требуется понимание важности борьбы с кибертерроризмом,

умение использовать высокого уровня технологии, необходимые для этой борьбы, а также осознание всей тяжести возможных последствий кибератак со стороны международного терроризма [1, 2, 3]. На занятиях по военной педагогике все перечисленные выше признаки ИПМ курсантов совершенствуются. При этом, будущий офицер не только совершенствуется в области противостояния кибертерроризму сам, но и приобретает готовность способствовать росту ИПМ своих потенциальных подчиненных, а если понадобится, то и росту ИПМ широких слоев населения. В первую очередь, своей уязвимой ее части – молодежи.

Мы предлагаем включить в программу курса военной педагогике ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к формированию ИПМ. Объем дополнительного материала должен составлять не менее четырех академических часов. Дополнительная учебная информация должна содержать сведения о потенциале социальных сетей, блогов и Интернет-СМИ, ответственных за ведение информационной войны, в которую оказалась вовлечена РФ. Курсантам должен быть хорошо известен набор возможностей Интернет-сервисов для воздействия на мнения людей. Будущие офицеры после изучения соответствующих вопросов будут еще лучше осознавать наличие все возрастающей угрозы безопасности РФ, исходящей от ее информационных противников.

Стремительное развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное влияние на все сферы нашей жизни [4, 5, 6]. Постепенно информационное пространство становится «параллельным измерением», реальной виртуальностью состояния жизни общества, которая отличается, с одной стороны, большей свободой, мобильностью, оперативностью, а с другой стороны – меньшей ответственностью. Наличие «другой стороны» может способствовать расширению угроз индивидуальной, коллективной и национальной безопасности, которые по своим масштабам сопоставимы с угрозами применения обычного оружия или даже оружия массового уничтожения [1, 2, 7].

Для реализации задачи формирования ИПМ на занятиях по военной педагогике, как нам видится, с успехом может быть использован «кейс-метод», или, как он еще называется, «метод конкретных ситуаций» (МКС). В настоящее время в научном мире дано несколько определений данного

метода. Это определяется разнообразием его применения в различных сферах профессиональной деятельности. Одни исследователи определяют МКС как метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций (решение кейсов). Другие – как технику обучения, использующую описание реальных экономических, социальных и бизнес ситуаций. Суть метода кейсов заключается в использовании информации, заложенной в различного рода ситуациях, историях или случаях из профессиональной деятельности. Кейс представляет собой реальную проблемную ситуацию, взятую из соответствующей профессиональной области.

После знакомства с необходимым материалом, иллюстрирующим суть кибертерроризма, курсантам предлагается проанализировать какую-нибудь конкретную ситуацию, связанную с применением кибероружия. Настоящая статья содержит описание двух кейсов. Первый кейс включает события 2007 года, когда израильская армия опробовала форму ведения кибервойны с Сирией. Военным хакерам из Израиля удалось тайно внедрить «тройанский вирус» в код программного обеспечения сети сирийской противовоздушной обороны, благодаря чему израильтяне получили возможность управлять системой противовоздушной обороны противника. Второй кейс демонстрирует явную роль интернет-технологий в событиях «Арабской весны». Благодаря их влиянию перевороты в Египте и Тунисе получили название твиттер- и фейсбук-революций. Протестующие общались между собой, используя социальные сети. Благодаря социальным сетям, им удавалось проводить антиправительственную агитацию и втягивать все больше новых участников в протестные движения.

Курсантам было предложено рассмотреть возможные альтернативные варианты развития событий и дать оценку, в том числе и политическую, рассматриваемым конфликтам. После анализа предложенных им кейсов, курсанты ответили на следующие вопросы:

1. Кто являлся организатором представленных в примерах кибератак?
2. Можно ли квалифицировать применение интернет-технологий во втором кейсе как акт кибертерроризма?
3. Можно ли было, и каким образом, противостоять кибер-действиям израильской армии со стороны Сирии?
4. Какие превентивные меры необходимо

принимать ВНГ РФ, чтобы противостоять проидам международного кибертерроризма?

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В настоящей работе представлен лишь один эпизод применения метода кейсов к реализации системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов. Эффективность применения указанных подходов во многом определяется удачной организацией междисциплинарных связей. Для формирования ИПМ высокого уровня необходимо выстраивать множественные междисциплинарные связи, в которые оказываются вовлеченными учебные дисциплины из разных образовательных блоков [2, 8, 9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахова, Л. В. Развитие готовности будущего специалиста по защите информации к ситуационному управлению информационной безопасностью / Л. В. Астахова, И. В. Земцов // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 1. – С. 33.

2. Шакин, Д. А. Реализация системы формирования информационно-правового мировоззрения курсантов на занятиях по дисциплинам юридического цикла / Д. А. Шакин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1. – С. 161–168.

3. Галаев, С. В. Подготовка информатиков-юристов / С. В. Галаев // Высшее образование в России. – 2007. – № 5. – С. 78–79.

4. Зотов, А. А. Проектный подход в обучении курсантов военных вузов / А. А. Зотов // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – 2017. – С. 52–55.

5. Дудкин, Ю. А. Приоритетные организационно-педагогические условия формирования правового мировоззрения курсантов в вузах МВД России / Ю. А. Дудкин // Педагогический журнал. – 2017. – № 2. – С. 16–23.

6. Дудкин, Ю. А. Особенности формирования правового мировоззрения сотрудников полиции в вузах МВД России / Ю. А. Дудкин // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 1 (65). – С. 179–186.

7. Гаврилова, С. Г. Сформированность профессионального мировоззрения будущих военных специалистов как компонента комплексной готовности / С. Г. Гаврилова, С. В. Манецкая // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 86–91.

8. Галаев, С. В. Междисциплинарные учебно-методические комплексы как результат и средство информационного взаимодействия в информационно-коммуникационной предметной среде / С. В. Галаев, А. В. Букушева // Информатика и образование. – 2008. – № 4. – С. 113–115.

9. Александрова, Е. А. Гуманизация образовательной среды / Е. А. Александрова, М. В. Григорьева, Ю. В. Плешкевич. – Саратов: Наука, 2019. – С. 160.

SHAKIN DMITRYI ALEKSEEVICH

Adjunct of Adjunct studies (full-time and part-time studies)

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

TSENTSERIA SERGEY VLADIMIROVICH

Candidate of Pedagogical Sciences

Deputy Head of the Department of Military Pedagogy and Psychology

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

THE CASE METHOD IN THE ORGANIZATION OF TRAINING SESSIONS ON MILITARY PEDAGOGY AT THE INSTITUTES OF THE RUSSIAN NATIONAL GUARD

Abstract. The method of application of the case method to the implementation of the system of formation of informational and legal worldview of cadets in the classroom on military pedagogy is proposed.

Keywords: National Guard of Russia, cadets' information-legal worldview, military pedagogy, cognitive-evolutionary approach, case method.

УДК 342.951

ШИШКИНА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ДОРОГИН РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент
преподаватель кафедры конституционного и административного права
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ

Аннотация. Авторами проводится анализ действующего российского законодательства в сфере организации деятельности лицензионно-разрешительных органов. В статье рассматривается исторический аспект зарождения и развития структуры по контролю оборота гражданского оружия и частной детективной и частной охранной деятельности в государстве в целом и истоки работы данных подразделений в Саратовской области. Проводится разбор требований, предъявляемых к гражданам, желающим приобрести гражданское оружие. Рассматриваются особенности предоставления государственной услуги по лицензированию оружия в современных условиях и перспектива развития данного направления.

Ключевые слова: лицензионно-разрешительная система, лицензия, оружие, частное охранное предприятие.

Применение разрешительных мер в регулировании оборота оружия и взрывчатых веществ, а также в контроле за частной детективной и охранной деятельностью на всех этапах исторического развития Российского государства являлось одной из эффективных форм правоприменительной деятельности по защите государства и общества от деятельности повышенной опасности в сфере общественного порядка. Вопросы важности применения контролируемых мер в данной области привели к необходимости создания государственной лицензионно-разрешительной системы.

Лицензионно-разрешительная система – это правоприменительная деятельность компетентных государственных органов, связанная с выдачей лицензий и разрешений на занятие деятельностью, предусмотренной нормативно-правовыми актами, и последующим надзором за соблюдением правил и условий осуществления разрешенной деятельности. Данная деятель-

ность устанавливает определенный порядок правоотношений, возникших при обороте гражданского оружия, предметов и веществ, на которые установлен особый режим пользования, а также частной детективной и охранной деятельности.

Первое упоминание о появлении огнестрельного оружия на Руси относится к середине четырнадцатого века. Начиная с этого периода стали появляться нормативно-правовые положения, которые определяли порядок хранения, ношения оружия и меры наказания за нарушение данных правил. Конечно, в данный исторический период не было официального государственного органа, который занимался бы выдачей лицензий, разрешений и контролем за использованием оружия гражданскими жителями государства. Но постепенно стали появляться отдельные органы власти, которые отвечали и выдавали лицензии на тот или иной вид деятельности, в том числе и на использование оружия. Занимались этим должностные лица пра-

воохранительных органов Российской империи. Первый законодательный акт, рассматривавший вопросы контроля над оружием, был подписан Петром I 14 февраля 1700 года «О ношении остроконечных ножей» [16, с. 11], потому что «в ссорах и в драках и во пьянстве такими ножами друг друга режут до смерти, а воры и нарочно ходят с такими ножами по ночам, для своего воровства и людей режут и убивают». Запретительные меры Петра I коснулись и взрывчатых веществ. 28 февраля 1700 года он издал Указ «О наблюдении за торговыми людьми города Самары, чтобы они вина, пороху и других заповедных товаров и беглых людей на Яик не привозили» [4]. Таким образом, в данное время появились зачатки государственного регулирования оборота гражданского оружия и взрывчатых веществ.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [18] (ст. 986–987) предусматривало уголовную ответственность за незаконное производство, изготовление, торговлю и хранение боевого оружия и боеприпасов к нему. Право на ношение оружия предоставлялось лишь тем лицам, у которых оружие входило в состав обмундирования (к примеру, военные, полицейские), которым оно необходимо в целях самообороны, когда их жизни грозит непосредственная опасность. Кроме этого, разрешалось ношение оружия, если это обязательно в силу обычая, законом не запрещенного или в целях охоты либо занятия спортом. Охота запрещалась лицам, состоящим под надзором полиции и лицам, нарушившим правила об охоте.

Но вплоть до революции лицензионно-разрешительная система Российской Федерации была развита слабо. Основным направлением ее деятельности был контроль над оружием. Для того чтобы приобрести и иметь право хранить оружие в дореволюционный период к гражданам предъявлялись несложные требования: не состоять на учете в полиции и быть психически здоровыми. Действующее законодательство той эпохи разрешало гражданам иметь короткоствольное огнестрельное оружие и огнестрельное оружие для охоты или занятия спортом.

В то время лицензию на приобретение оружия выдавали генерал-губернатор, губернатор или градоначальник, они же могли лишать права пользования оружием за его неосторожное или неправомерное ис-

пользование, но при этом оружие изымалось полицией. Оружие было доступно всем сословиям, и контроль над его хранением и использованием велся очень слабо и практически не осуществлялся. Отсутствие должного контроля в царской России над распространением оружия, привело к большой его концентрации у населения, то есть порождало причины, способствующие осложнению оперативной обстановки [4].

Серьезная необходимость изъятия огнестрельного оружия, которое в избытке скопилось у населения в Первую мировую и Гражданскую войны, возникла в двадцатые годы двадцатого века. Это было приоритетной задачей государственного аппарата Советского государства. В эти годы: «...росту насилия благоприятствовали широкое распространение и доступность оружия, которое находилось в личном пользовании» [3], а также возникшее у многих за годы Первой мировой войны желание и привычка использовать его. Советское государство, в период своего становления, уделяло данному вопросу серьезное внимание. Причем порядок изъятия у населения оружия был законодательно закреплен. Так, например, статья 933 Декрета Совета Народных Комиссаров «О сдаче оружия» [3] обязала: «Все население и учреждения гражданского ведомства сдать находящиеся у них все исправные и неисправные винтовки, пулеметы и револьверы всех систем, патроны к ним и шашки всякого образца». При этом «все выданные до сих пор разрешения на хранение оружия считались недействительными». «За укрывательство оружия, задержку сдачи его или противодействие сдаче виновных подвергать наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет» [3]. Оружие не отбиралось только у членов партии по представлению комитетов РКП(б), но они могли иметь не более одной винтовки и одного револьвера. При этом оружие не обезличивалось, а каждая единица закреплялась за владельцем. Контроль над хранением и использованием огнестрельного оружия осуществлялся военно-революционными комитетами и чрезвычайными комиссиями. В начале 20-х годов к выполнению контрольной функции стала привлекаться и милиция. Данная мера способствовала повсеместной сдаче оружия и, одновременно, формированию лицензионно-разрешительных орга-

нов в милицейской системе. Благодаря их работе обеспечивалась государственная безопасность, обеспечивалось нормальное функционирование объектов повышенной опасности и предупреждались правонарушения в обществе.

С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [8] в лицензионно-разрешительную систему Советского государства кроме административной ответственности вводится и уголовная, которая в дальнейшем усиливается. Развитию лицензионно-разрешительной системы Советского государства способствовали принятые в 1927 году постановления ВЦИК и СНК, которые распределяли компетенцию структурных подразделений административных отделов и соответствующих органов ОГПУ в данной сфере.

В тридцатые годы в сфере лицензионно-разрешительной деятельности расширяются полномочия милиции в области контроля не только за оборотом огнестрельного оружия, но и за соблюдением правил открытия полиграфических предприятий, порядка отпуска и продажи печатных машин, шрифтов, множительных аппаратов. Был установлен новый порядок приобретения, хранения и использования охотничьего и спортивного оружия, боеприпасов к нему, отпуска взрывчатых и детонирующих веществ. Милиция осуществляла надзор: 1) за своевременным продлением сроков разрешений на право хранения и ношения оружия; 2) за ношением оружия только лицами, для которых это вызвано служебной необходимостью; 3) за исключением возможности пользования оружием душевнобольными. За их несоблюдение оружие у граждан изымалось.

В период Великой Отечественной войны деятельность органов внутренних дел в части лицензионно-разрешительной системы осуществлялась в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 года [10]. Все граждане были обязаны сдать имеющееся в личном пользовании огнестрельное нарезное и гладкоствольное оружие, а также холодное оружие в органы милиции и местные Советы. Лица, не сдавшие в срок оружие и боеприпасы, подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 182 УК РСФСР. В послевоенный период в Советском государстве происходило много преобразований в нормативно-правой сфере, которая регламен-

тирует деятельность милиции по осуществлению разрешительной системы. Был издан ряд постановлений и распоряжений Совета Министров СССР и РСФСР, в основном касающихся изменения порядка приобретения оружия. Так, Постановлением Совета Министров СССР от 11 мая 1959 года № 478 «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» [12] свободная продажа охотничьих гладкоствольных ружей была отменена.

Лицензионно-разрешительная система Советского государства целенаправленно развивалась, постепенно разрешая возникающие проблемы, связанные с использованием гражданами оружия. Сложности проявлялись в том, что не сформировался еще единый подход к организационному обеспечению разрешительной системы органов внутренних дел. Лицензионно-разрешительная деятельность была возложена на аппарат всей милиции, но по факту данную деятельность выполняли подразделения оперативных служб, уголовного розыска и БХСС.

Не хватало четкой правовой регламентации деятельности лицензионно-разрешительной системы. С принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [7] данный вопрос был более или менее урегулирован. В соответствии с данным Указом были определены субъекты разрешительной системы, одним из которых являлась административная служба милиции.

На всех исторических этапах развития Российского государства деятельность органов лицензионно-разрешительной системы, а также их предшественников, являлась одной из эффективных форм правоохранительной деятельности и способствовала поддержанию общественного порядка в стране, упорядочению системы оборота гражданского оружия. Подразделения лицензионно-разрешительной системы органов внутренних дел стали неотъемлемым самостоятельным звеном в структуре милиции (а затем полиции) и постоянно обеспечивают повседневные задачи, связанные с охраной общественного порядка и борьбы с преступностью.

Официальной датой создания подразделений лицензионно-разрешительной работы и контроля за частной детективной и охранной деятельностью в органах внутрен-

них дел Российской Федерации считается 12 февраля 1969 года. Именно в этот день приказом МВД СССР от 12 февраля 1969 года № 054 [5] в Управлении административной службы милиции был создан 4-й отдел, на который возлагались функции по осуществлению разрешительной работы.

С принятием Советом Министров СССР 23 июля 1975 г. Постановления № 646 «Об установлении единого порядка приобретения, учета и хранения охотничьих ружей» [19] наметилась тенденция к расширению объема работы милиции в сфере разрешительной системы. Именно с этого времени подразделения лицензионно-разрешительной работы в системе органов внутренних дел стали как самостоятельные структурные подразделения ГУООП.

В конце 80-х годов двадцатого века в компетенцию лицензирующих органов стал входить контроль за частными охранными организациями. Первые частные охранные структуры в СССР появились в период перестройки, после подписания закона № 8998-ХІ «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 года [2]. Охранная деятельность не была отражена или регламентирована в тексте закона, однако на практике проявлялась в оказании «охранными кооперативами» защиты личной безопасности клиента и его интересов в частном порядке, в соответствии с договорами. Альтернативой частной охране является ведомственная охрана, действующая на основании Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» [9].

В Саратовской области группа по вопросам разрешительной системы создана в апреле 1991 года в составе трех инспекторов, а уже в 1992 году в УВД области организуется отделение по лицензионно-разрешительной работе и контролю за частной детективной и охранной деятельностью в составе 6 сотрудников. Начальником отдела был назначен Косенков Александр Юрьевич. К 2004 году отдел расширился до 10 сотрудников, в 2006 г. – до 13 сотрудников. Непосредственно с момента создания указанного подразделения его личным составом проводилась работа, направленная на усиление контроля за оборотом огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и материалов, а также деятельностью частных охранно-сыскных структур на обслуживаемой территории. Проводится целенаправленная работа по

организации добровольной сдачи незаконно хранящихся предметов вооружения [10].

В апреле 2016 года в России создана Федеральная служба войск национальной гвардии, одной из задач которой стал федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной и детективной деятельности. Таким образом, лицензирующие полномочия перешли от подразделений МВД в Росгвардию [15]. В настоящее время обязанность Росгвардии и ее территориальных органов по осуществлению контрольных полномочий закреплена в пунктах 22 и 23 части первой статьи 9 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [11].

Сотрудники лицензионно-разрешительных отделов Росгвардии вправе привлекать к административной ответственности за нарушения правил оборота гражданского оружия (ст. 20.8–20.15 КоАП РФ) и за незаконное осуществление частной охранной деятельности (ст. 20.16 КоАП РФ). В случае обнаружения нарушений в указанной сфере сотрудники Росгвардии полномочны осуществлять производство по данным административным правонарушениям и назначать наказания в виде штрафов, конфискации оружия и патронов у владельцев оружия. И эта работа приносит реальный результат.

Можно выделить ряд задач, которые решают органы лицензионной работы по контролю за оборотом оружия. В число таких задач входит обязанность отслеживания целевого применения оружия. Это означает, что оно должно быть применено только по назначению. Разрешительная система на оружие также предотвращает случаи хищения или утрат стволов и патронов. Правила оборота оружия прописаны одновременно несколькими законодательными актами разных уровней. В задачи системы входит контроль над соблюдением этих правил. Под оборотом же подразумевается не только купля и продажа вооружения, но и его производство, хранение, ношение и транспортировка. Лицензионно-разрешительная служба имеет дело не только с вооружением. В круг ее полномочий входит регулирование деятельности частных охранных предприятий, а также частных детективных агентств. Так как целью создания разрешительной си-

стемы считается обеспечение безопасности, то отсюда вытекает немаловажная задача – пресечение правонарушений, связанных с применением оружия.

Сегодня в Российской Федерации на учете состоит более 4,5 млн. человек, у которых на руках порядка 7,3 млн. единиц оружия, из них около 7 млн единиц – это гражданское, 150 тыс. – боевое стрелковое, 94 тыс. – служебное и около 3 тыс. единиц – холодное оружие. Росгвардией осуществляется контроль за деятельностью 20 подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и ведомственной охраны, в которых охранные функции выполняют более 300 тыс. работников. По направлению лицензионно-разрешительной работы оказывается более 25 видов госуслуг, большинство из которых в электронном виде. Росгвардия является регулятором в сфере оказания частных детективных и охранных услуг [17].

Нагрузка на сотрудников лицензионно-разрешительной системы огромная, но Росгвардией постоянно предпринимаются усилия по оптимизации предоставления услуг по лицензированию оружия и частной охранной и детективной деятельности, особенно в современных условиях пандемии. Во-первых, подача заявлений и всех необходимых документов осуществляется в электронном виде. Во-вторых, готовые документы можно получать в местах предоставления государственных услуг в установленные дни и часы. Посещение рекомендуется осуществлять по предварительной записи посредством «Единого портала государственных и муниципальных услуги (функций)» или по телефонам подразделений, которые размещены на сайтах территориальных органов Росгвардии, что снижает вероятность долгого стояния в очереди. Электронная система Росгвардии способна оперативно обрабатывать значительные массивы информации.

Согласно Федерального закона «Об оружии», лицензия на приобретение оружия не выдается гражданам:

- не достигшим возраста 18 лет;
- не представившим медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к владению оружием, связанных с нарушением зрения, психическим заболеванием, алкоголизмом или наркоманией (но есть часть заболеваний, которые неочевидны, связаны с постоянным стрессом или зрелым возрастом и могут быть выяв-

лены только в ходе тщательного исследования);

- имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно;
- отбывающим наказание за совершенное преступление;
- совершившим повторно в течение года административное правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность или установленный порядок управления, либо административное правонарушение в области незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ;
- не имеющим постоянного места жительства;
- не представившим в лицензионно-разрешительную систему документов о прохождении соответствующей подготовки навыков безопасного обращения с оружием;
- лишенным по решению суда права на приобретение оружия;
- состоящим на учете в учреждениях здравоохранения по поводу психического заболевания, алкоголизма или наркомании [6].

По истечении сроков действия разрешительных документов (выдается, как правило, на 5 лет), осуществляется продление, в установленном порядке.

В современных условиях экономического, социального и геополитического развития общества значительно обострилась проблема правового регулирования оборота оружия. Существует два мнения относительно данной проблемы: о необходимости свободного приобретения оружия, так как существует конституционно закрепленное в ст. 45 Конституции РФ право человека и гражданина на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом, и о необходимости более строгого ограничения права на приобретение оружия, ввиду большой опасности использования оружия в целях криминального характера.

К несчастью, нелегальные арсеналы могут быть в распоряжении преступных или экстремистских группировок. Количество владельцев оружия только растет, так как граждане, таким образом, повышают уровень своей безопасности и самообороны. Однако в связи с тем, что люди, получающие лицензию на приобретение оружия, могут обладать недостаточной готов-

ностью, а также иметь противопоказания обладания оружием, Росгвардия ужесточает правила выдачи лицензий и контроль над применением оружия для предотвращения неблагоприятных последствий, выявляет случаи незаконного приобретения и владения оружием. Кроме того, нередко случаи переделывания обычного пневматического пистолета, продающегося без всяких лицензий, в боевое оружие. Как оказалось для умельцев это не столь сложно. В свое время с изготовлением «самострелов» прекрасно справлялись не только матерые уголовники, но и обычные работники, и даже подростки. Но и вопрос легального владения оружием должен быть на постоянном контроле. Большое количество нападений с применением оружия совершается людьми, имеющими официальное разрешение на оружие. Охотники, стрелки в тире или на стрельбищах, коллекционеры редких экземпляров и просто любители пострелять все чаще оказываются виновными в преступлениях с применением оружия.

По данным многолетних исследований Института психологии российской академии наук, за последние два десятилетия у россиян больше чем в 2 раза повысился уровень агрессии, и в соответствии с этим в 2 раза уменьшилась склонность к сочувствию и сопереживанию [1]. Естественно наибольшую опасность будут вызывать такие люди, если в руки им попадет оружие.

Итак, конечно боевое оружие в свободном доступе в России отсутствует, но зато законопослушные, не пьющие, не употребляющие наркотики и психически здоровые россияне обладают возможностью приобретения гражданского оружия. Но, оно тоже может быть летальным, и с его применением довольно часто совершаются преступления. Нередки случаи, когда предметом бытовых преступлений является гражданское оружие, находящееся в легальном пользовании у жителей страны, которые зачастую внешне являются вполне адекватными, правопослушными, несудимыми и невызывающими опасений даже у близкого окружения.

Так называемая «мода» на оружие в российском обществе не прекращается, а в определенных кругах все более набирает обороты, и это обстоятельство не может не влиять на характер правового регулирования оборота оружия. Как источник повышенной общественной опасности оружие

должно находиться под постоянным контролем государства, а его особый правовой режим должен предполагать ограничения, необходимые для обеспечения общественной безопасности.

Итак, регулирование оборота оружия и взрывчатых веществ, а также контроль за частной детективной и охранной деятельностью является одной из эффективных форм правоохранительной деятельности и способствует поддержанию общественного порядка в стране. Такие функции возложены на подразделения лицензионно-разрешительной работы. На сегодняшний день это проверенная временем и четко отлаженная система государственного контроля, насчитывающая в своих рядах тысячи квалифицированных сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрессия в цифрах: кто, где и почему обижает других / ред. П. Потаповой. – URL: www.the-village.ru (дата обращения: 06.03.2021).
2. О кооперации в СССР: закон от 26 мая 1988 года № 8998-ХІ // Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. – URL: <https://www/li.rubussr> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Известия. 1918 г. № 278. 19 декабря // Известия. Электронный архив (DA-IZV) (дата обращения 06.03.2021).
4. Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2004. – 797 с.
5. Об объявлении дня лицензионно-разрешительной работы: приказ МВД СССР от 12 февраля 1969 года № 054 // Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. – URL: <https://www/li.rubussr> (дата обращения: 06.03.2021).
6. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. – URL: <http://www.consullant.ru/document/> (дата обращения: 06.03.2021).
7. Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1973. – № 24. – Ст. 309.
8. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. – URL: <http://www.consullant.ru/document/>

www.consullant.ru/document/ (дата обращения: 06.03.2021).

9. О ведомственной охране: федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ // Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. – URL: <https://www.li.rubussr> (дата обращения: 06.03.2021).

10. О военном положении: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик // Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. – URL: <https://www.li.rubussr> (дата обращения: 06.03.2021).

11. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. – Москва: Проспект, 2020. – 48 с.

12. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства: Постановление Совета Министров СССР от 11 мая 1959 года № 478. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик // Самый полный интернет-архив: 20 000 документов с 1917 по 1992 гг. – URL: <https://www.li.rubussr> (дата обращения: 06.03.2021).

13. О наблюдении за торговыми людьми города Самары, чтобы они вина, пороху и других заповедных товаров и беглых людей на Яик не привозили: Указ от 28 фев-

раля 1700 года. – URL: <https://www.samaratoday.ru/history/28-february> (дата обращения: 03.03.2021).

14. Отдел по лицензионно-разрешительной работе и контролю за частной детективной и охранной деятельностью милиции общественной безопасности. УВД по Саратовской области // 40 лет подразделениям лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел Российской Федерации; под общей редакцией Заместителя начальника ДООП МВД России Л. В. Веденова.

15. Официальный портал Росгвардии. – URL: <https://www.rosguard.gov.ru/> (дата обращения: 03.03.2021).

16. Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание Первое. – Том 4 (1700–1712 гг.).

17. Получение разрешения на оружие. Пошаговая инструкция. – URL: <https://www.pravonasilu.ru/oruzhie/oformlenie/licenzionno-razreshitelnaya-sistema.html> (дата обращения: 04.03.2021).

18. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н. С. Таганцев. – 1886. – 714 с.

19. Об установлении единого порядка приобретения, учета и хранения охотничьих ружей: Постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1975 г. № 646. – URL: <http://www.consullant.ru/document> (дата обращения: 06.03.2021).

SHISHKINA ELENA VASILYEVNA

Control Candidate of Law

Associate Professor of the Department of Instrumentation and Control

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

DOROGIN ROMAN VLADIMIROVICH

Control Candidate of Law, Associate Professor

Lecturer of the Department of Instrumentation and Control

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

LICENSING AND PERMITTING SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY OF CREATION AND DEVELOPMENT

Abstract. The author analyzes the current Russian legislation in the field of organizing the activities of licensing and permitting bodies. The article examines the historical aspect of the origin and development of the structure for controlling the circulation of civilian weapons and private detective and private security activities in the state as a whole and the origins of the work of these units in the Saratov region. An analysis of the requirements for citizens wishing to acquire civilian weapons is being carried out. The features of the provision of state services for licensing weapons in modern conditions and the prospects for the development of this direction are considered.

Keywords: Licensing system, license, weapons, private security company.

УДК 369.012.2

БОЛДЫРЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

преподаватель кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Анализируются различные теории организационной культуры, определяются их недостатки и преимущества. В статье раскрывается интеграция ранее представленных идей, обосновывается современная сущность организационной культуры как социального явления.

Ключевые слова: культура, организационная культура, социология, организация, ценности, базовые нормы, стратегические принципы.

Рассмотрим подходы к исследованию организационной культуры классиков социологической науки. Ценности, познанные, разделяемые, а также декларируемые работниками представляют собой ключевую систему, от которой зависит не только сплоченность работников, но и совокупное единство взглядов и служебно-трудовых действий. В настоящее время ценности, с одной стороны, представляют отправную базу организационной культуры, с другой – обеспечивают оптимизацию достижения «целей организации» [1, с. 39].

В. Л. Добраев, исследуя проблему организационной культуры, отмечает, что данный феномен проявляется не только на уровне ценностей, но и иных атрибутов культуры, принадлежащих социальной системе организации, и отражающих не только формальные, но и неформальные социально-трудовые отношения «участников организации» [2, с. 239]. Здесь рассматривается наиболее широкий контекст социально-культурных отношений в организации в рамках организационных норм, стандартов, а также ценностей [3]. Обосновывается возможность частичного отождествления культуры организации с системой провозглашаемых ценностей персонала. Сюда включаются артикулированные (объявляемые формальными субъектами во всеуслышание), а также специфические (объявляемые и обоснованные отдельными группами на микроуровне) [4]. Социологи акцентируют внимание на том, что организационная культура характеризуется как

материальной, духовной, так и социальной формой проявления. Подчеркивается, что социальное в организационной культуре, с одной стороны, отличное от первоначально природного, некоторого экономического и психологического, с другой стороны – это совместное социально-коллективное событие в среде персонала, действия и взаимодействия в отдельных социально-трудовых группах, совокупных общностях, системных сообществах в контексте «их жизни и деятельности» [5, с. 53].

В рамках данных разработок обосновано, что организационная культура представляет собой социологическое явление, характеризующееся системой норм, ценностей, правил, убеждений. Культуру организации принято рассматривать как паттерн организационных (коллективных) представлений, формально разрабатываемых и продвигаемых в целях адаптации к трансформациям внешней социальной среды внутренних процессов, эффективность которых представляется необходимой для обеспечения конкурентных преимуществ [6, с. 32]. Культура проявляется в рамках деятельности всякой организации, в том числе и военного типа. В рамках общетеоретического подхода акцентируется внимание на том, что «символизм» представляет собой универсальную форму проявления характеристик организационной культуры. Категория «символ» определяется как социокультурный знак, определяющий единообразное, общее представление социальной реакции. Поэтому культу-

ра организации зависима и влияет на общее культурное пространство организационного социума [7, с. 139]. Последнее характеризуется социальными нормами, типовыми ценностями, принципами, убеждениями, манерой поведенческих практик [8, с. 46]. Здесь «символ» – это социальная культурная произвольная, формирующаяся в процессе передачи информации и обучения, достижения взаимного понимания, согласия трудовых агентов, использующих данные знания в процессе реализации социальных коммуникаций.

Персонал организации, осуществляя межличностные социально-культурные коммуникации друг с другом, демонстрирует символические практики «слов, жестов и действий» [9, с. 329]. В данном контексте Э. Гофман доказывает, что социальную природу организационной культуры следует отождествлять с определенным набором поведенческих социально-трудовых стереотипов, взаимоотношений и взаимодействий работников. Уточнение социальной природы организационной культуры позволило выявить базовые компоненты культуры организаций разного типа. Э. Гофман обращает внимание на то, что наряду с общеорганизационными ценностями к данному явлению необходимо отнести язык, обычаи, а также традиции и ритуалы, которые провозглашаются и которых стремятся придерживаться работники организации [10].

Делается вывод о том, что организационная культура определяет социальную атмосферу, своеобразный климат организационного взаимодействия акторов. Культура характеризует определенные обычаи, трудовые процедуры взаимодействия «в организации» [11, с. 277]. В качестве недостатка выше представленных подходов, надо отметить их оторванность от процессов трудового взаимодействия персонала организации. Д. Шустерман частично устраняет данный недостаток. Он доказывает необходимость исследования культуры организации в процессе ее деятельного проявления в рамках трудового взаимодействия работников. Он констатирует, что всякая организационная культура представляет собой не только систему ценностей, норм, знаний, принципов, разделяемых членами организации, но и практики реализации данных системных компонентов. При этом допускается, что во всякой организации имеют место собственные «субкультуры» [12, с. 10]. Ряд теоретиков представляет аналогичный подход. Так, С.

С. Фролов приходит к выводу о том, что организационная культура – это, прежде всего, совокупность поведенческих практик, а затем уже символы, ценности, ритуалы, мифы. Здесь организационная культура только на начальном этапе рассматривается как набор идей, ценностей, а также норм. Окончательно данный феномен проявляется в трудовых поведенческих практиках. Поэтому и сама организационная культура – это специфический комплекс субкультур, зависящих от преобладающей и доминирующей в определенное время «культуры и не противоречащих ей» [13, с. 123].

Таким образом, в рамках общетеоретической социологической доктрины организационная культура имеет двойственное проявление. С одной стороны, организационная культура – это набор формально зафиксированных и усвоенных служащими (персоналом) ценностей, норм, знаний, принципов. Комплекс «ценностей» базово характеризует всякую организационную культуру. Они закрепляются в результате профессиональной деятельности и поведения руководства, имеют целевое и произвольное влияние на всех работников организации. С другой стороны, организационная культура – это коммуникационные и трудовые практики работников. Культура проявляется не только в языке общения (устный, письменный, невербальный), но и в деятельных практиках, системе трудового взаимодействия работников. Здесь важным является исследование того, как сотрудники выполняют собственные профессиональные обязанности, как они их оценивают и рассматривают, как относятся к клиентам организации, к поставленным целям и задачам. В совокупности организационная культура определяет стиль профессионального поведения сотрудников, практические способы достижения эффективности не только труда отдельных работников, но и организации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суховарова, М. Ценности как ключевой элемент организационной культуры / М. Суховарова // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 39–44.
2. Добраев, В. Л. Организационное поведение / В. Л. Добраев. – Москва: Дело и сервис, 2002. – 413 с.
3. Homans G. The Human Group. N.Y., Burlingame: Harcourt, Brace & World, 1950. – 484 p.

4. Deal T. E., Kennedy A. A. Corporate Cultures. – Reading (Mass.) etc.: Addison-Wesley, 1982. – 232 p.

5. Капитонов, Э. А. Корпоративная культура: теория и практика / Э. А. Капитонов, Г. П. Зинченко, А. Э. Капитонов. – Москва: Альфа-Пресс, 2005. – 350 с.

6. Шейн, Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн. – Москва; Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 330 с.

7. Капитонов, Э. А. Корпоративная культура: стратегическое направление развития социально-трудовых отношений / Э. А. Капитонов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 190 с.

8. Соломанидина, Т. О. Организационная культура компании / Т. О. Соломанидина. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 624 с.

9. Ионин, Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – Москва: Логос, 2000. – 430 с.

10. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. – N.Y.: Doubleday, 1959. – 173 p.; Goffman E. Interaction Ritual. Hawthorne, N.Y.: Aldine, 1967. – 270 p.

11. Мескон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – Москва: Вильямс, 2016. – 665 с.

12. Шустерман, Д. В культуре России очень много магического / Д. Шустерман // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 7–12.

13. Фролов, С. С. Социология организации / С. С. Фролов. – Москва: Гардарики, 2001. – 382 с.

* * *

BOLDYREV ALEKSEY NIKOLAEVICH

Lecturer of the Department of cars, armored weapons and equipment

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE SUBJECT FIELD OF THEORETICAL SOCIOLOGY

Abstract. Various theories of organizational culture are analyzed, their disadvantages and advantages are determined. The conclusion reveals the integration of previously presented ideas and substantiates the modern essence of organizational culture as a social phenomenon.

Keywords: culture, organizational culture, sociology, organization, values, basic norms, strategic principles.

* * *

УДК 331.33

БЫЧЕНКО ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

доктор социологических наук, профессор,

профессор кафедры гуманитарных и социальных наук

(Саратовский военный орден Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

МЕХАНИЗМ КАК СИСТЕМА, ПРИВОДЯЩАЯ В ДВИЖЕНИЕ ПРОЦЕСС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теорий механизма. Совершенствование рыночных отношений предусматривает становление новой системы механизма инновационного развития человеческого потенциала. Данный социально-экономический механизм имеет двойственное проявление: 1) это сложный комплекс, обеспечивающий регулирование всей системы общественного воспроизводства; 2) это ряд систем, приводящих в движение процессы инновационного развития человеческого потенциала.

Ключевые слова: механизм, социальное воспроизводство, человеческий потенциал.

Исследование и обобщение содержания социально-экономического механизма предусматривают необходимость конкретизации самого понятия механизма. В современных условиях необходима эффективная стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, ее регионов и организаций. В рамках данной стратегии должны разрабатываться системные элементы социально-экономического механизма развития человеческого потенциала. На основе Генеральной схемы пространственного развития Российской Федерации, механизмов развития капитала должны планироваться размещение объектов производства, развитие и размещение зон различного экономического назначения, развитие территорий объектов здравоохранения, образования, науки, культурного наследия и других территорий особого регулирования, предусмотренных законодательством.

На междисциплинарном уровне механизм принято рассматривать как систему, абстрактное внутреннее устройство, определяющее порядок реализации какого-либо процесса или действия. В своих исследованиях Л. Гурвиц, Р. Майерсон, Э. Маскин рассматривают социально-экономический механизм в контексте формального моделирования передачи информации в экономических системах и процессах. С. Измалков представил сущность механизма как модели трансляции информации, превращение ее из одной формы в другую, выявил условия совместимости стимулов.

Исследователи рассматривают содержательные стороны социально-экономического механизма с различных позиций.

Первая группа исследователей – Ю. Быченко, А. Бужинский, В. Палия, В. Казикаева акцентирует внимание на том, что конкретный социально-экономический механизм представляет собой компонент хозяйственного механизма общества. При этом ученые подчеркивают, что хозяйственный механизм, как и частные социально-экономические механизмы, имеют общие черты и проявления. Социально-экономический механизм как элемент хозяйственного механизма характеризует форму использования объективных экономических законов, отождествляется с системой производственных экономических отношений, организационно-производственных отношений. В этом контексте со-

циально-экономический механизм конкретизируется экономической формой планирования и регулирования развития определенного экономического явления. Реализация функционирования механизма связывается с наличием системы хозяйственных рычагов или системы организации воздействия на социально-экономическую систему для достижения необходимых целей.

Таким образом, исследователями первой группы всякий механизм рассматривается в рамках функционирования общественного хозяйственного механизма. Для нас важен вывод авторов о том, что социально-экономический механизм характеризует форму использования объективных экономических законов и закономерностей.

В. Палия, А. Бужинский, В. Казикаева обращают внимание на анализ целевого регулирования через управленческие инструменты. Недостаток данного подхода заключается в отсутствии комплексного подхода. Авторы рассматривают отдельные компоненты механизма. Объединительная методология здесь отсутствует. Частично преодолены данные недостатки в рамках второй группы исследований.

Вторая группа исследователей рассматривает социально-экономические механизмы на различных уровнях хозяйствования. Они допускают их автономное рассмотрение и связывают механизм с системами, приводящими в движение экономику общества, региона, отдельной организации, ее подсистем.

В. Медведев, Л. Абалкин, О. Ожерельев предлагают хозяйственные механизмы и его системные социально-экономические компоненты рассматривать как системы, приводящие в движение экономику, а на уровне организации это совокупность подсистем: линейной, функционально-обеспечивающей, программно-целевой. «Хозяйственный механизм – это совокупность организационных структур и конкретных форм хозяйствования, методов управления и правовых норм, с помощью которых общество использует экономические законы с учетом конкретно складывающейся обстановки» [7, с. 529].

Данный подход конкретизируется и уточняется Л. Абалкиным, который подчеркивает, что хозяйственный механизм, как и всякий социально-экономический его компонент, – это сложное и многоплановое понятие, которое отражает как внут-

ренные процессы функционирования экономики, так и ее взаимодействие с производительными силами и надстройкой общества. Эффективное функционирование хозяйственного механизма предполагает его всестороннюю научную обоснованность. Формы и методы хозяйствования должны выбираться на базе научных принципов и закономерностей социально-экономического развития.

Для нас важен вывод авторов о том, что хозяйственный механизм на разных общественных уровнях направлен и определяет целевые социально-экономические изменения в обществе. Деятельность всякого хозяйственного механизма осуществляется на основе сознательных, целенаправленных усилий, в том числе и прежде всего через управленческие инструменты планирования, проектирования, программирования. Дополнительными компонентами хозяйственного механизма исследователи определяют: структуру общественного управления, формы организации хозяйственных связей, систему мотивации и стимулирования труда.

Л. Абалкин доказывает, что хозяйственный механизм в абстрактной форме можно рассматривать как способ реализации человеческого и материального потенциала социально-экономической системы на различных уровнях хозяйствования. Несложно заметить, что реализация человеческого потенциала социально-экономических систем общества и определяет процесс его капитализации (т.е. превращения человеческого потенциала в человеческий капитал).

Таким образом, исследователи данной группы всякий социально-экономический механизм рассматривают как компонент хозяйственного механизма общества. Социально-экономический механизм в абстрактной форме представляется как способ реализации потенциала социально-экономической системы на различных уровнях хозяйствования.

Здесь представляется синтезирующий подход, что позволяет авторам представить обобщенную характеристику социально-экономического механизма. Последний в данном контексте объединяет две функции: целевого регулирования через управленческие инструменты и саморегулирования через формирование определенных формальных и неформальных норм взаимодействий хозяйственных субъектов.

Структура хозяйственного механизма и его отдельных социально-экономических компонентов включает в себя инструменты планирования, проектирования, программирования. Она характеризуется двумя важнейшими системными компонентами: подсистемой организационно-экономических отношений или отношений, обеспечивающих общественные взаимосвязи; подсистемой организационного опыта, психологического климата, нормами, правилами, привычками, традициями [1, с. 213, 2]. Убедителен вывод авторов о том, что в рамках компонента планирующего воздействия на субъекты хозяйствования по мере развития общества возрастает значение инструментов саморегуляции. Возрастает роль базовых ценностей работников, культурной и социальной составляющей регулирующего воздействия. В современных условиях: «Многие мероприятия, прогрессивные с точки зрения экономики и назревшие политически, могут не дать желательных результатов (и даже привести к отрицательным последствиям) в силу незрелости общественного сознания» [1, с. 212].

Третья группа исследователей находится на позициях управленческой интерпретации процессов деятельности всякого хозяйственного и социально-экономического механизма. Исследователи подчеркивают, что хозяйственный механизм проявляется в совокупности организационных структур и конкретных форм хозяйствования, методов управления и правовых норм, с помощью которых общество использует экономические законы с учетом конкретно складывающейся обстановки. «Сущность всякого механизма (и управленческого в том числе) предполагает наличие составных частей (системных элементов), определенным образом связанных между собой и влияющих друг на друга... В механизмах управленческого типа всегда должен присутствовать основной силовой элемент, являющийся аккумулятором основной энергии и оказывающий воздействие на другие элементы механизма» [3, с. 108].

Таким образом, в рамках третьего подхода акцент в исследовании делается на совокупности организационных структур, методов регулирования, формирования правовых норм, с помощью которых общество использует экономические законы в целях достижения определенного разви-

тия социально-экономических систем и их компонентов.

Авторы также обращают внимание на то, что в рамках механизма необходимо выделять компоненты целевого планирования и регулирования, а также компоненты саморегулирующего институционального воздействия (как сеть самоорганизующихся информационно-решающих центров). Здесь институты хозяйствования и субъекты хозяйствования представляют собой важнейший компонент саморегуляции. Социально-экономический механизм должен включать в себя «хозяйствующих субъектов с присущими им механизмами хозяйствования и присущими всей системе общественными хозяйственными институтами, регулирующими деятельность хозяйствующих субъектов» [6, с. 61].

Обобщая вышепредставленные подходы, несложно заметить, что в различных современных научных исследованиях представляются различные методологические подходы к анализу социально-экономических механизмов. В обобщенном социально-экономическом контексте механизм определяет систему компонентов, направленных на осуществление процесса достижения определенных социально-экономических изменений в обществе.

По сути, социально-экономический механизм – это набор системных компонентов, способных или осуществляющих целевые воздействия на процесс, явления или систему. Исследователи представляют «механизм развития экономики», «механизм функционирования экономики», «механизм трансформационного процесса», «механизм институциональных изменений», «институциональный механизм», «механизм создания капитала», «механизм институционального развития», «механизм регулирования процесса социально-экономического развития», «социальный механизм институционализации интересов».

Обобщая различные подходы к исследованию механизмов, можно сформулировать синтезирующий подход к категории «социально-экономический механизм», как двойственного системного понятия. С одной стороны, это внутреннее устройство, приводящее в действие ряд компонентов системы. С другой стороны, это сама система, определяющая порядок какого-нибудь вида деятельности, направленного на достижение определенного результата.

Второй подход наиболее приемлем для

формулирования социально-экономического проявления механизма. Поэтому в абстрактной интерпретации под механизмом мы будем понимать систему регулирующих компонентов, предназначенную для преобразования движения, направленного на достижение определенного социально-экономического результата.

Всякий хозяйственный механизм, как и социально-экономический, призван определять достижение заранее поставленной цели, его деятельность не является стихийным процессом. Функционирование механизма связано с целевым управленческим регулированием, а также саморегулирующим воздействием субъектов хозяйствования. Последние саморегулируются, «с одной стороны, соответствующими общественными институтами (формальными и неформальными правилами игры), а с другой – социальным статусом и культурными особенностями акторов: органов управления, организаций, групп, индивидов (т.е. интересами и возможностями игроков)» [4, с. 199].

Основываясь на данном подходе, можно утверждать, что сущность всякого механизма (и социально-экономического в том числе) предполагает наличие составных частей (системных элементов), определенным образом связанных между собой и влияющих друг на друга. Деятельность социально-экономического механизма направлена на достижение определенных целевых результатов.

Необходимо подчеркнуть, что в социально-экономических механизмах всегда должен присутствовать основной (составляющий основу) воздействующий элемент, являющийся аккумулятором изменения и развития, оказывающий основное воздействие на другие элементы механизма. «Механизм – это особого рода сложная социально-экономическая система, обеспечивающая регулирование того или иного процесса развития» [8, с. 6].

В состав любого механизма в широком смысле входят конкретные социально-экономические субъекты, реализующие определенный вид деятельности. Всякий социальный механизм направлен на развитие того или иного явления, те или иные социальные и экономические институты, формирующие конкретные социально-экономические условия определенной активности, а также общественную потребность [5, с. 87].

Таким образом, хозяйственный механизм общества включает в себя множество специфичных социально-экономических механизмов. Определение социально-экономического механизма по многим параметрам соответствует определению хозяйственного механизма. Хозяйственный механизм – это сложный комплекс, обеспечивающий регулирование всей системы общественного воспроизводства. Одновременно хозяйственный механизм имеет множество социально-экономических механизмов, определяющих регулирующее воздействие на развитие отдельных системных компонентов общества (в том числе и в форме человеческого потенциала). Поэтому социально-экономический механизм развития человеческого потенциала один из таких механизмов.

Всякий хозяйственный механизм общества, как и его социально-экономические компоненты (конкретные социально-экономические механизмы), имеют общие сущностные черты:

1. Данные механизмы представляют собой системы, приводящие в движение определенные социально-экономические явления. Деятельность механизма направлена на достижение заранее установленных социально-экономических целей.

2. Системы всякого социально-экономического механизма связаны и взаимосвязаны между собой. При этом системы механизма состоят из системного субъекта (лиц, разрабатывающих и реализующих регулирующие воздействия), системного объекта (лиц, на которых направлено регулирующее воздействие), а также системных компонентов (конкретных форм хозяйствования, экономических рычагов, инструментов и стимулов, организационной структуры хозяйственных органов, технологий регулирующего воздействия, методов оценки и диагностики результатов деятельности механизма).

3. Системы экономических отношений механизма в процессе хозяйственной деятельности связаны с реализацией определенных инвестиций, капитальных вложений, финансовых и кредитных ресурсов. Данные ресурсы в конечном итоге направ-

ляются на обеспечение реализации развития определенных социально-экономических явлений, на достижение их качественного и количественного роста, получение выручки, повышение уровня экономической эффективности деятельности тех или иных социально-экономических систем.

4. Деятельность всякого социально-экономического механизма основывается на действии определенных объективных экономических законов и закономерностей, отождествляемых с системой производственных экономических отношений, организационно-производственных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин, Л. И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества / Л. И. Абалкин. – Москва, 1973.
2. Абалкин, Л. Бегство капитала: природа, формы, методы борьбы / Л. И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1998. – № 7. – С. 4–21.
3. Быченко, Ю. Г. Управление развитием человеческого капитала / Ю. Г. Быченко. – Саратов, 2005.
4. Заславская, Т. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации / Т. Заславская. – Москва: Дело, 2004.
5. Косалс, Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов: сравнительный анализ советского и постсоветского периодов / Л. Я. Косалс // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 3–4. – С. 85–96.
6. Осипов, Ю. М. Основы теории хозяйственного механизма / Ю. М. Осипов. – Москва, 1994.
7. Политическая экономия / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев [и др.]. – Москва, 1988.
8. Рывкина, Р. В. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества / Р. В. Рывкина, Л. Я. Косалс // Известия СО АС СССР. Серия экономики и прикладной социологии. – 1996. – Вып. 3. – № 12. – С. 4–17.

BYCHENKO YURI GRIGORYEVICH

Doctor of Sociology, Professor,

Professor of the Department of Humanitarian and Social Sciences

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SOCIAL AND ECONOMIC MECHANISM IN THE SUBJECT FIELD OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article is devoted to the consideration of the socio-economic mechanism. Improving market relations provides for the establishment of a new system of the mechanism of innovative development of human potential. This socio-economic mechanism has a dual manifestation: 1) it is a complex complex that ensures regulation of the entire system of social reproduction; 2) this is a series of systems that set in motion the process of innovative development of human potential.

Keywords: socio-economic mechanism, sociological research, social reproduction, regulation.

* * *

УДК 316.62

ВОРОЖЕЙКИН СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ
адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье проведен теоретический анализ проблематики саморегуляции и прогнозирования поведения личности в отечественной и зарубежной психологии. Рассмотрены актуальные теоретические подходы и эмпирические исследования в области психологии саморегуляции и прогнозирования поведения личности.

Ключевые слова: саморегуляция, поведение, активность, деятельность, отношение, сознательность, условия деятельности, эталон поведения.

«То, что мы, люди, представляем собой, зависит, прежде всего, от ситуации. Нас нельзя отделить от тех обстоятельств, в которых мы оказываемся, ибо они формируют нас и определяют наши возможности».

Жан-Поль Сартр

«Управляй своим настроением, ибо оно если не повинуется, то повелевает»

Гораций

Изучение процессов саморегуляции и социального прогнозирования поведения личности является перспективной областью изучения современной психологии. На данный момент существует большое количество подходов к пониманию саморегуляции, отчасти это связано с семантическими особенностями этого понятия. Саморегуляция характеризует целесообразное функционирование живых систем, позволяющее устанавливать рав-

новесие между организмом и миром, в котором он существует [4, с. 8].

Проблема способности индивида к регуляции собственных психических процессов и состояний всегда являлась одной из центральных в психологии. Саморегуляция имеет колоссальную важность для человека, а большая часть социальных проблем и конфликтов, так или иначе связаны со слабым контролем собственного поведения.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМАТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Предтечей к изучению саморегуляции как в отечественной, так и в мировой истории, стала идея русского ученого физиолога И. П. Павлова, в которой он определил человека как саморегулирующуюся систему, саму себя направляющую, поддерживающую, воспитывающую и совершенствующую. Эта идея позже легла в канву последующих психологических исследований, посвященных саморегуляции.

Первые научные исследования по вопросам психической саморегуляции как специфического процесса появились, вместе с активным развитием психофизиологии. Так, в работах физиолога И. М. Сеченова, опирающихся на положение французского физиолога К. Бернара, о принципе саморегуляции живых систем, выдвинуто предположение о том, что саморегуляция не нуждается в наличии особого психического образования, а осуществляется непосредственно через работу нервных центров, связанных с сознанием. В 1866 году Сеченов в своей работе «Физиология нервной системы» высказывает идею о саморегуляции и обратных связях, которая позже привела его к понятию о сигнале как регуляторе поведения.

Выдающийся советский психолог Л. С. Выготский указывал на возникновение произвольной регуляции у детей в процессе общения и совместной деятельности со взрослыми. Такая саморегуляция осуществляется объединением различных психических функций в единую функциональную систему, выполняющую регуляцию деятельности или какого-то психического процесса. Выготский, вводит в схему индивидуального поведения новые переменные, придающие каждому из его актов «инструментальное» значение. По его мнению в знаках, символах, оперируя которыми индивид преобразует психическую структуру, данную природой, в аппарат саморегуляции своих поступков, записаны как история культуры, так и способы социального взаимодействия [1, с. 332]. В след за Л. С. Выготским другой советский психолог В. К. Калин, рассматривал саморегуляцию как проявление самосубъектных отношений такой активности, которая направлена не на внешний мир или других людей, а на самого себя [2, с. 39].

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ

С началом периода так называемой «оттепели» во второй половине XX века, в отечественной психологии начался заметный сдвиг в исследовательской деятельности посвященной саморегуляции. Этим исследованиям предшествовало изучение изолированных процессов регуляции таких, как ориентировка человека в условиях деятельности в русле концепции поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, психологические особенности внутреннего плана действий Я. А. Пономарева, роль обобщений и рефлексивно-теоретического осмысления условий окружающей действительности [3, с. 59].

Отечественный психолог, специалист в области познавательных процессов, Б. Ф. Ломов говорил о регуляции как об универсальном механизме «настраивания» психической жизнедеятельности на адекватное отражение и отношение к действительности. «Роль психических процессов в деятельности, – отмечал он, – в том и состоит, что они, являясь процессами отражения действительности, обеспечивают ее регуляцию: ее адекватность предмету, средствам и условиям. Иначе говоря, основные функции психики в деятельности – когнитивная и регулятивная» [16, с. 215].

Основоположица советской патопсихологии Б. В. Зейгарник, рассматривала саморегуляцию как принцип организации человеческой деятельности, основанный на сознательном управлении собственным поведением, включающий операционально-технический уровень и мотивационные компоненты. Самой главной задачей она считала обучение человека самостоятельно справляться с трудностями и эффективно регулировать свое поведение.

К. А. Абульханова-Славская, отмечала, что: «Саморегуляция, как гибкий, целостный, индивидуализированный механизм обеспечивает процессуальную регуляцию деятельности, купирует внутренние трудности, рассогласования психических составляющих, мобилизует психологические и личностные резервы» [8, с. 56]. Она считала, что субъект в процессе саморегуляции своей деятельности, поддерживает необходимый уровень психической активности, соответствующий условиям деятельности.

Наиболее полно проблематика саморегуляции в отечественной психологии была изучена в работах О. А. Конопкина и В. И. Моросановой. В 60-х годах О. А. Конопкиным, была разработана концепция осознанной саморегуляции деятельности человека, в которой изложено представление о функциональной структуре системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека. О. А. Конопкин считал вопрос психической саморегуляции одной из фундаментальных проблем психологии, на основе разработок ведущих советских психологов он сформулировал принципы саморегуляции человека такие, как: системность, осознанность, активность, а также установлены основные механизмы саморегуляции деятельности и их связи с личностными особенностями человека. Саморегуляция в таком случае рассматривается как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, поддержанию, построению, управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижения принимаемых человеком целей [7, с. 5–12].

Свои идеи, связанные с процессами саморегуляции, высказывали также А. К. Осницкий и Г. Ш. Габдреева. Первый считает, что личностная саморегуляция связана с личной позицией индивида по отношению к нормам социума в рамках культурно-исторической традиции. Личность по его мнению «окрашивает» деятельность гуманностью или негуманностью целей, точнее, — гуманностью или негуманностью смыслов», определяя таким образом сценарий своего поведения [10, с. 7]. Вторая описывает многоуровневую систему регуляции, состоящую из внешнего блока, регулирующего выбор оптимальных межличностных отношений, поведения, деятельности и психического состояния, а также внутреннего блока отвечающего за адаптивные процессы и сохранение гомеостаза, соотношение которых являются основой саморегуляции [6, с. 45].

Значительный вклад в разработку данной проблемы внесен В. И. Моросановой, которая описывает систему осознанного саморегулирования как целостную, замкнутую структуру, открытую информационную систему, реализуемую взаимодействием ее функциональных составляющих. В данной модели выделяются: цель деятельности, значимые условия, программы исполнительских действий, критерии

успешности, оценка и коррекция результатов. Саморегуляция вырабатывается у человека, благодаря его способности к аккумуляции наиболее типичных способов регуляции достижения целей [4, с. 67]. В продолжении развития системы осознанного саморегулирования, В. И. Моросановой разрабатывается ресурсный подход, в котором саморегуляция осуществляется через психологические ресурсы, понимаемые как индивидуальные особенности, которые могут осознанно использоваться человеком для достижения определенных целей [12, с. 211].

Все многообразие проблематики саморегуляции в отечественной науке изучено и дифференцировано: на уровне процессов и состояний психики (Э. А. Голубева, К. М. Гуревич, Е. А. Климов, О. А. Конопкин, В. С. Мерлин, В. И. Моросанова); саморегуляции личности в трудовой, учебной и спортивной деятельности (Е. А. Климов, А. К. Осницкий, К. К. Платонов, В. И. Чирков); саморегуляции в контексте межличностных отношений (К. А. Абульханова-Славская, Б. Ф. Ломов, Ю. А. Миславский). Существуют работы, описывающие специфику регуляторно-личностных свойств и средств саморегуляции: ответственности, надежности, самостоятельности (Г. С. Прыгин, В. П. Прядин, И. В. Плехотникова, Р. Р. Сагиев); воли и волевой регуляции (В. А. Иванников, Б. Н. Смирнов, П. В. Симонов); саморегуляции эмоциональных состояний (Б. И. Додонов, Е. И. Рогов); «Я-концепции» (И. В. Дубровина, И. Н. Захарова, А. В. Петровский [11, с. 253].

В зарубежной психологии наблюдается повышенный интерес к таким феноменам, как *metacognition*, *self-regulation*, *self-regulated learning* (J. Flavell, L. Brown; R. Kluwe; A. Bandura; C. Dweck, G. Schraw, J. Metcalfe, A. Shimamura, F. Weinert). В связи с этим активно изучаются проблемы целеполагания, волевые способности; когнитивные характеристики, социокультурные особенности регуляции. Наиболее авторитетными моделями являются, предложенная в 2003 году Шанком и Циммерманом, теория саморегулируемого научения и её вариации [12, с. 216].

САМОРЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Социальная среда, в которой субъект реализует свое поведение, диктует свои

условия и требования на пути к достижению индивидуальных потребностей. Обществу необходимо, чтобы человек, кроме удовлетворения своих индивидуальных потребностей, проявлял достаточную социальную активность, которая проявлялась бы в просоциальной деятельности, направленной на удовлетворение общественных интересов.

Прогнозирование социального поведения личности – область чрезвычайно сложная в силу многофакторности изучаемого объекта. Какой, собственно, предмет подлежит анализу: человек, личность, индивидуальность, субъект деятельности? Что именно следует прогнозировать: отдельные акты поведения, поступки, систему поступков или целостность деятельности? Подлежат ли предсказанию действия человека, их общая направленность, характер, интенсивность? [14, с. 6–10]. Ответы на эти вопросы требуют тщательного анализа и эмпирических исследований.

Важным аспектом саморегуляции социального поведения является активность субъекта по выдвижению и достижению цели, опосредуемая целостной системой индивидуальной регуляции, которая по существу является средством, связывающим и интегрирующим динамические и содержательные аспекты личности, осознанные и бессознательные ее структуры для выдвижения и достижения целей [17, с. 44]. Поэтому важно выявить ее основные характеристики и динамические особенности.

В психологии сформировалось представление о адаптивном и неадаптивном видах активности личности. По мнению Н. Н. Ярушкина, в основе саморегуляции социального поведения личности находятся формы ее адаптивной активности, которые обеспечивают приспособление личности к сложившейся в обществе ценностно-нормативной системе [13, с. 43].

В настоящее время не вызывает споров утверждение, что основная закономерность, определяющая социальную природу индивида, его место в обществе, состоит в том, что он является продуктом всей культурно-исторической системы социальной жизнедеятельности людей, специфически человеческих форм социальной активности [13, с. 42]. При этом личность также, по утверждению Б. Д. Парыгина, – это не только продукт исторических условий ее существования, но и одновременно субъ-

ект социальных отношений. Следовательно, необходим учет и социальной ситуации, и ценностной основы поведения в процессе изучения механизмов саморегуляции.

Проблему прогнозирования и регуляции социального поведения личности можно рассматривать как соотношение ценностей социума и ценностных ориентаций личности. Личности постоянно приходится регулировать возникающие противоречия между ценностями, нормами и социальными ролями, выдвигаемые в одной сфере, с требованиями, установленными в другой сфере деятельности. Природа механизмов саморегуляции социального поведения личности раскрыта в работах зарубежных и отечественных авторов в области психологии.

Американский психолог Д. Майерс выделил основные механизмы влияния на социальное поведение личности такие, как: эффект социальной фасилитации-ингибиции, эффект подражания, влияние группового большинства и меньшинства, групповой фаворитизм, а также социальная лень или эффект «Рингельмана».

Эффект социальной фасилитации проявляется в виде усиления хорошо усвоенных реакций человека в присутствии других людей, эффект ингибиции оказывает противоположное действие, как ухудшение качества выполнения сложных действий, в ответ на присутствие других. В природе эффекта подражания лежит механизм адаптации, путем повторения моделей и эталонов поведения социальной группы. Эффект группового большинства проявляется через конформизм, как наиболее выигрышную стратегию поведения индивида в группе. Меньшинство же проявляет себя как нонконформисты, противопоставляя группе иные образцы и эталоны поведения. Групповой фаворитизм проявляется в предпочтении удовлетворения потребностей членов группы. Эффект «Рингельмана» или социальная лень проявляется в уменьшении приложения людьми личных усилий в достижении общей цели.

Каждый механизм оказывает влияние на психические состояния, эмоциональные, волевые, когнитивные психические процессы личности, а соответственно и на его саморегуляцию. Содержание групповых механизмов может быть соотнесено с психической активностью личности и саморегуляцией ее поведения [15, с. 183].

В отечественной психологии важной концепцией в описании механизмов регуляции социального поведения, стала модель индивидуальных типологических различий регуляторных функций Г. С. Прыгина. Он выделил автономный, смешанный и зависимый типы саморегуляции деятельности, связывая их с понятием эффективной саморегуляции, где автономия является показателем развития качеств, необходимых для успешной реализации деятельности. Особенности субъектной регуляции деятельности, наиболее ярко проявляющихся в «автономности», «эффективной самостоятельности» – одном из важнейших, интегративных качеств личности, отражающих степень сформированности ее системы субъектной регуляции [16, с.15]. Важным элементом при рассмотрении механизма эффективной саморегуляции рассматривается активность субъекта, которая является основным средством, связывающим и интегрирующим, динамические и содержательные аспекты личности, осознанные и бессознательные ее структуры для выдвижения и достижения целей [17, с. 44].

Проблематика саморегуляции на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных и востребованных как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Феномен саморегуляции рассматривается в связи с поведенческими проявлениями личности, когнитивными стилями, исследуются структура и механизмы саморегуляции, роль и участие психических процессов в формировании и развитии навыков саморегуляции, возрастные аспекты становления саморегуляции.

Как показал теоретический анализ исследований проблематики саморегуляции в отечественной и зарубежной психологии, личность любого человека представляет собой комбинацию из различных особенностей, черт, в которой одни являются главными, доминирующими, другие проявляются только в определенных ситуациях. Саморегуляция является основой для адекватного поведения в конфликтах, стрессовых и трудных жизненных ситуаций. От уровня осознанности саморегуляции зависит эффективность совладающего поведения. Проблема саморегуляции является одной из наиболее актуальных и фундаментальных проблем в психологии. Перспективное исследование проблематики саморегуляции, ее основных механиз-

мов открывает новые горизонты для понимания и прогнозирования социального поведения в различных ситуациях [9, с. 37]. Современные исследования просоциального поведения включены в контекст изучения социальности и общества, предполагая, что изучение просоциальных аспектов человеческой жизни является актуальной тенденцией как в современной социальной психологии, так и в психологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: [в 6 т.] / Л. С. Выготский. – Т. 5. – Москва, 1983. – 325 с.
2. Калинин, В. К. Классификация волевых качеств / В. К. Калинин // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. – Симферополь, 1983. – С. 37–41.
3. Конопкин, О. А. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения / О. А. Конопкин // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности. – Москва: Наука, 1989. – 183 с.
4. Моросанова, В. И. Психология саморегуляции: учебное пособие / В. И. Моросанова – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – 280 с.
5. Ключко, В. Е. Саморегуляция мышлений и ее формирования / В. Е. Ключко – Москва, 1987. – 90 с.
6. Казлин, В. К. Воля, эмоция, интеллект. Эмоционально-волевая регуляция поведений и деятельности / В. К. Казлин // Тезисы Всесоюзной конференции молодых учёных. – Симферополь, 1983. – 192 с.
7. Конопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / О. А. Конопкин // Вопросы психологии – 1995. – № 1. – С. 5–12.
8. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская – Москва: Наука, 1980. – 335 с.
9. Пугачёва, О. В. Теоретический анализ проблемы саморегуляции личности в отечественной и зарубежной психологии / О. В. Пугачёва // Ученые записки. – 2014. – № 2. – 37 с.
10. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности /

А. К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5–19.

11. Калашникова, Ю. О. Особенности осознанной саморегуляции деятельности учащихся старших классов / Ю. О. Калашникова // Молодой ученый. – 2010. – № 9 (20). – С. 251–254.

12. Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени/ под ред. Ю. П. Зинченко, В. И. Моросановой. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. – 472 с.

13. Панкратова, Т. М. Саморегуляция в социальном поведении: учебное пособие / Т. М. Панкратова. – Ярославль: Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 2011. – 112 с.

14. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В. А. Ядов, В. В. Магун, П. В. Борзико-

ва [и др.]; под. ред. В. А. Ядова. – Ленинград: Наука, 1979. – 264 с.

15. Майерс, Дэвид Социальная психология / Дэвид Майерс. – Москва: Питер, 2014. – 312 с.

16. Прыгин, Г. С. Личностно-типологические особенности субъектной регуляции деятельности: специальность 19.00.01 «Общая психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Г. С. Прыгин; Государственный университет – высшая школа экономики. – Москва, 2006. – 50 с.

17. Моросанова, В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В. И. Моросанова. – Вестник Московского Университета. – Серия 14. Психология. – 2010. – № 1. – С. 37–45.

* * *

VOROZHEIKIN SERGEY ANDREEVICH

Adjunct of Adjunct studies (full-time and part-time studies)

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF SELF-REGULATION AND FORECASTING OF SOCIAL BEHAVIOR OF THE INDIVIDUAL

Abstract. This article provides a theoretical analysis of the problems of self-regulation and forecasting of personal behavior in domestic and foreign psychology. Current theoretical approaches and empirical research in the field of psychology of self-regulation and forecasting of personal behavior are considered.

Keywords: self-regulation, behavior, activity, attitude, consciousness, conditions of activity, standard of behavior.

* * *

УДК 316.62

ЕГОРОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

СЕМЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Обосновывается, что в рамках военной социологии семья военнослужащего рассматривается как особый социальный союз, где все члены семьи интегрированы и подчиняют собственную жизнь, свои интересы и потребности, судьбу в целом целям защиты Отечества и реализации воинского долга. Для члена семьи военнослужащего как патриота и российского гражданина, наиболее важные ценности – за-

конность, порядок, национальная территориальная целостность и безопасность Отечества.

Ключевые слова: семья, военнослужащий, военная социология, военный институт, экономическая социология.

Рассмотрим исследования, посвященные семье военнослужащего, где обосновывается специфика подхода к исследованию данной проблемы современными военными социологами.

Военные социологи традиционно исследуют особенности семьи военнослужащего в различные периоды развития общества. Они обосновывают, что трансформация семейного строя, модернизация военных организаций России в последние десятилетия определила обновление стиля функционирования семей военнослужащих [1]. С одной стороны, изменяются прежние базовые социальные ценности данных семейных групп [2], обеспечивающих стабильность воспроизводства военнослужащих России. С другой стороны, обновляется профессиональный тип субъекта военной организации, формируется современная высокообразованная личность военнослужащего.

Сегодня военные социологи, исследуя семью военнослужащего, акцентируют внимание на проблемах социальной защиты [3], а также особенностях данной семьи ввиду специфики военно-профессионального потенциала и служебно-трудовой деятельности военнослужащего [3]. Именно проявление функциональных свойств воинского труда позволяет выявить специфику функций семьи военнослужащего. При данном подходе жизнедеятельность семьи военнослужащего имеет следующие специфические особенности:

1. В новых условиях существенно повышается роль семьи военнослужащего в социальной системе российского общества.

Данная семья является неотъемлемым компонентом социальной структуры российского общества и одновременно играет все более существенную роль в воспроизводстве человеческого потенциала военной организации, обеспечении социальных условий эффективного функционирования военизированных структур общества [4]. Увеличение функциональной роли по обеспечению деятельности военной организации приводит к ограничению возможностей реализации базовых социально-

демографических функций данной семьи: репродуктивной (продолжение рода), воспитательно-образовательной (социализация), социально-управленческой (общественный контроль и самоконтроль).

2. Существенный внешний социальный дискомфорт членов данной семьи.

В условиях социальной нестабильности внешней среды военной организации [5] все в большей степени военнослужащие и их близкие испытывают стрессы [6]. Последние вызваны, с одной стороны, причастностью воинской семьи к сложным, а порой и экстремальным практикам военных организационных структур, с другой стороны, прогрессирующими социокультурными и экономическими противоречиями (материальные, финансовые проблемы, необеспеченность жильем, отсутствие стабильных условий духовного потребления, невозможность изменения места проживания) [7; 8].

3. Необходимостью неоднократной постоянной социокультурной адаптации [9] в результате постоянного изменения места служебно-трудовой деятельности военнослужащих, потери работы родными и близкими, существенными изменениями природных, климатических, культурных, социальных, а также бытовых условий жизнедеятельности членов семьи [10].

Всеобщая регламентированность жизни и деятельности членов семьи военнослужащего является предпосылкой формирования и реализации потенциальной готовности членов семейной группы не только к подчинению всех форм собственной жизнедеятельности [11], но и к выполнению требований, запретам, нормам функционирования военной организации.

4. Ограниченностью коммуникационных практик членов семьи. Проявляется ограниченность и постоянное изменение круга социального взаимодействия и общения членов данной семьи [12]. Развиваются «дистантные» практики жизнедеятельности акторов, обусловленные специфическими условиями и формой жизнедеятельности военнослужащего и его семьи [13]. Важными факторами роста коммуни-

кационных ограничений являются: ненормированный рабочий день, чрезмерная загруженность, отсутствие возможности длительного планирования быта и отдыха, привлечение к особым трудовым практикам (боевые тревоги, дежурства, служебные наряды, командировки, военно-профессиональные учения) [5]. В результате ограниченности семейных коммуникаций появляются проблемы у военнослужащего в системе социокультурного взаимодействия с супругами, детьми, знакомыми, родственниками. Коммуникационная замкнутость, частая удаленность жизненного пространства, в рамках которого осуществляется профессиональная деятельность членов семьи, создает также и экономические, и психологические проблемы коммуникационно-го взаимодействия.

Таким образом, в рамках военной социологии семья военного человека рассматривается как особый социальный союз, где все члены семьи интегрированы и подчиняют собственную жизнь, свои интересы и потребности, судьбу в целом целям защиты Отечества и реализации воинского долга военнослужащего. Семья военнослужащего представляет собой особую социальную группу людей, для которой базовые ценности воинских коллективов не являются общими абстрактными понятиями. Они представляют собой постоянно применяемые и действующие стимуляторы реализации всех аспектов повседневной жизнедеятельности. Не вызывает сомнения то, что данные ценности усваиваются членами семьи военнослужащего в рамках системы жизненных норм, ценностей, принципов, более важного и значимого уровня. Члены семьи военнослужащего разделяют не только специфические ценности патриотизма, а также военной службы российскому государству, но и базовые ценности семьи, образования, общения, благополучия. Для члена семьи военнослужащего как патриота и российского гражданина, наиболее важные ценности – законность, порядок, национальная территориальная целостность и безопасность Отечества.

Согласно данным проведенного социологического опроса около половины семей военнослужащих являются малодетными (их состав семьи включает в себя двух детей). На сегодняшний день 48 % семей военнослужащих имеют двое детей (от общего числа опрошенных). Около трети – это однопородные семьи (34 % от числа опро-

шенных). Чуть более десятой части опрошенных – это бездетные семьи (12 % от числа опрошенных). При этом состав многодетных семей является крайне незначительным. Только 3 % военнослужащих заявляют о наличии многодетной семьи. Анализ предыдущих социологических исследований показывает, что в современных условиях наблюдается тенденция устойчивого снижения рождаемости в семьях военных. Среди военнослужащих наиболее распространенной является нуклеарная семья (92 % от числа опрошенных). Она состоит, как правило, из одного поколения представителей: родителей, а также их детей.

Семья военнослужащего существует в форме формально зарегистрированного брака (89 % от числа опрошенных). В форме сожительства существует только 11 % обследованных семей. Лишь небольшую часть семей военнослужащих можно отнести к «дистантным» семьями. На момент исследования только 7 % семей имеют дистантные отношения. Здесь каждый из супругов реализует жизнедеятельность относительно обособленно (отдельно друг от друга) по причине специфики реализации военно-профессиональной деятельности военнослужащего. При этом важно отметить, что на протяжении реализации практик семейной жизни более 80 % военнослужащих имели опыт «дистантных» семейных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликов, А. Н. Моделирование социальных процессов в Вооруженных Силах / А. Н. Куликов // Социологические исследования. – 1996. – № 9. – С. 25–29.
2. Васнев, В. А. Основы подготовки к военной службе. Военно-воздушные силы: практикум / В. А. Васнев. – Москва: Просвещение, 2016. – 173 с.
3. Лактионова, Н. Социальная защита военнослужащих: декларация или государственная политика? / Н. Лактионова // Российский социально-политический вестник. – 2000. – № 1. – С. 22–28.
4. Певень, Л. В. Состояние и перспективы решения проблем военнослужащих Л. В. Певень, А. И. Шипканов // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 88–95.
5. Соловьев, С. С. Трансформация ценностей военной службы / С. С. Соловьев //

Социологические исследования. – 1996. – № 9. – С. 17–25.

6. Певень, Л. В. Особенности перехода к профессиональной форме организации Вооруженных Сил / Л. В. Певень // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 62–66.

7. Корякин, В. М. Новая система денежных выплат военнослужащим и лицам, проходившим военную службу / В. М. Корякин. – Москва: За права военнослужащих, 2012. – 224 с.

8. Соловьев, С. С. Российские офицеры опора государства или источник нестабильности? (Размышления по поводу динамики уровня жизни семей офицеров) / С. С. Соловьев // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 26–34.

9. Мелконян, М. Г. Социальная адаптация военнослужащих, увольняемых в за-

пас в процессе реформирования армии: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / М. Г. Мелконян. – Улан-Удэ, 2000.

10. Бурдейный, М. А. Все о призывниках и военной службе / М. А. Бурдейный. – Москва: Вече, 2008. – 208 с.

11. Шкарван, А. Мой отказ от военной службы. Записки военного врача / А. Шкарван. – Москва: Книга по Требованию, 2011. – 146 с.

12. Масюк, В. Г. Основы обороны государства и военной службы / В. Г. Масюк, А. В. Сухарев, Б. Н. Четверов. – Москва: Academia, 2013. – 288 с.

13. Шанхаев, С. В. 1000 вопросов и ответов о военной службе и статусе военнослужащих / С. В. Шанхаев. – Часть 1. – Москва: За права военнослужащих, 2009. – 320 с.

* * *

EGOROV ALEXEY VLADIMIROVICH

Adjunct of Adjunct studies (full-time and part-time studies)

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

THE FAMILY OF A SERVICE OFFICER IN THE REPRESENTATION OF MILITARY SOCIOLOGY

Abstract. It is substantiated that within the framework of military sociology, the family of a serviceman is considered as a special social union, where all family members are integrated and subordinate their own life, their interests and needs, and fate as a whole to the goals of protecting the fatherland and fulfilling military duty. For a family member of a serviceman as a patriot and a Russian citizen, the most important material and cultural value is legality, order, national territorial integrity and the security of the fatherland.

Keywords: family, serviceman, military sociology, military institute, economic sociology.

* * *

УДК 316.4

КУРДЮКОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ВОЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Обосновывается механизм развития культуры здорового образа жизни населения в целом, а также отдельных профессиональных его групп. Представляется несколько моделей культуры здорового образа жизни военнослужащих. Доказывается, что все модели должны базироваться на различных предположениях относительно профессионального поведения индивида, факторов, изменяющих служебно-

трудовую деятельность, средств вмешательства или влияния, условий социокультурного воздействия.

Ключевые слова: культура, культура здорового образа жизни, военная социология, военные отношения.

Анализ социальных практик отражающих процессы формирования культуры здорового образа жизни военнослужащих в России показывает, что в новых условиях обостряются противоречия данного развития. Пока не изжиты в полной мере девиантные проявления в системе служебно-трудовой деятельности военнослужащих. Последнее определяет предпосылки разрушительного воздействия на все процессы становления самосохранительного поведения военных акторов. Военнослужащий самостоятельно выбирает собственные практики поведения, формирует образ жизни своей семьи. Подавляющее большинство военнослужащих хотят и активно занимаются спортом, закаляются, имеют потребность соблюдать оптимальный режим труда и быта, правильно питаться, поддерживать собственный организм. Одновременно выявлены некоторые группы военнослужащих предпочитающие губительные практики в отношении здоровья своего, а также своих подчиненных. В основе негативных практик лежат необоснованность поведения, вредные привычки, наличие девиантных служебно-трудовых практик.

По сути, вредные привычки в новых условиях представляют собой проявление социально негативных поведенческих характеристик военного актора. Привычка в рамках жесткой военной организационной культуры, определенном характере бытовой, а также социально-культурной среды функционирования военнослужащего проявляется как система интересов потребностей, стиля потребительного взаимодействия. В этом контексте вредные, а значит социально и культурно деструктивные привычки являются фактором негативного влияния и воздействия на образ поведения, а значит и на биологическую составляющую организма военнослужащего, его здоровья как форму военно-профессионального потенциала. В результате формирования вредных привычек разрушается система жизнедеятельности не только отдельного военнослужащего, но и воинского коллектива в целом. Поэтому в новых

условиях вредные привычки (курение, употребление алкоголя, наркотиков, переизбыток, недосыпание) представляют собой не только деструктивный фактор культуры здорового образа жизни, но механизм девиантного поведения разрушающий физический профессиональный потенциал военнослужащего.

Таким образом, актуальность рассматриваемой темы определяется существенной важностью анализа процесса развития культуры здорового образа жизни, обобщения различных исследований по проблеме вредных привычек, необходимости представления интегрированной обобщающей базы исследования проблемы, выработки конкретных рекомендаций повышение социальной эффективности процессов развития культуры здорового образа жизни военнослужащего.

Общие теоретические и методологические подходы исследования процессов социального, экономического, культурного воспроизводства отдельных профессиональных групп населения представляются в научных трудах Р. Арона, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера. Исследование строится на результатах теоретического анализ трудов отечественных и зарубежных идеях ученых, раскрывающих процесс развития культуры здорового образа жизни профессиональной группы. Последние свидетельствуют о том, что отдельные аспекты этой проблемы уже эмпирически изучались исследователями. В частности, ими рассматривались онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты проявления на практике процесса формирования здорового образа жизни, а также «культуры здорового образа жизни» (Н. Басалаева, В. Белов, И. Брехман, Ю. Лисицын, Г. Никифоров, В. Савкин). Проблемы сохранения профессионального здоровья подробно разработаны В. Кохан, Е. Потапчук, Р. Сирко. Медицинские аспекты проблемы здорового образа жизни представлены М. Амосовым, г. Апанасенко, В. Гарбузовым, Н. Иовчуком, А. Мерклиным, А. Леонтьевым, Д. Нистрян. Использование потенциальных социокультурных воз-

возможностей военного учреждения и семьи обоснованы М. Козяр, Н. Коваль. Средства массовой информации как фактор формирования здорового образа жизни представляют В. Вакуленко, А. Яременко. Доказательство значимости физической культуры в развитии культуры здорового образа жизни представляют С. Попов, В. Семенова.

Также важными представляются эмпирические разработки по проблемам культуры военнослужащих. Повторный (вторичный) анализ социологических эмпирических исследований Д. Ершова, В. Ершова, А. Кузмин, А. Кравец, А. Пихтелева, В. Немоляева, И. Смирнова, А. Савенко, В. Хвостанцева позволил исследовать эволюцию культуры здорового образа жизни военнослужащих. Однако, что касается вопросов формирования здорового образа жизни у военнослужащих, то данные исследования, к сожалению, не были предметом отдельного рассмотрения ученых.

Рассмотрим некоторые разработки ученых подробнее. Вильгельм Райх впервые доказал зависимость культурного духовного состояния потенциала человека от его состояния здоровья, физического уровня развития биогической личности [1, с. 17]. М. Александер, А. Лоуэн, М. Фельденкрайз эмпирически обосновывают верность данного подхода. Э. Дюркгейм, с одной стороны, рассматривает практики формирования культурного духовного состояния потенциала человека, а также обосновывает связь данных процессов с состоянием здоровья человека. Он связывает развитие культуры здорового образа жизни с процессом сближения и соединения идей, ценностей, чувств, практик поведения различных профессиональных групп, поколений социума. Здесь развитие культуры здорового образа жизни отражает накопление собственного «опыта и своих знаний» [2, с. 218]. Ядро подхода Дюркгейма определяется концепцией морали. Именно мораль представляет собой важнейшую функцию формирования культуры здорового образа жизни человека. Последняя активизирует процесс формирования культуры здорового образа жизни через призму образования, воспитания, социализации человека. Данный подход конкретизирует цель всякого образования, воспитания, просвещения, формирования индивида с определенными ценностями, нормами, приоритетами, принципами здоровьезберегающего поведения [2, с. 219].

М. Вебер также рассматривает данную проблему. В его понимании формирование культуры здорового образа жизни характеризуется несколькими формами профессионального поведения личности. Он впервые уточняет способы формирования культуры здорового образа жизни. Для нас важным является его вывод о том, что человеческому профессиональному поведению, с одной стороны, присущи связи, взаимозависимость и регулярность, с другой стороны, оно представляет собой форму общественного действия, которые, не только осмыслены, но и ориентированы на формирование образа жизни. В этой связи, всякое профессиональное поведение ориентировано на определенные социальные ожидания. Оно содержит ценностную ориентацию на социально значимые цели и результаты [3]. Поэтому можно констатировать, что в различных комбинациях профессионального поведения могут иметь место как варианты девиантного («неправильного»), так и социально значимые «правильные» формы поведения групп населения [4].

Современные социологии развивая данные идеи констатируют, что культура здорового образа жизни человека является совокупностью духовных (т. е. небихологических, а социально приобретенных) характеристик [5, с. 170]. Данная культура является совокупностью не врожденных характеристик жизнедеятельности человека. Именно культура здорового образа жизни представляет собой набор черт, которые отличают человека труда от животных. Можно подчеркнуть, что формирование культуры здорового образа жизни является в новых условиях фактором совершенствования социальной культуры общества в целом. Данный процесс обеспечивает не только социальное, но и экономическое развитие общества, комплексность его обновления и модернизации, устойчивость и бесконфликтность жизнедеятельности различных профессиональных групп социума.

Аналогичную позицию мы встречаем в работах П. Ф. Лесгафт, который представляет обобщенный подход к системе формирования культуры здорового образа жизни различных групп населения в целом. Он впервые доказал, что процесс эффективного формирования культуры здорового образа жизни населения только в условиях гармоничности и наличия потенциальной

возможности гармоничного соответствии умственной, а также физической профессиональной деятельностью актора труда. П. Ф. Лесгафт обосновал связь условий жизнедеятельности человека как наиболее существенный и важный фактор формирования культуры здорового образа жизни. Начальный этап данного формирования – становление мыслей и понимания здоровьесохранительного поведения. Завершающий этап – воспроизводство физической энергии, биологического потенциала последовательного накопления, проверки, трудовой реализации идей, проведения, а также «применения их на практике» [6, с. 57].

Данный подход не противоречит демографической методике исследования данной проблемы. Ведь расширительная демографическая трактовка проблемы определяет формирование культуры здорового образа жизни двойственно: 1) как результат трансформации основных демографических показателей (пола, места проживания, возраста и т. д.); 2) как результат изменения социально-экономических факторных механизмов (качества жизни, образовательного человеческого потенциала, образа жизнедеятельности [7]). Конкретизируются демографические концепции в теориях девиантного трудового поведение [8, с. 71], где дестабилизация культуры здорового образа жизни рассматривается как результат дестабилизации системы самосохранительного действия представителей социума [9]. Можно отметить, что здесь девиантные практики проявляются как фактор девальвации культуры здорового образа жизни, фактор потери культурных связей, практик здоровьесберегающих норм, ценностей, принципов.

Таким образом, можно представить несколько моделей культуры здорового образа жизни. В каждой модели должны быть учтены особенности профессиональных групп, специфика и уровень их профессионального потенциала. Все модели базируются на различных предположениях относительно профессионального поведения индивида, факторов, изменяющих служебно-трудовую деятельность, средств вмешательства или влияния, условий социокультурного воздействия. Можно выделить следующие модели:

1. Модели личностного уровня культуры здорового образа жизни (транс-теоретическая модель, модель, базирующаяся

на убеждении, теория контроля здоровья). Здесь основное внимание сосредоточено на индивидуальных свойствах личности, ее чувствах, восприятии, убеждениях, профессиональном поведении. То есть осуществляется оценка, прежде всего, профессионального поведения (от нездорового к здоровому), анализируется изменение мыслей, трудовых отношений, убеждений лица относительно своего здоровья.

2. Модели межличностного уровня культуры здорового образа жизни. Здесь при оценке культуры внимание обращается на влияние на здоровье личностных факторов и окружающей среды (социально-когнитивная теория, теория причинных действий). Инструментами влияния на изменение культуры здорового образа жизни являются отношения между людьми, информирование, осуждение или поддержание определенного поведения окружением. Именно трудовые отношения между людьми имеют большое значение для человека, определяют его отношение к собственному здоровью.

3. Модели общественного уровня культуры здорового образа жизни (экологическая модель, модель распространения инноваций, модель причин-следствий, модель Таннахила, модель Френча, канадская модель) основаны на предположении, что культура нездорового поведения вызвана обществом. Изменение культуры поведения должно происходить на разных уровнях, поскольку здоровье формируется благодаря многим подсистемам окружения, а именно: семье, общине, месту работы, обычаям и традициям, экономике, физической и социальной среде. Эти модели получили распространение в 2000-х годах. Остановимся подробнее на моделях общественного уровня [10]. Так, в рамках модели Френча выделяют четыре элемента механизма развития культуры здорового образа жизни: 1) лечение болезней; 2) предупреждение болезней; 3) получение знаний, информации о здоровье, а также приобретение определенных полномочий и ответственности за свое здоровье; 4) внедрение политики в отношении здорового образа жизни – социальные сдвиги, политическое развитие, экономическая и социальная политика. Это всеобъемлющая модель, направленная на осуществление социально-экономических программ в общине и с помощью отдельных организационных структур, общины и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Райх, В. Анализ характера / В. Райх. – Лондон, 1935.
2. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания. Хрестоматия по истории психологии / Э. Дюркгейм. – Москва, 1980.
3. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков / под ред. В. И. Дебренькова. – Москва, 1996. – С. 491–506.
4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – Москва: Прогресс, 1990.
5. Касьянов, В. В. Социология / В. В. Касьянов. – Ростов-на-Дону, 2001.
6. Лесгафт, П. Ф. Собрание сочинений / П. Ф. Лесгафт. – Т. 1. – Ч. 1. – 1951.
7. Назарова, И. Б. Занятые на рынке труда: факторы, влияющие на здоровье / И. Б. Назарова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия Социология. – 2004. – № 6–7. – С. 181–201.
8. Осипова, О. С. Девиантное поведение: благо или зло? / О. С. Осипова // Социс. – 1998. – № 9.
9. Ланцова, Л. А. Социологическая теория девиантного поведения / Л. А. Ланцова, М. Ф. Шурупова // Социально-политический журнал. – 1993. – № 4. – С. 122–123.
10. Fama, Eugene F. and French, Kenneth R., The Capital Asset Pricing Model: Theory and Evidence (August 2003). CRSP Working Paper No. 550; Tuck Business School Working Paper No. 03-26. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=440920> or doi:10.2139/ssrn.440920.

* * *

KURDYUKOV DMITRY NIKOLAEVICH

Adjunct Adjunct courses of full-time and part-time study

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

HEALTHY LIFESTYLE CULTURE MODELS IN THE CONTEXT OF THEORIES OF MILITARY SOCIOLOGY

Abstract. The mechanism of development of a culture of a healthy lifestyle of the population as a whole, as well as its individual professional groups, is substantiated. Several models of the culture of a healthy lifestyle for servicemen are presented. It is proved that all models should be based on various assumptions regarding the professional behavior of the individual, factors that change the work activity, means of intervention or influence, conditions of sociocultural influence.

Keywords: culture, culture of a healthy lifestyle, military sociology, military relations.

* * *

УДК 316:4

ПЕРЕДУМОВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются теоретические модели, изучающие военнослужащего (сотрудника) Росгвардии как субъект, находящийся на федеральной государственной службе, осуществляющий служебно-трудовую деятельность, выполняющий задачи по противодействию нарушителям общественного порядка и общественной безопасности и обеспечивающий оборону российского государства и общества.

Ключевые слова: военнослужащий, военная организация, военно-профессиональный потенциал, профессиональная культура.

В настоящий момент Россия находится на новом этапе социально-экономических реформ. В июне 2016 года на основании Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» создан новый социальный институт – войска национальной гвардии, который формировался на основе традиционных структур внутренних войск Министерства внутренних дел России и имеет существенные отличия. Во-первых, определена новая система целей, задач, стратегий, профессиональных требований к военнослужащим, сотрудникам и гражданскому персоналу. Во-вторых, изменилась стратегия и структура подготовки военных кадров и специалистов для войск с учетом вновь сформированных задач. Однако в условиях формирования новой структуры войск национальной гвардии наблюдается несоответствие роста потребности в профессиональном потенциале военнослужащих (сотрудников) и реальном уровне их профессионального развития, увеличился разрыв между возможностью трудовой интеграции и специализацией военно-профессионального труда.

Целью данной статьи является систематизация понятий «военнослужащий войск национальной гвардии как предмет социологического исследования в части касающейся профессионального потенциала».

Главная особенность трудового потенциала военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации заключается в том, что военная служба является видом федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную деятельность граждан государства в воинских организациях, главной целью которой является защита и оборона государственного суверенитета, конституционного строя, а также защита прав и свобод человека и гражданина [1].

Так что же такое «профессиональный потенциал», какова его роль в системе вооруженных сил и в частности в воинских коллективах войск национальной гвардии?

Категория «потенциал» относится к числу общенаучных понятий. В философии потенциал трактуется как источник, возможность, средство, запас, что может быть использовано в действии для решения какой-

либо задачи, достижения определенной цели. В гуманитарных науках используются понятия «личностный потенциал», «человеческий потенциал». Феномен потенциала в акмеологии связывается с самовыражением в профессии, личностно-профессиональным развитием и умножением личностного потенциала. Под профессиональным потенциалом человека вслед за В. Н. Марковым [2] предлагаем понимать возобновляемую самоуправляющуюся систему его внутренних ресурсов, проявляющихся в профессиональных достижениях и перспективах. Проводя системные разграничения между ресурсом и потенциалом, можно заключить, что потенциал представляет собой структурированный ресурс определенной мощности [3], обладающий системой управления, имеющей сознательный и бессознательный уровень [1].

Таким образом, потенциалом воинского коллектива является совокупность объединенных в систему естественных и приобретенных в процессе военной службы качеств, определяющих способность акторов выполнять свои обязанности на заданном уровне под воздействием внешней агрессивной социальной среды.

Военнослужащий войск национальной гвардии (сотрудник), с одной стороны, изучает специфическую систему знаний, умений, навыков, с другой – осваивает особую военно-профессиональную культуру труда, которую применяет в своей профессиональной деятельности, что и определяет существенные характеристики военнослужащего (сотрудника) как представителя военно-профессионального слоя российского социума.

Важно отметить, что формирование профессиональных характеристик военнослужащего (сотрудника) зависит от ряда разнонаправленных процессов. В первую очередь от условий региона, в котором проходит служба, его культурных и социокультурных особенностей, во-вторых, бытоустройство членов его семьи (наличия служебного жилья, дошкольных и школьных учреждений, других муниципальных учреждений), в третьих, возможности по организации своего досуга и культурного развития. Ключевым фактором формирования профессиональных характеристик военнослужащего

(сотрудника) являются особенности выполнения возложенных на воинский коллектив (военную организацию) задач, именно в этом аспекте кроется формирование и дальнейшее развитие профессионального потенциала военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии.

Реализация этого процесса осуществляется в рамках постоянно совершенствующегося военного законодательства, непоколебимых принципов функционирования военно-административных органов управления и организаций войск национальной гвардии, беспрекословного соблюдения всеми акторами военной организации войск национальной гвардии порядка и правил, определенных высшими органами военного управления, наличия источников профессионального опыта (наставников), способных сформировать направление профессиональной деятельности военнослужащего в рамках возложенных на воинский коллектив (организацию) профессионально-трудовых задач с учетом особенностей и социокультурных особенностей региона. По своей сути военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии существенно ограничены относительно организационных норм, что, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на престиж и имидж военной организации. Они не могут изменять регламент и параметры профессионально-образовательного процесса, сознательно трансформировать служебные и трудовые накопления собственных способностей, изменять стиль служебно-трудового поведения и тем самым создавать самого себя [5, с. 83].

Характерный отпечаток на развитие профессионального потенциала военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии накладывает результат модернизационного развития общества. Именно социальные институты определяют цели и задачи деятельности отдельных военных организаций войск национальной гвардии их групповых служебно-профессиональных субъектов. Активно развиваясь и трансформируясь общество вносит существенные коррективы в изменение облика военных организаций войск национальной гвардии, военнослужащих (сотрудников) и их профессиональное сознание и организационную культуру, также изменяются подходы к выполнению и накоплению профессионального потенциала. В связи с этим в военных организациях войск национальной

гвардии выстраиваются длительные стратегии динамичных преобразований, метаморфоз и совершенствования профессиональной деятельности различных групп военнослужащих. В свете перехода внутренних войск Министерства внутренних дел России в качественно новый формат, вопросы трансформации становятся наиболее актуальными, так как в состав вновь сформированной организации Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее Росгвардия) вошла часть подразделений (организаций) МВД России, в которых до этого момента военная служба была не предусмотрена, что, в свою очередь, наложило определенный отпечаток на вопросы адаптации к новым военно-социальным условиям военной службы (службы) и инновационным подходам к выстраиванию качественно новой системы накопления военно-профессионального потенциала военнослужащих и сотрудников Росгвардии. Данное событие привело к формированию новой системы профессиональных отношений «военно-служебные отношения». Таким образом, военнослужащие и сотрудники реализуют военную службу (службу), являющуюся формой государственной военно-профессиональной (военно-служебной) деятельности, и одновременно механизмом реализации функций государства в социуме.

Профессиональная деятельность военнослужащих (сотрудников) четко ограничена, совокупность их профессионально-служебных процессов полностью подчинена решению военных и служебных задач, что, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток – относительный отрыв от общества и внешней среды. Однако хотелось бы отметить, что военнослужащие и сотрудники Росгвардии подвержены непрерывному влиянию как внешней социальной, так и внутренней профессионально-трудовой среды военной организации, они постоянно и полностью вовлечены в процесс функционирования военной организации (организации) Росгвардии. Таким образом, можно сделать вывод, что именно в механизме военной организации в основном и происходит формирование служебно-трудовых ценностей, обязательств, корпоративного поведения, профессиональной тождественности, патриотизма. В процессе преобразования приоритетов военной организации обновляются организационно-культурные ценности, военнослужащий (сотрудник) как личность

осуществляет накопление профессионально-трудового потенциала, реализует карьерный рост, получает денежное довольствие. Необходимо согласиться с Е. Н. Карловой в том, что профессионально-трудовые стратегии военнослужащих имеют существенные особенности и осуществляются специфически в процессе служебно-трудовой институционализации [6, с. 93–94]. По сути, каждый военнослужащий (сотрудник) проявляет себя как микроэлемент того или иного типа военной организации, и поэтому у него проявляется репрезентативный социально-профессиональный статус в следующем: служебно-трудовая деятельность имеет постоянную связь и зависимость от целей и задач государственной социальной политики, предоставляется эксклюзивное профессиональное право при реализации военно-служебной деятельности, возможность применения физической силы, специальных средств, вооружения, специальной и боевой техники в рамках действующего законодательства [1]. Специфика профессионального положения вооруженного военнослужащего (сотрудника), а также индивидуальное право на применение физической силы, специальных средств, вооружения, специальной и боевой техники в рамках действующего законодательства, обусловлены, с одной стороны, характерными чертами возложенных задач в процессе военно-профессиональной деятельности акторов, с другой стороны — особенностями развития профессиональных и личностных черт военнослужащих.

Подводя итог изложенного, можно отметить, что военнослужащий (сотрудник) является носителем конкретных, очень специфических военно-трудовых (служебных) отношений. Военный труд имеет значительные отличительные черты: 1) это разносторонняя, направленная по содержанию служебно-трудовая деятельность; 2) это системный труд, включающий в себя комплексные виды деятельности (военно-профессиональную, управленческую, научную, эксплуатационную, военно-педагогическую и т. п.).

Равно как и всякий другой вид деятельности служебно-трудовая деятельность военнослужащего (сотрудника) требует от акторов военных организаций затраты физических свойств интеллектуальных и физических проявление. При этом на современном этапе развития общества и государства осуществляется научно-техническое преобразование трудовой деятельности военнослужа-

щего (сотрудника), все чаще, в связи с развитием военно-промышленного комплекса государства, физический труд постепенно замещается, интеллектуальными формами и процессами. Облик современных силовых структур переходит на качественно новый уровень профессионального труда военнослужащих. Однако интеллектуальное насыщение, реорганизация структуры военно-трудовых отношений не изменяет традиционных характеристик данного труда. Ключевыми позициями в военно-профессиональной среде продолжают оставаться организационно-культурные аспекты такие, как: дисциплинированность, исполнительность, жизнестойкость, патриотизм, высокий уровень социальной ответственности, воля и стратегическая направленность выполнения поставленных задач, творчество и широкий теоретический, методологический, практический профессиональный кругозор акторов.

В условиях современного развития государства продолжает оставаться неразрешенным ряд социально-экономических особенностей, оказывающих существенное влияние на реализацию военного труда: 1) качество жизни семей военнослужащих (сотрудников) по-прежнему сохраняется на низком уровне; 2) низкое бытоустойство, рост физических, а также социально-психологических нагрузок; 3) сохранение неуставных трудовых взаимоотношений, девиантных практик; 4) наличие социально-этнических конфликтов, противоречий на национальной почве, а также между земляческими группами и отдельными индивидами; 5) неконтролируемый поток «фейковой» информации в социальных сетях и мессенджерах, провокационные антиправительственные вбросы в глобальной телекоммуникационной сети «Интернет», где зачастую военнослужащие (сотрудники) оказываются вовлеченными в политическую деятельность общества.

В последние несколько лет появилась тенденция снижения уровня жизни семьи военнослужащего, что, в свою очередь, негативно влияет на развитие профессионально-трудовых взаимоотношений в воинской среде и слабому накоплению профессионального потенциала военнослужащих (сотрудников), причинами способствующими развитию данной тенденции продолжают оставаться: во-первых, отсутствие комплексной программы роста уровня жизни семьи военнослужащего, во-вторых, снижение темпов экономического

роста внутри государства в 2019–2020 г., в-третьих, внутри государственные политические процессы, участниками которых становятся военнослужащие (сотрудники) Росгвардии. Результатом этих процессов является нарастание негативного отношения в обществе к облику военнослужащего (сотрудника) Росгвардии, что влечет за собой усиление негативного социально-экономического воздействия на среду функционирования военнослужащего (сотрудника). Низкие темпы повышения социально-экономического статуса военнослужащего, продолжают оказывать негативное влияние на престиж службы как формы государственной службы, военные организации превращаются в социально-военный институт высокой социальной непредсказуемости и повышенного риска.

Подводя итог изложенного можно сделать вывод, что военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии является основным субъектом, а равно с этим и объектом войск национальной гвардии, который находится на службе государства, обеспечивается видами довольствия, проходит специальную военно-профессиональную подготовку, осуществляет законную деятельность по защите и обороне государственного суверенитета, конституционного строя, а также прав и свобод человека и гражданина, выполняет целенаправленную функцию по формированию профессионального потенциала военно-профессиональной деятельности и трудовых взаимоотношений в процессе военной службы (службы). Военнослужащий является социальным актором, неделимым компонентом военной организации Росгвардии. Он осуществляет практики служебно-трудовой деятельности, решает задачи военной борьбы с враждебными проявлениями против

российского общества, обороны государства, а также определяет действия, направленные на общественную безопасность страны. Поэтому он имеет особый статус, повышенный уровень оплаты труда, материального довольствия, обладает особыми правами и статусом, пользуется дополнительным пакетом социальной защиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.
2. Марков, В. Н. Профессиональный потенциал и зона ближайшего профессионального развития / В. Н. Марков // Акмеологическое исследование потенциала, резервов и ресурсов человека. – Москва, 2005. – С. 11–12.
3. Слободчиков, В. И. Деятельность как антропологическая категория / В. И. Слободчиков // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 48–57.
4. Смирнов, И. А. Военнослужащий как объект социологического исследования / И. А. Смирнов, Н. И. Кузнецов // XII международная научно-практическая конференция 2018 «Военнослужащий как объект социологического исследования» (Вольск, 2018 г.). – Вольск: Вольский ВВИМО, 2018. – С. 121–123.
5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Медиум, 1995.
6. Карлова, Е. Н. Исторический опыт американской военной социологии / Е. Н. Карлова // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 89–96.

PEREDUMOV MIHAIL ANDREEVICH

Adjunct Adjunct courses of full-time and part-time study

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SOLDIER OF THE NATIONAL GUARD AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. Theoretical models are considered that study a soldier (employee) of the Russian Guard as a subject in the federal state service, carry out official and labor activities, perform tasks to counter violators of public order and public safety and the defense of the Russian state and society.

Keywords: soldier, military organization, military-professional potential, professional culture.

УДК 165.24

ПРОНИН КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук, доцент

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, г. Саратов)

СМЫСЛ «ЗНАЧЕНИЯ» ИЛИ ЗНАЧЕНИЕ «СМЫСЛА»

Аннотация. В статье исследуются сложившиеся к настоящему времени подходы к определению содержания терминов «смысл» и «значение» в различных отраслях науки. В ходе анализа этих подходов предпринимается попытка выявить основные препятствия на пути повышения уровня конвенциональности рассматриваемых категорий и предложить возможные варианты их преодоления.

Ключевые слова: смысл, значение, знак, слово, текст.

Слово «смысл» в русском языке по частотности употребления существительных стоит только на 107 месте, уступая «рублю» (106 место), не говоря уже о «деньгах» (31 место), и даже «президенту» (96 место) [1]. Однако в науке слово «смысл» всегда играло особую роль: стоило сформулировать какую-либо проблему с использованием этого понятия, как проблема приобретала характер «вечной» (например, о смысле жизни, смысле бытия в философии) или, как минимум, «поворотной», изменявшей траекторию развития научной мысли в данной отрасли науки (как это было в науках, связанных с разработкой искусственного интеллекта, после постановки Д. Серлом вопроса о принципиальной невозможности построения полноценного искусственного разума исключительно на основе программ, манипулирующих формальными символами, лишёнными смыслового содержания) [2, с. 26]. Обращение к категории «смысла» зачастую приобретало даже некий таинственный оттенок, заводивший научную мысль то ли на грань мистицизма, то ли на грань современного научного объяснения мира. В качестве характерного примера можно привести теорию синхроничности, выдвинутую К. Юнгом, и дополняющую фундаментальный принцип причинности новым действующим в природе принципом, который упорядочивает события непричинным путем, только на основании их «смысла» [3, с. 18]. Все это можно было бы рассматривать как «научный экстре-

мизм» гуманитария, замахнувшегося на основы физической картины мира, если бы не одно «но»... Идеи К. Юнга о «смысловом взаимодействии», дополняющем четыре известные на тот момент фундаментальные физические взаимодействия, поддержал нобелевской лауреат по физике В. Паули, выступивший соавтором К. Юнга.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что с ростом интереса к теме «смысла» как со стороны зарубежных, так и отечественных ученых, и, соответственно, ростом количества научных публикаций по данной тематике, до настоящего времени отсутствует тенденция унификации понимания сущности этого термина.

С одной стороны, этому способствуют объективные причины. Понятие «смысла» используется в целом ряде научных отраслей. Помимо уже упомянутых философии и наук об искусственном интеллекте, оно занимает важное место в психологии, логике, социологии, теории информации, лингвистике, культурологии, когнитивистике и в других областях знания. И каждая из этих наук приспособливает рассматриваемое понятие под свою специфику. Так, например, в юриспруденции, по мнению отдельных авторов, смысл является корневой причиной, субстанциональным атрибутом и одновременно целью существования правовой нормы [4, с. 66]. Но тенденции унификации содержания термина «смысл» не наблюдаются и внутри отдельных отраслей науки. Создается впечатление, что практически каждый иссле-

дователь, сталкиваясь с необходимостью выбрать для себя «рабочее» определение «смысла», не удовлетворяется ни одной из уже имеющихся многочисленных дефиниций и пытается сформулировать собственную.

Это может свидетельствовать как о сложности и многоаспектности самого описываемого понятия, так и об определенных методологических трудностях, возникающих при попытке изложить естественным языком сформировавшуюся у исследователя «ментальную модель» предмета исследования.

Кроме того, анализ научных работ, посвященных рассматриваемой проблематике, показывает, что предметом исследований подавляющего их большинства выступает смысл в узком понимании, а именно, как некое свойство, носителем которого являются только «языковые структуры» – слова, словосочетания или предложения. Однако не меньшее теоретическое и практическое значение имеет исследование проблемы смысла в аспекте наделения им не только разного рода графических символов, но и самих объектов и явлений окружающей действительности. Любителям советского кинематографа хорошо известно, что цветок герани в горшке на подоконнике в квартире может выступать в качестве знака, что явка провалена. Как отмечал Г. Фреге, никому нельзя запретить считать произвольно избранное событие или предмет знаками чего угодно [5, с. 181]. Но и сама по себе система «горшок – грунт – герань» включает в себе определенный набор связей, которые можно назвать «смысловыми» и которые отражают функциональные, структурные и т. д. виды связей как между элементами «ментальной репрезентации» данной системы, так и другими элементами ментальной модели реальности. Проблема адекватного закрепления таких «смысловых связей» автономно разрабатывается в рамках одной из ключевых отраслей искусственного интеллекта – машинного представления знаний. Таким образом, проблема смысла является ключом к решению целого ряда актуальных и чрезвычайно значимых теоретических и практических задач во многих отраслях современного научного знания.

Проблемность термина «смысл» проявляется уже даже при попытке подобрать ему адекватную дефиницию, которая, фактически, должна дать ответ на вопрос:

«В чем смысл "смысла"?». По-видимому, не случайно А. В. Смирнов задается вопросом: «... не есть ли поиск смысла – погоня за призраком, ускользающим каждый раз именно перед тем, как мы готовы окончательно поймать его, просто потому, что мы ловим его – им же самим?» [6, с. 15].

Единственная возможность избежать *contradicto in adjecto* при этом – использовать синонимичные конструкции типа «значение», «содержание», «сущность» и т. д., что влечет за собой неизбежную терминологическую «чехарду». И если в англоязычной литературе понятия «смысл» и «значение» используют как взаимозаменяемые – слово «meaning» употребляется для обозначения как одного, так и другого понятий, а слово «sense» в научной литературе встречается довольно редко, то в отечественной психологии эти два понятия традиционно разграничивают [7, с. 351].

Традиция такого разграничения была заложена еще в 1892 году в работе «Смысл и денотат» немецким логиком и математиком Г. Фреге применительно к слову («имени», под которым он понимал любое обозначение, выступающее в роли имени собственного определенного предмета). «Значением» («денотатом») собственного имени, по Г. Фреге, является сам предмет, который обозначается этим именем. «Смыслом» же является содержащийся в имени «способ данности» обозначаемого. Неопределенность этой дефиниции Г. Фреге пытался компенсировать большим количеством примеров, которые должны были сделать столь лаконичное определение более понятным.

«Пусть a , b , c – прямые, соединяющие вершины треугольника с серединами противоположных сторон. Точка пересечения a и b есть в таком случае та же самая точка, что и точка пересечения b и c . Таким образом, у нас имеются различные обозначения одной и той же точки, и эти имена («точка пересечения a и b », «точка пересечения b и c ») одновременно указывают на способ данности объекта» – пишет Г. Фреге [5, с. 182].

Однако что нам могут сказать о «способе данности» обозначаемого предмета такие имена, как «ведро», «уж» или «количество»?

Дополнительно к понятиям «значения» и «смысла» Г. Фреге вводит еще понятие о «представлении» как внутреннем образе предмета, возникающем из воспо-

минаний о чувственных впечатлениях и об актах внутренней или внешней деятельности человека. Следующий пример призван, по мнению Г. Фреге, проиллюстрировать непростые отношения между этими тремя категориями: «Допустим, некто смотрит на Луну в телескоп. Саму Луну я сравню со значением; она является предметом наблюдения, которое опосредовано реальным образом, который образуется на линзах внутри телескопа, и образом на сетчатке глаза наблюдателя. Первый я приравниваю к смыслу, второй – к представлению...» [5, с. 185].

Такой подход к интерпретации понятия «смысла» ставит под сомнение его принципиальную познаваемость. Кому может быть доступен смысл в виде «образа на линзах внутри телескопа», если немедленно после появления наблюдателя, он неизбежно превращается в «представление» в виде «образа на сетчатке глаза»?

В работах Л. С. Выготского термины «смысл» и «значение» трактуются совершенно иначе. Соглашаясь с Ф. Поланом в том, что «Смысл слова ... представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» [8, с. 323], он, фактически, признает многокомпонентный характер и сложную структуру, стоящую за этим термином. Такой подход позволяет чрезвычайно широко трактовать понятие смысла, включив в него в качестве одного из структурных элементов, в частности, обобщенный внутренний образ предмета или явления, обозначаемого данным словом (или некоторое количество таких образов, если, в силу высокой степени абстрактности выражаемого словом понятия, одного конкретного образа для его «ментального отображения» оказывается недостаточно, или если слово является полисемичным). Это позволяет уйти от ставшего теперь излишним самостоятельного понятия «представление», фигурирующего в теоретических построениях Г. Фреге.

В качестве отдельного элемента, образующего структуру категории «смысл», Л. С. Выготский вводит понятие «значение»: «Смысл слова... оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. «Значение» есть только одна из зон... и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная... Значение есть тот неподвижный и

неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте». В работах Л. С. Выготского главный акцент сделан на соответствие «значению» слова не отдельного предмета (как это было с «денотатом» у Г. Фреге), а того обобщенного субъективного представления, который формируется у человека применительно к каждой совокупности предметов или явлений, обладающих такой степенью «схожести» своих свойств (признаков), которая позволяет свести их к единому понятию. «Обобщение и значение слова, – отмечал он, – суть синонимы» [8, с. 277].

А. Р. Лурия выделяет три аспекта термина «значение». «Денотативное значение», обусловленное полисемичностью подавляющего большинства слов естественного языка, он связывает с обозначающей функцией слова и, по сути, возвращается к заложенной Г. Фреге традицией понимать под значением слова его предметную отнесенность. Именно денотативное значение слова «удваивает мир и позволяет человеку мысленно оперировать с предметами даже в их отсутствие» [9, с. 37].

С другой стороны, опираясь на предложенную Л. С. Выготским концепцию понимания значения слова как обобщенного ментального представления индивидуума о целом классе сходных предметов (явлений) окружающей действительности, А. Р. Лурия вводит понятие «категориального» или «понятийного» значения.

И, наконец, под «ассоциативным значением» слова он понимает весь массив слов («семантическое поле»), связанных в сознании индивидуума с исходным словом в силу различных обстоятельств – предыдущего жизненного опыта, «внутренних» и «внешних» ассоциативных связей [9, с. 40].

Значению слова, как относительно устойчивому образованию, А. Р. Лурия противопоставляет его «смысл», под которым он понимает «индивидуальное значение слова», состоящее из тех связей, которые имеют отношение к окружающему контексту [9, с. 60].

Таким образом, приведенный выше анализ позволяет сформулировать ряд выводов по поводу существующих подходов к определению значения терминов «значение» и «смысл» (или к определению смысла понятий «значение» и «смысл»).

В языкознании проблема разграничения этих понятий носит, скорее, техниче-

ский характер и обусловлена низкой степенью конвенциональности слов «значение» и «смысл». Есть определенный набор аспектов реальности, изучение которых входит в «круг интересов» большого числа отраслей науки, и связанных между собой различными видами связей (функциональными, структурными и т. д.). Чаще всего этот набор включает в себя следующие элементы:

- конкретный предмет (явление) окружающей действительности;
- обозначающий его языковой знак (набор знаков);
- сенсорно-перцептивный образ данного предмета (явления), возникающий у индивидуума при восприятии конкретного предмета (явления);
- субъективные переживания индивидуума, обусловленные восприятием предмета (явления) окружающей действительности или обозначающего этот предмет языкового знака (набора знаков);
- обобщенное понятие определенного класса предметов (явлений), сложившееся в сознании индивидуума, и представляющее собой набор вторичных образов со множеством структурных и функциональных связей между собой;
- конвенциональное содержание языкового знака.

И есть два термина (а фактически – языковых знака): «значение» и «смысл». Задача заключается в том, чтобы решить: что из вышеперечисленных «ингредиентов» и в каких пропорциях стоит включить в качестве содержания в две доступные «формы» с точки зрения их дальнейшего наиболее эффективного использования в рамках той или иной научной отрасли. На протяжении развития науки подходы к решению этой задачи применялись самые разные. Кому-то двух терминов оказалось мало и пришлось вводить дополнительные отдельные понятия (например, «представление» у Г. Фреге) или разделять имеющиеся на отдельные «подкатегории» («денотативные», «категориальные» и «ассоциативные» значения у А. Р. Лурья [9, с. 40]. Для других, наоборот – много: как уже отмечалось выше, в англоязычной литературе понятия «смысл» и «значение», как правило, используются как взаимозаменяемые. Третьи вкладывают в каждое из этих понятий совершенно различное содержание в зависимости от уровня языковых единиц, применительно

к которым данные термины рассматриваются [10].

Проблема адекватного выбора осложняется еще различного рода «аномалиями», внутренне присущими любому естественному языку – полисематичностью языковых знаков, возможность их «косвенного» (в терминологии Г. Фреге) употребления (т. е. когда с помощью языковых знаков мы обозначаем не предмет (явление) окружающей действительности, а другие языковые знаки) и т. д.

Попытки учесть эти «аномалии» при перераспределении содержания терминов «значение» и «смысл», зачастую, приводят к, мягко говоря, замысловатым сентенциям: «В этом случае мы имеем дело со знаками знаков... В целях краткости мы будем говорить: в косвенной речи слова выступают в *косвенном* употреблении или имеют косвенное значение. В соответствии с этим мы отличаем *обычное* значение некоторого слова от его *косвенного* значения и его *обычный* смысл от его *косвенного* смысла. Косвенным значением некоторого слова является, таким образом, его *обычный* смысл» [5, с. 182].

Еще более запутанной является ситуация с содержательным разграничением терминов «смысл» и «значение» применительно к целому предложению. Как отмечает А. Ю. Агафонов, смысл не складывается по частям, в то время как значения, например, языкового выражения, наслаиваются друг на друга. Так, значение высказывания есть последовательная структура, образующаяся из значений знаков, которые составляют развернутое языковое высказывание [11, с. 96]. «Смысл, в отличие от значения, – считает В. П. Зинченко, – складывается (извлекается) не последовательно, линейно из различных уровней языка, в котором описана, дана ситуация, а схватывается нами комплексно, симультанно» [12, с. 51].

В этой связи достаточно разумной представляется позиция А.Ф. Корниенко, предлагающего в отношении отдельных слов ограничиться понятием «значение», а понятие «смысла» использовать применительно к целостным совокупностям языковых единиц – предложениям, «сверхфразовым единствам» и т. д. В таком случае слово будет иметь одно или несколько значений, которые надо будет знать, а совокупность слов будет иметь определенный смысл, который надо будет понимать [13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список частотности по НКРЯ – существительные. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_частотности_по_НКРЯ (дата обращения: 26.02.2021).
2. Searle, John. Is the Brain's Mind a Computer Program? // Scientific American Т. 262 (1). С. 26–31.
3. Wolfgang Pauli, Carl Gustav Jung. The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955. – 247 с.
4. Чукин, Д. С. Принцип справедливости и его реализация при усмотрении правоприменителя / Д. С. Чукин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1. – С. 64–68.
5. Фреге, Г. Смысл и денотат / (пер. с нем.) / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Выпуск 8. – Москва: Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук, 1977. – С. 181–203.
6. Смирнов, А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 492 с.
7. Краткий психологический словарь / ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский; ред.-сост. Л. А. Карпенко. – Изд. 2-е, расшир., исправл. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.
8. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с.
9. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва: Московский государственный университет, 1979. – 320 с.
10. Новиков, А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании / А. И. Новиков. – URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html> (дата обращения: 26.02.2021).
11. Агафонов, А. Ю. Основы смысловой теории сознания / А. Ю. Агафонов. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 296 с.
12. Зинченко, В. П. Психологическая педагогика / В. П. Зинченко. – Часть I. Живое знание. – Самара, 1998. – 2016 с.
13. Корниенко, А. Ф. Значение и смысл слова и речи / А. Ф. Корниенко. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/10297>. (дата обращения: 26.02.2021).

* * *

PRONIN KONSTANTIN VLADIMIROVICH

Candidate of Law, Associate Professor

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

SENSE OF "MEANING" OR MEANING OF "SENSE"

Annotation. The article examines the current approaches to defining the content of the terms "meaning" and "sense" in various branches of science. In the course of analyzing these approaches, an attempt is made to identify the main obstacles to increasing the level of conventionality of the categories under consideration and to propose possible options for overcoming them.

Keywords: sense, meaning, sign, word, text.

* * *

УДК 373

РОГОДНИКОВА РАИСА АНАТОЛЬЕВНА

доктор педагогических наук, профессор
 профессор кафедры военной педагогики и психологии
 (Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ПЛЕШИВЦЕВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения)
 (Пермский военный институт войск национальной гвардии, г. Пермь)

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ КАК НРАВСТВЕННОГО КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ У УЧАЩИХСЯ «КЛАССА РОСГВАРДИИ»

Аннотация. В статье приводится определение понятия «принцип воспитания» и рассматриваются принципы воспитания социальности как нравственного качества личности у учащихся «Класса Росгвардии». Авторы указывают на специфику «Класса Росгвардии» в процессе воспитания социальности у подростков.

Ключевые слова: принцип воспитания, социальность как нравственное качество личности, «Класс Росгвардии», самовоспитание, гуманизм.

Формирование социальности как нравственного качества личности у учащихся «Класса Росгвардии» характеризуется специфичностью принципов воспитания, лежащих в основе воспитательного процесса.

Педагогический глоссарий А. В. Родионовой дает понятию «принципы воспитания» следующее определение: «Принципы воспитания – это общие требования к воспитательному процессу, выражающиеся в нормах, правилах, организации и проведении воспитательной работы» [4].

Рассмотрим основные принципы, лежащие в основе данного процесса.

Принцип целостности всех элементов воспитательного процесса. Применяя данный принцип к процессу воспитания социальности как нравственного качества личности у учащихся «Класса Росгвардии», следует отметить, что в конечном итоге школьник должен прийти к самовоспитанию, т. е. перейти на качественно новый уровень. Зная такую особенность, можно сказать, что самовоспитание целесообразно использовать в качестве критерия оценки уровня сформированности социальности у воспитанников «Класса Росгвардии». Приведенная краткая характеристика принципа целостности указывает на то, что в воспитательном процес-

се военнослужащий должен использовать целый комплекс методов, приемов и средств воспитания. Также должна быть учтена специфика задач, поставленных перед «Классом Росгвардии».

Следование данному принципу в «Классе Росгвардии» выстраивается в трех направлениях:

- взаимодействие военнослужащих с учащимися не только в учебной, но и в досуговой развивающей деятельности;
- использование разнообразной деятельности для общего и индивидуального развития ребенка;

- использование для формирования социальности многообразных направлений воспитания личности (нравственного, физического, трудового, интеллектуального, эстетического, политического, экономического).

Ключевая роль военнослужащих в процессе воспитания социальности. Несомненно, что деятельность педагога должна быть согласована с деятельностью военнослужащих. Именно в таком единстве педагогической деятельности и создаются наиболее благоприятные условия для процесса воспитания социальности. Также немаловажным фактором является личный пример поведения военнослужащего. Учащиеся «Класса Росгвардии» должны быть не пассивными объектами, а актив-

ными субъектами воспитательного процесса. Однако этот процесс невозможно пустить на самотек, поскольку он нуждается в первичной организации. Эту роль как раз и выполняет военнослужащий. Ему необходимо внимательно смотреть за тем, чтобы роль организатора воспитательного процесса не перешла грань, за которой активность учащихся, их инициативность и стремление принять участие в жизни класса нивелируется. Процесс руководства воспитательным процессом, в общем, и формированием социальности, в частности, должен учитывать активную роль самих учащихся. Таким образом, из рассмотренного принципа вытекает следующий принцип: принцип организации активной социальной деятельности, что свидетельствует об их взаимосвязи.

Принцип организации активной социальной деятельности учащихся «Класса Росгвардии».

Данный принцип указывает на то, что процесс воспитания социальности должен представлять собой взаимодействие с одной стороны военнослужащих, а с другой стороны самих учащихся. Следует уточнить, что большая часть активной деятельности должна исходить от взрослых, которые на своем примере постепенно должны увеличивать долю самостоятельности школьников в процессе социальной активности с тем, чтобы сформировать у учащихся навык социальной деятельности и активности.

Принцип гуманизма. Данный принцип является очень важным в процессе воспитания социальности как нравственного качества личности, поскольку и сам воспитательный процесс, и развитие современного общества имеют гуманистический вектор направленности и должны рассматриваться в качестве идеала. В работе с учащимися «Класса Росгвардии» принцип гуманизма должен, в первую очередь, отражаться во взаимоотношениях между военнослужащими и школьниками. Глядя на модель поведения взрослых, в основе которой положен принцип гуманизма, подростки также будут брать ее в качестве примера модели поведения в обществе. Цель военнослужащего при реализации на практике данного принципа заключается в создании наиболее благоприятных условий для личностного развития учащегося, посредством которых осуществляется его самоопределение в жизни.

Принцип коллективизма. Данный принцип характеризуется тем, что на личность школьника оказывает влияние не только личность и модель поведения военнослужащего, но и других учащихся «Класса Росгвардии». Общаясь между собой, подростки оказывают влияние друг на друга в области формирования социальности, поскольку примеряют на себя разные социальные роли, сам класс является мини-моделью социума. Из этого следует, что от того, какие условия будут сформированы внутри коллектива «Класса Росгвардии», будет зависеть успешность формирования социальности как интегративного качества личности подростка. В этой связи целесообразно использовать положительный опыт советских педагогов.

«Ничто так не скрепляет коллектив, как традиции» – говорил А. С. Макаренко [2].

Следует отметить, что большой вклад в методiku формирования социализации внес В. А. Сухомлинский, который высоко ценил нравственный потенциал традиций. Традиции в коллективе могут быть различными, однако неизменной остается их функция: быть скрепляющим звеном коллектива [6].

Отметим, что не любая группа людей может быть названа коллективом: у воспитанников должны быть сформированы такие чувства и ценности, как доброта к ближнему, доверие, взаимовыручка, коллективная ответственность, умение работать в команде на результат. В данном случае учащийся «Класса Росгвардии» учится совмещать без ущерба личностные интересы и интересы коллектива. В качестве подобных традиций могут быть использованы даты военных побед российских войск, например. В этой связи особую актуальность приобретает не только внеклассная деятельность, но и общешкольная деятельность массового характера.

Рассмотренные принципы, их краткая характеристика и анализ показали их взаимообусловленность. Следовательно, в воспитательном процессе они должны быть использованы комплексно. Только такой подход позволит сформировать социальность учащихся «Класса Росгвардии» на качественно высоком уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованова, Н. Ф. Педагогика: учебник для студентов учреждений высшего

профессионального образования / Н. Ф. Голованова. – Москва: Академия, 2011. – 238 с.

2. Макаренко, А. С. Проблемы школьного советского воспитания / А. С. Макаренко; под ред. Г. С. Макаренко. – Москва: Академия педагогических наук РСФСР: Институт теории и истории педагогики, 1949 (Образцовая тип. им. Жданова). – 132 с.

3. Мудрик, А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. – 8-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2013. – 239 с.

4. Родионова, А. В. Педагогический глоссарий. Методическая разработка. – Липецк, 2010. – 10 с.

5. Рожков, М. И. Теория и методика воспитания: учебник для студентов высших учебных заведений / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, 2012. – 415 с.

6. Сухомлинский, В. А. Методика воспитания коллектива / В. А. Сухомлинский. – Москва: Просвещение, 1981. – 192 с.

* * *

ROGODNIKOVA RAISA ANATOLYEVNA

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Military Pedagogy and Psychology
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

PLESHIVTSEV ANDREY YURYEVICH

Adjunct Adjunct courses of full-time and part-time study
(Perm Military Institute of the National Guard Troops, Perm)

PRINCIPLES OF DEVELOPMENT SOCIALITY AS A MORAL QUALITY OF A PERSON AMONG THE PUPILS «ROSGVARDIA CLASS»

Abstract. The article provides a definition of the concept of «the principle of education» and examines the principles of development sociality as a moral quality of a person among the pupils «Rosgvardia Class». The authors point to the specifics of the «Rosgvardia Class» in the process of development sociality among teenagers.

Keywords: the principle of education, sociality as a moral quality of the person, «Rosgvardia Class», self-education, humanism.

* * *